

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-образовательный и методический журнал

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

№ 4 (30) 2018

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2018

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

12+

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИНЦ
(регистрационный номер 261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Балсевичуте-Шлякене Виргиния, д-р гуман. наук, профессор, профессор Вильнюсского государственного педагогического университета (Литва, Вильнюс);

Бразговская Елена Евгеньевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Россия, Пермь);

Бурлыкينا Майя Ивановна, доктор культурологии, профессор, директор музея истории просвещения Коми Края Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Гончаров Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Россия, Санкт-Петербург);

Гурленова Людмила Викторовна, д-р филол. наук, профессор, директор института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Жеребцов Игорь Любомирович, д-р исторических наук, старший научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН (Россия, Сыктывкар);

Жюзев Николай Федосеевич, д-р философ. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто, председатель комитета по образованию общества «Little Russia» (Канада, Торонто);

Леонов Иван Владимирович, д-р культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, сопредседатель Санкт-Петербургского и Ленинградской области отделения Научно-образовательного культурологического общества (Россия, Санкт-Петербург);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Муравьев Виктор Викторович, д-р философ. наук, доцент, профессор каф. культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Сотникова Ольга Александровна, д-р педагогических наук, и.о. ректора Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар);

Скотт Тое, д-р философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Осло, Норвегия);

Сурво Арно, д-р философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Сурво Вера Викторовна, д-р философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Осло, Норвегия);

Тульчинский Григорий Львович, д-р философ. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург);

Шабает Юрий Петрович, д-р ист. наук, профессор, зав. отделом этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН (Россия, Сыктывкар);

Шапинская Екатерина Николаевна, д-р философ. наук, профессор, зам. руководителя Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Россия, Москва).

Редакция журнала

В. В. Муравьев, О. В. Золотарев, Л. В. Гурленова.

Главный редактор Л. В. Гурленова

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Мазур Виктория Васильевна, начальник отдела планирования организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Гудырева Любовь Васильевна, канд. филол. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга; руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Руденко Людмила Николаевна, ведущий редактор издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Вокуев Николай Евгеньевич, канд. культурологии, доцент кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.

E-mail: lrudenko@bk.ru

Подписной индекс журнала Е34110, каталог «Почта России» 78782.

Подписка через сайт «Пресса по подписке» www.aks.ru.

Свободная цена

Стоимость подписки 618 руб. на полгода.

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Философия культуры

Клюкина Л. А. Философско-культурологический смысл понятия «логос» в «Лекциях по античной философии» М. К. Мамардашвили Klyukina L. A. Philosophical and culturological meaning of the notion 'logos' in Merab Mamardashvili's "Lectures on Ancient Philosophy"	6
Козырев Ю. Г., Анкудинов А. А. Противоречивость природы общественного мнения как инструмента познания социальной реальности Kozyrev Y. G., Ankudinov A. A. The ambiguity behind the nature of public opinion as an instrument of cognition of social reality	18
Лапатин В. А. «Умножая скорбь»: страдание как оборотная сторона «гедонистического императива» современности Lapatin V. A. «Increasing Sorrow»: Suffering as the Other Side of Nowadays «Hedonistic Imperative»	30
Морозова И. Н. Проблемы искусства в отечественной православной мысли конца XIX — первой четверти XX в. (по материалам периодических изданий) Morozova I. N. Art's problems into Russian orthodox thought late XIXth — first quarter of XXth centuries (on the materials of periodicals)	46
Судакова Н. Е. Онтология инклюзии: технологизация бытия — свобода или зависимость? Sudakova N. Ye. Ontology of inclusion: the technologization of being — freedom or dependence?	56

Культурология

Зыкин А. В. Развитие культуры и этнического самосознания шорцев в XX веке Zykin A. V. The development of Shors culture and ethnic identity in the 20th century	74
Зыков С. Н., Сиروتина И. Л. Традиционная удмуртская и финно-угорская тематика в современной женской одежде: информационная этносемантическая парадигма Zykov S. N., Sirotina I. L. Traditional Udmurt and Finno-Ugric Topics in Present-Day Women's Costume: Informational and Sacred Meaning	90
Иванищева О. Н. Фейковые новости как новая форма пропаганды Ivanishcheva O. N. Fake news as a new form of propaganda	104
Родионова Д. Д., Шинкаренко Г. В., Андреев В. В. Роль музеев Кемеровской области в сохранении и трансляции регионального историко-культурного наследия Rodionova D. D., Shinkarenko G. V., Andreev V. V. The role of the museums of the Kemerovo region in the preservation and translation of the regional historical and cultural heritage.	111
Розов А. Н. Народный календарный праздник и православие Rozov A. N. National calendar holiday and Orthodoxy.	122

Сырыгин Д. С. Музеи военно-промышленных предприятий: фактор их актуализации и популяризации Syrygin D. S. Museums of military-industrial enterprises: the factor of their actualization and popularization	133
Хренов Н. А. Синтез искусств как синтез культур в художественном авангарде. Часть 3 (окончание) Khrenov N. A. Synthesis of arts as the synthesis of cultures in the artistic avant-garde	143
Материалы, публикуемые в рамках конференции «Семиозис и культура: человек в современном коммуникативном пространстве» (13—15 декабря 2018 года, г. Сыктывкар)	
Иконникова С. Н., Леонов И. В. Основные модели и «когнитивные ловушки» биографических исследований Ikonnikova S. N., Leonov I. V. Basic models and «cognitive traps» of biographical research	164
Тулчинский Г. Л. Оценочно-эмоциональные факторы смыслообразования: нормативно-ценностные паттерны нарративов культуры Tulchinskii G. L. Estimating and emotional factors for meanings generation: normative-value patterns of cultural narratives	175

Педагогика

Королева Т. П. Формирование лингвокультурологической компетенции школьников при изучении грамматики русского и коми (родного) языков Koroleva T. P. Development of linguoculturological competence of schoolchildren in the process of studying the grammar of the Russian and native (the Komi) languages	194
Уланова С. А., Шарафуллина Ж. В., Терентьева С. Н. Модель «школа — территориальный центр здоровьесбережения» в условиях Крайнего Севера Ulanova S. A., Sharafullina Z. V., Terentyeva S. N. Model «school — regional center of health care» in the far north	208

Рецензии

Зюев Н. Ф. Рецензия на монографию: Первоначала как фактор освоения и организации пространства: генезис, число, топология, вероятность, классификация / под ред. Д. В. Денисова. Самара: Изд-во СамГУПС, 2016. 352 с. Zyuzev N. F. Review on the monograph: The First Principles as Factors of Territory Development and Formation: Genesis, Number, Topology, Probability, Classification. D. V. Denisov, ed. Samara, Samara State University of Communications Ways Publishing House, 2016, 352 p.	230
---	-----

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

Л. А. Ключина

Философско-культурологический смысл понятия «логос» в «Лекциях по античной философии» М. К. Мамардашвили

Научной новизной работы является выявление автором философско-культурологического смысла понятия «логос» в «Лекциях по античной философии» М. К. Мамардашвили. Понимая философию как практику самосозидания человека, Мамардашвили трактует логос как «производящее слово», обозначающее возможность организации ситуации понимания смысла средствами философского языка. Общим моментом в трактовке понятия логоса у Мамардашвили и у В. В. Бибихина является понимание логоса в качестве целостности философского языка, посредством которого осмысливается и возобновляется опыт трансценденции в культуре.

Ключевые слова: Гераклит, «Лекции по античной философии» М. К. Мамардашвили, Логос, «производящее слово», трансценденция, язык философии.

L. A. Klyukina. Philosophical and culturological meaning of the notion 'logos' in Merab Mamardashvili's "Lectures on Ancient Philosophy"

This article owes its novelty to the author's examination of the notion 'logos' in Merab Mamardashvili's "Lectures on Ancient Philosophy" and discovery

of its philosophical and culturological meaning. Seeing philosophy as a practice of a person's self-realization, Mamardashvili interprets logos as 'the bearing word', in a sense that it 'bears' the possibility of organization of the situation of understanding the meaning by using various instruments of the philosophical language. There is one similarity between M. K. Mamardashvili's and V. V. Bibikhin's interpretation of logos. Both philosophers understand logos as the entirety of the philosophical language, by means of which the experience of transcendence in culture is conceptualized and reproduced.

Keywords: Heraclitus, "Lectures on ancient philosophy" M. K. Mamardashvili, Logos, 'the bearing word', transcendence, language of philosophy.

Курс лекций по античной философии М. К. Мамардашвили был прочитан в 1979—1980 гг. во Всесоюзном государственном институте кинематографии. Тексты этих лекций были записаны автором на магнитофон. Впервые эти лекции были опубликованы уже после смерти автора в 1999 году под названием «Лекции по античной философии». Мамардашвили поставил перед собой задачу: прочитать свой курс так, чтобы у слушателей сложилось представление о *реальной* философии, являющейся не теоретической философией как учение о системах, но «философией, которая закодирована в некоторых условиях сознательной человеческой жизни (в той мере, в какой она реализуется как сознательная жизнь)» [7, с. 23]. В своих лекциях Мамардашвили много внимания уделил проблеме становления философского сознания в античной культуре. Для понимания этой проблемы, с точки зрения мыслителя, необходимо уяснить смысл основных понятий античных философов. Среди этих понятий особую теоретико-методологическую значимость имеет понятие «логос» в ранней греческой философской мысли. Мамардашвили, сохраняя значение понятия логоса в классической философской традиции, предлагает еще одну новую коннотацию данного слова-понятия, а именно: логос как «производящее слово». **Понятие логоса — «производящего слова»** в античной философии Мамардашвили раскрывает, обращаясь к интерпретации артефактов культуры XX века. В этой связи целью данной статьи является исследование философско-культурологического смысла понятия «логос» в «Лекциях по античной философии» М. К. Мамардашвили. Именно в такой формулировке данный вопрос в отечественной науке не исследован.

Для уяснения специфики философии сознания Мамардашвили и ее самобытности использовались труды В. В. Калиниченко [3], В. А. Конева [5], Н. В. Мотрошиловой [8], А. М. Сергеева [9], В. Ю. Файбышенко [11]. Авторы сходятся на том, что сознательный опыт Мамардашвили интерпретировал как опыт самопонимания в различных историко-культурных контекстах. Исследование точки зрения Мамардашвили на проблему функционирования сознания в культуре проводилось на основе работ А. Л. Доброхотова [2], А. М. Сергеева [9], а также автора данной статьи [4]. В качестве методов исследования были использованы философский и сравнительный анализ текстов.

Слово λόγος в греческом языке означало «слово» и происходило от λέγειν – говорить [10, с. 20]. Русский философ С. Н. Трубецкой в своей фундаментальной работе, посвященной эволюции понятия логоса в античной и христианской культуре, писал, что уже греческие прозаики от Кадма и Гекатея Милетского до Геродота противопоставляли логос мифу, как истину выдумке [10, с. 20—21]. Трубецкой также отмечал, что в древнегреческой философии смысл термина «**логос**» определился не сразу. Однако, по его мнению, «уже ранняя греческая философия приобрела характер анти мифологический, противопоставляя мифу и эпосу «разумное слово» о природе вещей: здесь слово, или логос, означает *рассуждение*» [10, с. 21]. Мамардашвили также обращал внимание на противопоставление мифа и логоса в античной философской традиции. С его точки зрения, понятие **логос** в качестве философского понятия впервые ввел в употребление Гераклит. В своих лекциях Мамардашвили обосновывал мысль, что «логос» Гераклита — это не слово, предполагающее конкретный объект, а условие, возможность существования смысла: «Настоящий смысл не есть смысл прямого утверждения» [7, с. 46]. В истории философии неоднократно подчеркивалась многозначность понятия **логоса** у Гераклита. Гераклит называл логос словом, мировым законом, единым, а чаще использовал пары противоположностей. «Гераклит говорит, что все делимое неделимо, рожденное нерожденно, смертное бессмертно, Слово — Эон, Отец — Сын, Бог — справедливость: «Выслушав не мою, но эту-вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно»» [12, с. 199]. Мамардашвили считал, что Гераклит использовал противоположности, чтобы освободить мышление от наглядного предметного языка,

так как «собранное, соединенное как логос, отлично от всех частей, составляющих его» [7, с. 63]. Чтобы пояснить мысль Гераклита, Мамардашвили обращается к феноменологии мыслителя XX века Э. Гуссерля. Он приводил пример Гуссерля с кубом и утверждал, что невозможно видеть куб физическим зрением со всех сторон с одной точки. Возможно только понимание идеи куба как мысли о кубе [7, с. 53]. Поэтому Мамардашвили предлагает следующее содержание понятия **логоса** у Гераклита: «Первичный смысл Логоса — собрание всего того, что знаем мы или не знаем, относится к делу» [7, с. 59]. Логос древнегреческих философов, по мысли Мамардашвили, есть понимание бытия или мышление о бытии, которое, как утверждал Парменид, совпадает с самим бытием. Мамардашвили акцентирует внимание на том, что досократики выделяли мир бытия и мир мнения, мир истины и повседневности. Бытие едино, не возникает и не исчезает, неподвижно у Парменида и находится в становлении у Гераклита. Логос есть знание о бытии как об упорядоченном целом, как о космосе, поэтому это божественный разум, который люди, по мнению Гераклита, не понимают. «Эту вот Речь (Логос), сущую вечно, люди не понимают и прежде, чем выслушать [ее], и выслушав однажды. Ибо, хотя все [люди] сталкиваются напрямую с этой вот Речью (Логосом), они подобны незнающим [ее], даром что узнают на опыте [точно] такие слова и вещи, какие описываю я, разделяя [их] согласно природе [=истинной реальности] и высказывая [их] так, как они есть. Что ж касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому как этого не помнят спящие» [12, с. 189]. Мамардашвили разъясняет мысль Гераклита следующим образом. Мир бытия и мир повседневности не существуют отдельно друг от друга. Мир повседневности – это результат психологического опыта. Мамардашвили под психологией понимает опыт, который «целиком определяется разрешающими возможностями нашего восприятия» [7, с. 48]. В качестве примера он приводит работу журналиста, который выстраивает сообщение о событии согласно журналистской логике, превращая событие в сенсацию. В человеческом мире могут быть созданы условия, при которых смысл события не может быть воспринят в качестве такового. Чтобы истина была узнанной, необходимо создать условия ее понимания. Греческие философы, с точки зрения Мамардашвили, создали особую культуру мыш-

ления для восприятия истины и называли ее философией. Философские понятия как раз и создают горизонт понимания, который греки называли бытием. Однако философские понятия не имеют референтов в виде предметов, они воспроизводят ситуацию понимания сознания. Именно такую функцию выполняет в греческой мысли понятие логоса, обозначающее условие мышления, само по себе являющееся принципиально неаналитичным, так как осознание мысли происходит вместе с воспроизводством самой мысли. Мамардашвили считал, что это условие греческие мыслители принимали как факт и грамотно этот факт описали и зафиксировали в понятиях логоса, бытия, космоса [7, с. 73]. Далее философ отмечает, что в греческой философии смыслы разветвляются: первичный смысл логоса Гераклита обозначается у Аристотеля не словом «логос», а словом «топос». «Логосом» Аристотель называл свойство суждений [7, с. 61]. В пояснениях Мамардашвили топос — это явление, которое не является частью другого целого [7, с. 61]. Такое нечто полностью актуально развернутое и неделимое он называет бытием [7, с. 66]. В досократической философии не было представления о трансцендентности бытия, которое оформляется в философии Платона. У Гераклита **логос** — это божественный огонь, т. е. сама природа. По Гераклиту человек уже приобщен к **логосу**, но воспринимать его мешает субъективность: «Глаза и уши — дурные свидетели для людей, если души у них варварские» [12, с. 193]. Мамардашвили демонстрирует идею Гераклита о том, что необходимо сосредоточиться не на предметности мышления, но на том, что порождает предмет, на примерах, где Гераклит отождествляет логос с законом. «Кто намерен говорить [«изрекать свой логос»] с умом, те должны крепко опираться на общее для всех, как граждане полиса — на закон, и даже гораздо крепче. Ибо все человеческие законы зависят от одного, божественного: он простирает свою власть так далеко, как только пожелает, и всему довлеет, и [все] превосходит» [12, с. 197]. Мамардашвили интерпретирует логос-закон Гераклита как «закон законов», условие производства законов и жизненную потребность жить по закону [7, с. 79]. Логос-закон Гераклита в этом смысле понимается им связью противоположностей, актуального и потенциального, общего и частного, эстетического и этического, т. е. гармонией. А. Ф. Лосев считает, что идея логоса-закона Гераклита усиливается в творчестве Платона и

дополняется идеей логоса-гармонии: «Вся платоновская эстетика, основанная на свободной стихии света и его вечного самоизлучения, на стихии любви, на пристальном и страстном созерцании всякого рода пластической фигурности, в то же самое время пронизана упорнейшей верой в закон бытия, в обязательную непреодолимую *закономерность* жизни, в такую ее упорядоченность, которая не допускает никаких исключений» [6, с. 265]. Мамардашвили показывает, что идея гармонии максимально проявляется в ранней греческой философии как способ понимания оппозиции «бытие — ничто». В понятии «ничто» он описывает способность человека к трансцендированию, в результате которого появляется сам человек, его человеческие состояния. «Ничто» понимается им как «возможность чего-то другого» [7, с. 65]. «А поиск возможного предполагает выпадение из стереотипов, из привычно сцепившихся связей (в том числе привычек мышления, привычек культуры) – из знаковых культурных систем» [7, с. 67]. Поэтому «ничто» Мамардашвили также отождествляет с идеей свободы, осмысленной греческими философами в понятии «диалектика». Только в диалоге, где сталкиваются противоположные мнения, можно обнаружить «явление, само не являющееся выводимым членом или элементом какой-либо непрерывной причинной связи» [7, с. 35]. Это «самоосновное явление» есть условие мышления и высказывания о чем-то, появляющееся в ходе самого мышления и разговора. Мамардашвили такую смыслопорождающую конструкцию называл логосом, «производящим словом»: «Логос — производящее слово, внутри которого или в топосе которого что-то возникает в нас, в том числе возникают акты понимания чего-то другого, а именно: в людях, самой конструкцией слова как Логоса порождаются акты понимания природы (фюзиса). Природа становится зримой, прозрачной или понятной» [7, с. 70].

По признанию самого Мамардашвили, это новое значение понятия логоса является модернизацией [7, с. 70]. В античной культуре отсутствовало личностное измерение. Однако Мамардашвили при чтении своих лекций исходил из пропедевтического правила, что философия – это не представления людей о мире, а способ самосозидания человека, захваченного «желанием быть» [7, с. 11]. Свой опыт философствования он также осуществлял в виде практики самопонимания. В. Калиниченко утверждал, что в работах Мамардашвили

наблюдается определенное смещение в трактовке понятий «классическое» и «неклассическое» «в сторону от привязки их к историческому времени — к выявлению архетипической «встроенности» классики в неклассический опыт» [3, с. 259], что было связано с опытом самоосмысления философа. Чтобы актуализировать учение о **логосе** античной философии Мамардашвили сопоставляет его с идеей о «производящем произведении» эстетики XX века, выраженной в романах У. Фолкнера, Дж. Джойса, М. Пруста. Настаивая на том, что «мысль не предшествует «выражению»» [7, с. 70], он описывает новый жанр, созданный вышеназванными писателями. Роман является «производящим произведением» в том смысле, что он не отображает реальность, но конструирует ее, т. е. роман конструирует мир эффектов, через отношение к которым автор романа начинает что-то понимать о себе и изменяться. То же самое происходит и с читателем романа [7, с. 82]. Особую значимость для Мамардашвили имеет роман М. Пруста «В поисках утраченного времени», размышление над которым изложено в его отдельной книге «Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени»». «Для него роман Пруста — не полигон философских испытаний, а книга-жизнь, книга-судьба» [2, с. 358]. Пруст посредством своего романа пытался понять смысл своей жизни под знаком вечности, т. е. обрести утраченное время. С точки зрения А. Л. Доброхотова, новым в толковании Пруста у Мамардашвили было то, что он представил роман «одним гигантским по длительности и массе вовлеченных в него образов актом “когито”» [2, с. 360]. «Топология этого пути самосознания осуществляет то, что не может быть выведено из дедуктивных процедур: из объекта, включенного в поток событий и переживаний и претерпевающего то, во что вовлек его континуум «потерянного времени», читатель вместе с автором становится (если сумеет) субъектом, сознанию которого принадлежит время, зависящее теперь от смыслополагающего действия автора» [2, с. 360]. В лекциях по античной философии Мамардашвили развивал мысль о том, что возобновление акта когито связано со способностью человека «зановомиротворения» [7, с. 108], организации ситуации понимания смысла, а не ее объектного описания. Чтобы сделать это, человеку необходимо на чем-то сосредоточиться, нужны какие-то артефакты: произведения искусства или философские тексты, интенционально воздейству-

ющие на человека и вызывающие состояния трансцендирования. Именно такую функцию, по его мнению, выполняет **логос** Гераклита как «производящее слово», слово, которое производит человеческие состояния в человеке, т. е. самого человека.

В. В. Биbihин, ссылаясь на мысль М. Хайдеггера о **логосе** Гераклита как о трансценденции, считает, что приблизиться к пониманию логоса можно только путем веры. «Гераклит не зря напоминает о вере (πίστις), которая необходима для познания божественного по той причине, что это последнее «ускользает от познания из-за своей невероятности». Логос не имеет отношения к обобщающе-абстрагирующей рационализации сущего» [1, с. 135]. Биbihин акцентирует мысль Хайдеггера о том, что до того, как человек уже что-то понял, осмыслил, изобрел или был чем-то захвачен, пространство, в котором он все это осуществлял и осуществляет, устроено не им. Мир уже дан человеку как целое до того, как он стал мыслить о нем. На семинарах, проведенных вместе с его учеником Е. Финком, Хайдеггер развивал мысль о том, что необходимо реконструировать первоначальную мысль о логосе, обращаясь к методу этимологизирования. Логос (λόγος) Гераклита Хайдеггер сначала переводит как «слово», но затем, чтобы отличить его от логики как учения о высказываниях, переводит как «сбор» от слова λέγειν («собирать») [13, с. 327] и определяет его следующим образом: «Λόγος, о котором говорит Гераклит, будучи собиранием и средоточением, будучи тем единым, которое соединяет всё, не является каким-то качеством внутри сущего. Этот Λόγος есть исконное со-средоточение, которое хранит сущее как таковое. Этот Λόγος есть само бытие, в котором бытийствует всякое сущее» [13, с. 340—341]. Осмысление логоса, по Хайдеггеру, есть размышление о бытии посредством обращения к древнему языку, в котором как бы уже схвачено и охвачено бытие как целое. Вслушиваясь в язык, человек может взаимодействовать с бытием как целым и упорядочивать свое существование путем включения присутствующей в языке целостности в пространственно-временные параметры своей жизни. Однако Хайдеггер утверждает, что полнота языка не дана человеку, он может приобщаться к ней в особые мгновения своей жизни, связанные с попытками понять себя [13, с. 341—342].

Биbihин интерпретирует **логос** как сосредоточенный смысл, всегда ускользающий и правящий по способу молнии и сам являю-

щийся молнией, так как ситуация понимания чего-либо описывается им как «озарение» [1, с. 135]. Озарение не относится к предметности сознания, оно есть ничто, из которого сознание рождается. Опыт трансценденции Биbihин понимает как мышление о границе, которая постоянно отодвигается, которая всегда есть что-то новое, неузнанное [1, с. 147]. Озарение невозможно запланировать и держать под контролем, к встрече с ним нужно быть готовым, чтобы не пропустить его. Главной задачей человека Биbihин считает отношение к опыту трансценденции. Поскольку потустороннее не существует, человеку необходимо осмыслить проблему «ничто», проблеме «отсутствия» Бога и человека в новоевропейской картине мира [1, с. 143—158]. Проблема «отсутствия» человека заключается в том, что современный человек не умеет быть самим собой, так как он, мыслящий мир как целое, не узнает в этом мире себя как создателя картины мира. Хайдеггер впервые предпринял попытку объяснить феномен человеческого существования через аналитику человеческого бытия. Философия, по Хайдеггеру, должна переосмыслить проблему бытия, чтобы вернуть человека к его сущности, к утерянной почве. Знание об этой утерянной почве хранит язык искусства, особенно поэзии. В этой связи Биbihин считает, необходимо сделать предметом исследования язык философии, чтобы отделить метафизический смысл понятий от их первоначального религиозного и экзистенциального значения. Поэтому он утверждает, что до всякой интерпретации человек уже должен принять **логос** Гераклита как мысль о бытии, о целом и уловить, какие изменения произвело это знание в его мышлении, и найти себя на картине мира.

Трудно сказать, был ли знаком Мамардашвили с работой «Гераклит» Хайдеггера на немецком языке, в своих лекциях он не ссылается ни на эту его работу, ни на какую-то другую, хотя при работе над материалами лекций он пользовался иностранной литературой. Сравнивая трактовку понятия **логоса** Гераклита у Мамардашвили и у Биbihина, можно выявить, что логос и у того, и у другого обозначает ситуацию организации мышления о **бытии**, о человеческом **бытии**. Биbihин рассматривает логос как мысль о целом, включающем также и мысль мыслящего о себе. Взгляд Биbihина ретроспективен, реконструкцию целого человек должен начинать с веры в то, что он уже приобщен к историческому опыту человечества.

Мамардашвили акцентирует внимание на значении логоса как «производящего слова» в контексте неклассической философии. Он рассматривает бытие как бытие в становлении, а не как нечто завершенное. Бытие мира – это понимание мира человеком как целого и своего места в мире. Поиск своего места в мире у него всегда связан с актуализацией прошлого. Как отмечает Сергеев, понятие «полное бытие» Мамардашвили заменяет на понятие «полного действия» («зановомиротворения»), снимая тем самым положение о трансцендентности бытия [9, с. 148]. Речь идет о ситуациях, когда познающий формирует в процессе теоретического мышления идею, которая в то же время может рассматриваться и смыслом его экзистенциального состояния. К такому пониманию можно прийти, осуществив редукцию содержательной стороны жизни. Этого можно достичь, представив тексты сознания в виде текстов культуры, а опыт интерпретации этих текстов как опыт трансцендирования, опыт самопонимания. Значительная роль в конституировании таких текстов в культуре принадлежит философии. Философские понятия не являются результатом спонтанного функционирования сознания, а создаются специально философами. Философские понятия способствуют введению человека в состояние понимания, без которого он не может осуществить самоопределение [4, с. 44]. Особую культурогенную функцию философии Мамардашвили и выражает в понятии логоса «производящего слова». В понятии **логоса** он выражает постоянно возобновляемый диалог человека и мира, посредством которого является новое отношение к бытию, его выражению в языке и восприятию в художественных образах.

Библиографический список

1. Биbihин В. В. Язык философии. СПб.: Наука, 2007. 389 с.
2. Доброхотов А. Л. Избранное. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 472 с.
3. Калининchenko В. Понятие «классического» и «неклассического» в философии М. К. Мамардашвили // Встреча с Декартом: Философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили. М.: Ad Margenem, 1996. С. 259—284.
4. Ключкина Л. А. Феноменологическая стратегия исследования оснований русской культуры: в 3 ч. Ч. I: Метатеоретический подход М. К. Мамар-

дашили и А. М. Пятигорского к исследованию сознания и культуры. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. 85 с.

5. Конев В. А. Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «Символ и сознание». Самара: Самарский университет, 2008. 156 с.

6. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М.: Искусство, 1974. 600 с.

7. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: «Аграф», 1999. 320 с.

8. Мотрошилова Н. В. Мераб Мамардашвили. Философские размышления и личностный опыт. М.: Канон; Реабилитация, 2007. 320 с.

9. Сергеев А. М. Россия и мир (культура — философия — метафизика). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. 194 с.

10. Трубецкой С. Н. Учение о логосе в его истории. М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2000. 492 с.

11. Файбышенко В. Ю. Встреча с феноменом: воплощение и развоплощение. О некоторых чертах феноменологического проекта М. К. Мамардашвили // Международный журнал исследований культуры: Границы субъективности. 2013. № 3 (12). URL: <http://culturalresearch.ru/ru/curr-issue>. (дата обращения: 10.08.2018)

12. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 575 с.

13. Хайдеггер М. Гераклит / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2011. 502 с.

References

1. Bibihin V. V. *Yazyk filosofii* [Language of philosophy]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 389 p. (In Russ.)

2. Dobrohotov A. L. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego» Publ., 2008, 472 p. (In Russ.)

3. Kalinichenko V. *Ponyatie «klassicheskogo» i «neklassicheskogo» v filosofii M. K. Mamardashvili* [The notion of “classical” and “nonclassical” in philosophy M. K. Mamardashvili]. *Vstrecha s Dekartom. Filosofskie chteniya, posvyashchennye M. K. Mamardashvili* [Meeting with Descartes. Philosophical readings devoted to M. K. Mamardashvili]. Moscow, Ad Margenem Publ., 1996, pp. 259—284. (In Russ.)

4. Klyukina L. A. *Fenomenologicheskaya strategiya issledovaniya osnovanij russkoj kul'tury [v 3 ch.] Ch. I: Metateoreticheskij podhod* M. K. Mamardashvili i A. M. Pyatigorskogo k issledovaniyu soznaniya i kul'tury [Phenomenological strategy of the study of the foundations of Russian culture: [in 3 parts] Part I. Metatheoretical approach M. K. Mamardashvili and A. M. Pyatigorsky to the study of consciousness and culture]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU Publ., 2018, 85 p. (In Russ.)

5. Konev V. A. *Kritika opyta soznaniya: Samarskie seminary po traktatu M. K. Mamardashvili i A. M. Pyatigorskogo «Simvol i soznanie»* [Criticism of the experience of consciousness: Samara seminars on the treatise M. K. Mamardashvili and A. M. Pyatigorskiy "Symbol and Consciousness"]. Samara, Samarskij universitet Publ., 2008, 156 p. (In Russ.)

6. Losev A. F. *Istoriya antichnoj ehstetiki. Vysokaya klassika* [The history of ancient aesthetics. High classics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974, 600 p. (In Russ.)

7. Mamardashvili M. K. *Lekcii po antichnoj filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. Moscow, Agraf Publ., 1999, 320 p. (In Russ.)

8. Motroshilova N. V. *Merab Mamardashvili. Filosofskie razmyshleniya i lichnostnyj opyt* [Merab Mamardashvili. Philosophical reflections and personal experience]. Moscow, Kanon + ROOI «Reabilitaciya» Publ., 2007, 320 p. (In Russ.)

9. Sergeev A. M. *Rossiya i mir (kul'tura — filosofiya — metafizika)* [Russia and the world (culture - philosophy – metaphysics)]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU Publ., 1997, 194 p. (In Russ.)

10. Trubeckoj S. N. *Uchenie o logose v ego istorii* [The doctrine of the Logos in its history]. Moscow, OOO «Izdatel'stvo AST»; Har'kov «Folio» Publ., 2000, 492 p. (In Russ.)

11. Fajbyshenko V. Yu. *Vstrecha s fenomenom: voploshchenie i razvoploshchenie. O nekotoryh chertah fenomenologicheskogo proekta M. K. Mamardashvili* [Meeting with the phenomenon: incarnation and disembodiment. Some features of the phenomenological project M. K. Mamardashvili]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury: Granicy sub'ektivnosti* — International Journal of Cultural Studies: The Limits of Subjectivity, 2013, no. 3 (12). (In Russ.) Available at: <http://culturalresearch.ru/ru/curr-issue>. (accessed 10.08.2018)

12. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Ch. I. Ot ehphicheskikh teokosmogonij do vozniknoveniya atomistiki* [Fragments of the early Greek philosophers. Part I. From epic thekosmogony to the emergence of atomism]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 575 p. (In Russ.)

13. Hajdegger M. *Geraklit* [Heraclitus]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2011, 502 p. (In Russ.)

УДК: 316.4

Ю. Г. Козырев, А. А. Анкудинов

Противоречивость природы общественного мнения как инструмента познания социальной реальности

В данной статье рассматривается понятие общественного мнения как социального института. Акцент делается на неоднозначности данной категории, а также на роли изучения общественного мнения в науке и влиянии на развитие социума. В статье проанализированы основные подходы к трактовке общественного мнения, процессов и механизмов его формирования, а также классификации.

Ключевые слова: общественное мнение, противоречивость сущности общественного мнения, массовое сознание, валидность опросов, анагенез суждений, социально-ожидаемое поведение, социальные стереотипы.

Y. G. Kozyrev, A. A. Ankudinov. The ambiguity behind the nature of public opinion as an instrument of cognition of social reality

This article deals with a term of a public opinion as a social institute. It draws our attention on an ambiguity of the category as well as on a role of a research of public opinion for science and a sustainable development of the society. The article gives a detailed analysis of fundamental concepts of public opinion, its' processes and mechanisms, which build public opinion, as well as classification of such mechanisms.

Keywords: public opinion, controversy of the nature of public opinion, collective consciousness, validity of surveys, expected behavior, anagenesis of opinion, social stereotypes

Для описания процессов, происходящих в обществе, исследователи различных академических дисциплин прибегают к использованию массивного конструкта понятий и феноменов, выражающих некоторую значимую характеристику общественного состояния или процесса. Так, фиксируя определенное состояние «массового созна-

ния» в его отношении к определенной проблематике, мы говорим об общественном мнении. Данное понятие применяется для изучения политических и социальных процессов, коммуникативной среды, а также в социально-психологических, маркетинговых, культурных и антропологических исследованиях. Термин «общественное мнение» в широком смысле используется для описания отношения различных групп людей к некоторым событиям и процессам окружающей действительности.

В рамках социологической школы общественное мнение рассматривается в качестве самостоятельного социального института, оказывающего воздействие на функционирование общества в различных аспектах. При этом, однако, не существует консенсуса в ряде вопросов, касающихся феномена, понимаемого как «общественное мнение». Так, к примеру, предметом дискуссий является вопрос о справедливости оценки общественного мнения как совокупности, объективно отражающей индивидуальные мнения. Приняв во внимание тот факт, что публичная огласка результатов исследования общественного мнения сама по себе является фактором, формирующим мнения по некоторому вопросу, можно также справедливо поставить вопрос о том, является ли «общественное мнение» в действительности продуктом простого аккумуляирования индивидуальных настроений, выступающим в качестве некоего индикатора, или же следует рассматривать данный феномен в качестве инструмента, используемого для воздействия на общественность. Очевидная тяжеловесность данного понятия естественным образом побуждает исследователей к анализу ряда факторов, формирующих общественное мнение, выявлению стадий появления и трансформации общественного мнения по отдельным вопросам, а также к определению места данного феномена в структуре коммуникативных процессов в обществе и абстрактного общественного мышления.

В попытках решения данных вопросов и систематизирования имеющихся знаний о природе феномена были сформированы концепции общественного мнения. Представляется актуальным обратиться к основным из них, а также выявить отличительные особенности современного понимания проблемы. Одной из фундаментальных является концепция У. Липпмана, в рамках которой автор определяет понятие общественного мнения через образы в сознании

людей [2, с. 4]. При этом, как указывает У. Липпман, человек не обладает способностью компетентно рассуждать о большинстве процессов, происходящих в мире, а естественным итогом данного противоречия является потребность в систематизации знаний об окружающем мире через формирование стереотипов, упрощающих понимание действительности. Вся социальная реальность представляет собой в рамках данного подхода не простую совокупность стереотипов, но сложную систему стереотипов, в которой сама социальная реальность представляет собой корневой стереотип. Стереотипы, как указывает У. Липпман, всегда проще реальности и находятся в поле оценочных суждений, практически никогда не формируются под влиянием личного опыта, всегда являются ложными, а также отличаются крайне высоким уровнем «живучести» в обществе.

Систематизация, к которой прибегает У. Липпман, служит нам для демонстрации ключевого противоречия в природе общественного мнения. Каждый отдельный человек способен компетентно обзирать лишь некоторый фрагмент реальности, в то время как исследование общественного мнения формируется как усреднение мнений касательно широкого круга вопросов. Таким образом, общественное мнение становится категорией, используемой для описания распространенных стереотипных схем и методов интерпретаций. При этом данная категория не представляет сколько-нибудь важную информацию относительно объективного состояния дел, и даже не позволяет опираться на эти данные для формирования представления о субъективных оценках, если только под такими оценками не понимаются упрощенные и усредненные с точки зрения статистической валидности группы стереотипов.

Понимание У. Липпманом сущности общественного мнения отсылает нас к понятию симулякра, примененному французским философом-постмодернистом Ж. Бодрийяром [1, с. 12] для обозначения репрезентации предмета, не имеющего аналога в реальности. Данная аналогия представляется вполне уместной для обозначения природы общественного мнения в том ключе, что указанный феномен являет собой сложный конструкт из обобщенных стереотипов, распространенных в обществе, и предоставляет картину, свидетельствующую о некотором характере общественного сознания, хотя и существует оно лишь в том виде, в котором задано структурой взаи-

модействия различных стереотипов. Иными словами, результат широкого исследования общественного мнения характеризует некое общее среднее, которое при этом не отражает действительной картины в реальности. Продукт общественного мнения является скорее мифом, чем отражением реальности, хотя и стремится к имитации подлинного выражения некоего факта общественного сознания. И неслучайно сам У. Липпман в качестве эпиграфа к книге, раскрывающей данную концепцию, выбрал фрагмент из «Государства» Платона, в котором описываются узники, наблюдающие за тенями мира и неспособные принять возможность существования реально-го мира, скрытого от них лишь тенями.

Концепция общественного мнения Элизабет Ноэль-Нойман обращает внимание на другую важную характеристику данного феномена: речь идет о мотивации демонстрирования некоего мнения или поведения [3, с. 32—40]. Специфическим атрибутом общественного мнения является спираль молчания, описывающая механизм высказывания индивидуального мнения. С ростом вероятности изоляции индивида, основанной на отторжении отличающегося поведения, в равной степени падает и стремление самого индивида к демонстрации такого поведения и мнений. Иными словами, в данном утверждении демонстрируется новый аспект воздействия общественного мнения. Оно является уже не индикатором настроений абстрактного массового сознания, а также не просто участвует в процессе воспроизводства системы стереотипизации, но и демонстрирует образ агрессивного воздействия на условное «меньшинство», приводя к достижению гомогенности в коммуникативной среде общества. Стремясь к минимализации своих социальных рисков, индивид, по каким-либо причинам считающий себя носителем непопулярного мнения, предпочитает, как правило, не высказывать свое мнение или переместиться на противоположную сторону во избежание риска быть отвергнутым. При этом собственное суждение о популярности некоего мнения формируется в значительно большей степени наблюдением за паттернами чужого поведения, чем оценкой численности сторонников данного мнения. В действительности индивиды в социуме перманентно ощущают на себе воздействие «спирали молчания», а также феноменов, порожаемых ею.

В свете данных концепций возникает справедливое сомнение в валидности опросов общественного мнения, призванных дать исследователю объективную картину мира глазами общества в целом. Очевидно, и именно в этом отношении можно наблюдать консенсус исследователей, что в той или иной степени сам факт публикации сведений о некотором состоянии общественного мнения становится фактором, определяющим последующий анагенез суждений в обществе. В каждом отдельном случае мы становимся свидетелями эффекта «самоисполняющегося пророчества» [4, с. 605—621], поскольку определенное представление о социальной реальности и распространенных в обществе мнениях в той или иной мере влияет на эту реальность таким образом, что представление оказывается верным вне зависимости от того, являлось ли оно таковым первоначально. К примеру, электоральные опросы общественного мнения способны оказывать значительное воздействие на реальный расклад сил. Существенная часть общества предпочитает встать на сторону победителя, а значит, и кандидат, получивший прогноз относительно своего выигрыша, получает дополнительное преимущество. Этот эффект Элизабет Ноэль-Нойман описывала как «сдвиг последней минуты» [3, с. 38].

Аналогичным образом можно распространить данный вывод и на остальные сферы исследования общественного мнения. Более того, следует полагать, что те же механизмы действуют и в отсутствии публичных результатов некоего опроса — широкий доступ к анализу распространенности мнения лишь усиливает их действие, но не изменяет коренным образом.

Один из важнейших вопросов относительно природы общественного мнения состоит в разумном использовании той силы, которой располагает подобное исследование. Безусловно, публикация результатов опроса общественного мнения может быть использована в качестве манипулятивной политической технологии, а также встроена в аппарат государственной пропаганды, если такие намерения существуют. Исторический опыт нашей страны олицетворяет прохождение через путь спирали молчания, демонстрируя состоятельность теории в случаях, когда результаты исследований не оглашаются публично гражданам страны. Опыт нашего государства, оставшийся в прошлом веке, не только являет собой действие спи-

рали молчания, но и во многом указывает на ряд дополнительных сложностей, возникающих у исследователей российского общества сегодня. Даже анонимное массовое анкетирование вызывает у индивидов отторжение, ощущение недоверия. Продолжительный период того самого «травматичного» опыта вызывает в наших согражданах подозрительность в отношении любого свободного проявления индивидуального мнения. Этот фактор вносит дополнительные сложности в работу с исследованием процесса формирования общественного мнения, так как самый широкий круг вопросов (прежде всего политические, но также экономические и социальные) интерпретируются индивидом с учетом вероятности индивидуальных рисков, которые он получает, отвечая на вопрос некоторым образом.

Положим, если в таких условиях индивид отказывает интервьюеру в ответе на ряд политических вопросов, следует понимать, что данный отказ, вероятно, является не частным случаем, но примером проявления спирали молчания в действии. Догадываясь о персональных мотивах респондента, отказавшегося ответить на определенный вопрос, можно сделать предположение о том, что индивид считает свое мнение непопулярным или же элементарным образом опасается прямых санкций, которые, как ему кажется, могут быть применены по отношению к нему на основании формальных признаков. Соответственно, учитывая кроме природных особенностей института общественного мнения еще и специфичный характер современной российской ментальности, было бы бессмысленно стремиться к анализу информации, не применяя определенные фильтры.

Социология для обозначения сходных явлений ссылается на механизмы формирования социально-ожидаемого поведения. Логично предположить, что малая часть респондентов готова дать откровенный ответ на вопрос, прямо компрометирующий их личность. В сущности, разговор ведется о функционировании упомянутых выше стереотипов, ведь портрет поведения человека, получающего одобрение со стороны окружающих, сам является заведомо распространенным стереотипом. Из этого понимания вытекает и стереотип об ожидаемом поведении при ответе на каждый вопрос. К примеру, едва ли большинство людей публично сознаются в том факте, что они мусорят на улице, однако объективная статистика покажет обрат-

ную картину. Та же аналогия работает и с электоральными опросами: число человек, заявивших в ходе опроса общественного мнения об уверенном намерении прийти на избирательные участки, всегда больше фактической явки на выборах. Диссонанс между представлением о «правильных» стереотипах и фактическим состоянием дел заполняется возможностью высказать противоположное мнение.

Однако спектр вопросов, при анализе ответов на которые следует учитывать специфические поведенческие модели, не ограничивается изучением электоральной активности, а сами модели представлены более широким спектром. Так, к примеру, открыто выражая свою позицию касательно самого широкого круга тем, индивиды обращаются к стереотипам, продиктованным собственными социальными ролями. Данный механизм во многом схож с саморегулированием, основанном на стремлении к демонстрации социально-ожидаемого поведения, однако в данном случае большее значение имеет самооценка, которая, в свою очередь, основана на представлении индивида о поведенческих паттернах, свойственных его социальной роли. В качестве базового примера следует рассматривать стремление к соответствию гендерным ролям. Кроме того, индивид опирается и на социальные роли других акторов. Частным бытовым примером может служить ситуация, при которой работник не высказывает негативных оценок по отношению к руководству, опираясь на собственное более низкое социальное положение, ограничивающее, по его мнению, его право на высказывание подобных суждений.

Речь о механизмах, оказывающих некоторое воздействие на общественное мнение, не может считаться завершенной без упоминания столь важной характеристики, как подверженность массового сознания краткосрочным тенденциям и, как следствие, его динамичность. Благодаря постоянно усложняющемуся в современном мире коммуникативному полю, а также интенсивному развитию все большего количества каналов коммуникации, общество постоянно переживает массу тенденций. Если политическая и социальная сферы демонстрируют относительную устойчивость таких тенденций, то, к примеру, сфера культуры отличается быстрой и резкой сменой «моды». При этом сама по себе динамичность общественного мнения вполне естественна и оправданна, это явление не создает столь значительных трудностей в изучении широкого процесса, а, напро-

тив, указывает на здоровое состояние общества. Исследовательская проблема в данном контексте происходит из сложности выводов относительно долгосрочных тенденций и констант, ведь они должны быть вынесены в сухой остаток после разграничения базовых данных и краткосрочных поправок, не вносящих значительных изменений в картину базовых основ.

Однако, если данные механизмы присущи самой коммуникативной среде в обществе, несправедливо было бы говорить о том, что исследования общественного мнения теряют свою значимость лишь по причине характера распространения стереотипных и социально поощряемых суждений в человеческом обществе. Напротив, в некоторой степени именно указанные тенденции характеризуют актуальное состояние общества, помогая исследователям анализировать фундаментальные и кратковременные процессы. Социальные стереотипы жизненно необходимы общественному мнению как процессу и неразрывно с ним связаны, ведь благодаря тиражированию мнений, заключенных в простые и емкие формы, обеспечивается распространение и транзит сообщения. Вопрос здесь скорее лежит в плоскости подхода индивидов к объективному изучению данных стереотипов, а также способности критически осмысливать изучаемые категории.

Приняв аксиоматичность присутствия факторов, воздействующих на получаемый результат, исследователь должен быть готов к глубокому анализу генезиса определенного состояния общественного сознания, но не останавливаться на получении данных, фиксирующих существующую картину. Естественным образом сложность устройства системы стереотипов провоцирует снижение доступности выводов любого исследования общественного мнения. К примеру, исходя из данных определенного электорального опроса, мы зачастую не имеем возможности говорить об уровне поддержки конкретных политических сил. Для начала (опустим вероятность статистической погрешности, сконцентрировавшись на прочих фундаментальных аспектах, сопровождающих исследование), необходимо сделать поправку на внешние условия. Такими условиями может являться институциональная свобода высказывать свое мнение без риска подвергнуться санкциям, а также уровень осознанной включенности индивида в социальные, политические, экономические

и культурные процессы в обществе, понимание личностью сущности и специфики определенных процессов и явлений, закономерностей и прогнозов их развития.

Стоит подробно остановиться на прочих внешних условиях формирования общественного мнения. В целом все факторы, не зависящие от отдельных индивидов, могут быть классифицированы следующим образом. Первую группу составляют естественные законы происхождения некоего мнения, описывающие рождение позиции и ее распространение в коммуникативном пространстве в некотором периоде времени.

Во вторую группу помещены все технологии искусственного формирования общественного мнения. К таким технологиям относятся реклама, маркетинг, политическая пропаганда, а также связи с общественностью. Каждая отдельная технология имеет свой базисный субъект, выступающий в роли инициатора некоего желаемого состояния общественного мнения по определенному вопросу. Круг вопросов чрезвычайно широк и может затрагивать сферы, варьирующиеся от политического режима и вплоть до уровня единичных товаров и услуг. Несмотря на то, что реклама или маркетинг, за исключением некоторых сфер применения, лишь в редких случаях имеют целью изменение общественного мнения (так как непосредственные задачи данных технологий, как правило, находятся в строго определенном поле экономической стратегии), их прямое и косвенное воздействие на массовое сознание было бы проблематично отрицать.

Существуют также и скрытые механизмы формирования общественного мнения, которые в ряде случаев также могут быть отнесены к искусственным технологиям, однако только при определенных условиях. Здесь стоит указать на тот факт, что скрытыми они признаются как за счет того, что их действие может быть неочевидно для всех участников процесса формирования мнений, так и по той причине, что работа с общественным мнением в данном случае не является самоцелью. К примеру, государственная программа, направленная на поддержку многодетных семей в сложных материальных условиях путем выплаты денежных компенсаций, способна сформировать сдвиг общественного мнения в сторону распространения стремления семей к большему количеству детей. В данном случае

первоначальная цель хоть и не относится прямым образом к вопросам состояния массового сознания, однако запускает специфичный долгосрочный, а главное — автономный процесс работы с ним. При этом в виду того, что сложившееся новое состояние общественного мнения было спровоцировано преднамеренными действиями, но не являлось конечной целью данных действий, подобная ситуация относится к промежуточной группе внешних факторов.

Однако в свете рассматриваемой тематики представляется необходимым в большей степени остановиться на внутренних механизмах, побуждающих индивида к демонстрации некоторого поведения. Здесь и скрывается ловушка, в которую легко попасть, не проводя глубокий анализ причинно-следственных связей. Если поведение индивида основано во многом на заимствованных поведенческих паттернах, является ли поддержка определенной силы, которой исследователи предрекают победу в рамках нынешнего электорального цикла, столь высокой? Напротив, можно ли достоверно свидетельствовать о росте реальной популярности некоей новой силы, принимая во внимание тот факт, что тенденция к усилению силы происходит по сценарию самосбывающегося пророчества?

Вышеуказанные вопросы не имеют простого однозначного ответа. При этом, однако, приведенная постановка этих вопросов не направлена на дискредитацию ни исследователей, работающих в области изучения общественного мнения, ни необходимости в понимании истинной сущности общественного мнения. По нашему мнению, изложенные факты свидетельствуют главным образом о том, что для любой науки, для которой важна фиксация состояния массового сознания, существующие формы исследования и интерпретации его проявлений не могут являться единственным абсолютom, лежащим в первичную основу наших суждений об общественных процессах. Вся совокупность сложностей изучения общественного мнения несколько не снижает значимость таких исследований. Однако только накопление достаточного количества информации об исследуемом нами объекте (то есть обществе) может гарантировать относительную уверенность в верности выявляемых тенденций, проблем и мнений. На сегодняшний день мы обладаем лишь частью необходимой информации. В этом свете представляется, что результаты, к примеру, опросов общественного мнения в большей степени,

чем сегодня, должны служить для выявления фундаментальных процессов, происходящих в обществе, скрытых законов, по которым оно функционирует, а также в целом для глубокого понимания природы массового сознания и общественного мнения.

Резюмируя вышесказанное, стоит в первую очередь вновь отметить размытость понятия общественного мнения в виду отсутствия четких границ, необходимых для операционализации термина в рамках различных общественных наук. Многовариантность употребления понятия происходит из сложности данного феномена, обусловленной большим количеством факторов, воздействующих на общественное мнение, а также процессов его формирования и концепций причинности. Рассмотренные явления позволяют делать вывод о том, что изучение общественного мнения является сложным процессом, а само общественное мнение не должно пониматься исследователем как объективное отражение социальной реальности в силу системы стереотипизации, проявления личностных мотивов индивидов, воздействия социальных и культурных норм, естественного стремления к демонстрации социально-ожидаемого поведения индивидов, подверженности общественного мнения скоротечной динамике и влияния краткосрочных трендов. При этом невозможно было бы отрицать критичную важность для общества, социальных институтов и науки попыток глубокого анализа общественного мнения, а главное — фундаментальных законов его образования и трансформации.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / *Simulacres et simulation* (1981, рус. перевод 2011, пер. А. Качалова). М.: Рипол-классик, 2015. 240 с.
2. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
3. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ М.: Хранитель, 2006. 880 с.

References

1. Bodriyyar Z. H. *Simulyakry i simulyaciya* [Simulacres et Simulation]. Moscow, Rapol-klassik Publ., 2015, 240 p. (In Russ.)
2. Lippman U. *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow, Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004, 384 p. (In Russ.)
3. Noehl'-Nojman E. H. *Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya* [Public opinion. Opening the spiral of silence]. Moscow, Progress-Akademiya, Ves' Mir, 1996, 352 p. (In Russ.)
4. Merton R. *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. M., ACT: ACT M.: HRANITEL', 2006, 880 p. (In Russ.)

УДК 130.2

В. А. Лапатин

**«Умножая скорбь»: страдание как обратная сторона
«гедонистического императива» современности**

В статье рассматривается проблема неудовлетворенности субъектов общества потребления в условиях действия «гедонистического императива». Он предписывает индивидам получение как можно большего количества удовольствий в качестве социально одобряемой модели поведения. Автор полагает, что неудовлетворенность является частью более фундаментального явления — страдания. Рассмотрение культурологической и естественно-научной сторон проблемы страдания приводит к идее имманентности страдания человеческому существованию. Делается вывод, что претворение «гедонистического императива» в жизнь лишь увеличивает масштабы страдания современно-го человека.

Ключевые слова: *страдание, практики удовольствия, гедонизм, общество потребления, привязанности, зависимость, фрустрация, неудовлетворенность.*

V. A. Lapatin. «Increasing Sorrow»: Suffering as the Other Side of Nowadays «Hedonistic Imperative»

The article deals with the question of discontent which subjects of the consumer society endure under condition of «the hedonistic imperative». It prescribes taking the maximum delights as socially approbated behavioral pattern. The author assumes that the discontent is a part of more fundamental phenomenon called suffering. The consideration of the view of both cultural and natural sciences on the issue of suffering leads to the notion of its inherence to human's existence. Hence, there is a conclusion that implementation of «the hedonistic imperative» only scales up suffering of modern subject.

Keywords: *suffering, pleasure practices, hedonism, consumer society, affections, addiction, frustration, discontent.*

Постановка проблемы

Одним из наиболее впечатляющих парадоксов социума современного типа является контраст между доступностью удовольствий и фактической неудовлетворенностью значительной части индивидов. В странах первого мира количество материальных благ, окружающих человека, избыточно и давно уже не связано с обеспечением задач выживания. Сегодня, как ни в какую другую более раннюю историческую эпоху, имеется относительно легкий доступ к различным удовольствиям.

К примеру, никогда прежде не было такой развитой индустрии развлечений. В прошлом столетии в западном обществе сложился совершенно особый феномен шоу-бизнеса, который, несмотря на свою развлекательную природу, не стоит недооценивать, т. к. он задает социокультурные образцы и участвует в формировании аксиосферы большинства своих реципиентов.

«Мальтузианская катастрофа» не состоялась: вместо перенаселения, голода и хищнической борьбы за ресурсы, в последние десятилетия XX в. сложилось общество потребления, в котором едва ли не главной проблемой обывателя является ожирение, но никак не острая борьба за выживание, провоцирующая конфликтность. Как отмечает Ж. Бодрийяр, «потребление — это система, которая обеспечивает порядок знаков и интеграцию группы; оно является, следовательно, одновременно моралью (системой идеологических ценностей) и системой коммуникации, структурой отношений» [3, с. 108]. Потребление товаров и услуг современный человек записывает себе в добродетель. Оно также выступает важным фактором социальной дифференциации и идентификационным параметром.

За несколько последних десятилетий в современном обществе заметно разнообразились досуговые практики, и в целом сегодня сфера досуга обладает чрезвычайно высокой ценностью. Новейшие технологии, в особенности информационные, предоставляют широкие возможности практически мгновенного удовлетворения символических потребностей. Либерализация нравов и упразднение многих институтов традиционного общества сняли множество моральных запретов и ограничений в сфере сексуальной жизни.

Примеры «гедонизации» социокультурного пространства современности можно множить. Очевидно, что в современных разви-

тых обществах вполне ординарные его представители живут в более комфортных условиях по сравнению с теми, в которых несколько столетий назад жили аристократия и монаршие особы, не имевшие доступа к таким общедоступным благам современной цивилизации, как квалифицированная медицинская помощь, коммуникации, гигиена, средства связи, быстрый транспорт.

Более того, сама логика современного общества подвигает индивида к целенаправленному получению удовольствия. Со всех сторон нас окружают образы счастья, которые нам дарят медиа, кино, телевидение и реклама. Можно утверждать, что сегодня мы живем в обществе, в котором сложился культ наслаждения. Получение как можно больших и по возможности немедленных удовольствий в текущей социокультурной ситуации является социально одобряемой моделью поведения. По справедливому наблюдению отечественной исследовательницы, в современности можно констатировать «превращение «принципа удовольствия» в доминантный культурный императив», поскольку «стремление к разнообразным «радостям плоти» вмещается носителю современной культуры как моральный долг» [10, с. 3].

У. Блейк писал: «Дорога невоздержанности и излишеств ведет к храму мудрости». Однако похоже, что радикальный гедонизм не приводит современников ни к мудрости, ни к счастью, ни даже к отдохновению. При наблюдении социокультурных тенденций сегодняшнего дня не возникает ощущения, что комфорт и высокий уровень жизни сделали людей поголовно счастливыми. Напротив, в некоторых отношениях современные индивиды стали более фрустрированными и неудовлетворенными, чем их предшественники, жившие в значительно менее комфортных условиях. Люди сегодня мало способны на чем-либо долго концентрироваться; они подвержены стрессу и, поскольку количество информации, которое их окружает, давно превзошло все возможные антропологические лимиты, значительную часть сил, времени и ресурсов тратят на обработку случайных, разрозненных сигналов, что выражается во фрустрации, отчуждении, клиповом мышлении, прокрастинации, веб-серфинге и множестве других явлений современности. Словом, имея относительно легкий доступ к развлечениям и удовольствиям, живя в комфортных условиях, современный человек почти не знает покоя и отдыха.

1. Имманентность страдания существованию

На наш взгляд, корни проблемы, перед которой стоит современная культура, лежат глубже, чем в простом неумении расслабляться. Стресс, фрустрация, неудовлетворенность лишь отблески более серьезного, фундаментального явления — страдания. Таким образом, мы беремся утверждать, что конфигурация социокультурных параметров в обществе потребления такова, что в нем «производится» страдание особого рода поверх того, что изначально присутствует в горизонте человеческого существования. Это означает, что необходимо уточнить само понятие страдания.

К примеру, одна философская традиция, которая больше других знает о страдании, прямо утверждает его тождественность бытию: «И рождение страдание, и старость страдание, и смерть страдание, и печаль, стенания, боль, уныние, отчаяние — страдание. С нелюбимым связь — страдание, с любимым разлука — страдание, и не получить то, чего хочется — страдание. Короче говоря, пять присваиваемых совокупностей — страдание» [8].

Утверждение имманентности страдания человеческому — и не только человеческому — существованию должно вызывать вопросы. Жизненный опыт большинства людей как будто противоречит этому. Почти любой человек скажет, что в какие-то моменты своей жизни он действительно страдает, в какие-то — испытывает удовольствие или даже состояние, близкое к счастью, но в большинстве случаев его самоощущение нейтрально. Дело заключается в терминологии.

Мы привыкли понимать под словом «страдание» отдельные болезненные физические или психологические состояния. Страдание противопоставляется удовольствию. Но более внимательное рассмотрение показывает, что удовольствие является не антитезой страданию, а одним из его аспектов. Оно включено в общий порядок страдательного существования как его оборотная сторона. А значит, «гедонистический императив» современности, который выражается в стремлении получать множество локальных удовольствий в неограниченных, по возможности, объемах, есть своего рода «деятельность по интенсивному производству страдания». Мы не ставим своей целью доказать, что всякий аспект нашей жизни несет на себе печать страдательности, однако преимущества утверждения им-

манентности страдания человеческому существованию проявляются со всей рельефностью именно при изучении феномена удовольствия. Рассмотрим культурологические и естественно-научные основания нашего к нему стремления.

2. Культурологический взгляд на проблему удовольствия и страдания

При рассмотрении культурологической стороны вопроса обращает на себя внимание пустотность и бессущностность момента переживания наслаждения при одновременно высокой его символической значимости. Можно заметить, что сами телесные радости бессодержательны, а мотивирующим фактором является жажда их получения. Жажда, желание, предвкушение удовольствий всегда сильнее, чем непосредственно сам миг чувственного наслаждения, подобно тому как в ожидании праздника таится, как правило, больше волшебства, чем в самом празднике. К слову, определяющую роль желания в производстве дуккхи постулирует Вторая Благородная истина буддизма во все той же «Сутре запуска колеса Учения».

Живым существам свойственно стремиться к приятным переживаниям и избегать неприятных, и человек в этом ряду не исключение. В повседневности мы мало осознаем, насколько сильна наша жажда и как тончайшие планы феноменологии нашего сознания прорастают «драконьей кожей», обретают тяжесть под воздействием грубой чувственности и природным стремлением получать удовольствие. Память о положительных эмоциях в моменты получения удовольствия обещает избавление от тягот существования и заставляет искать новые радости. Но удовольствие по своей сути скоротечно и почти немедленно сменяется неудовлетворенностью и — хотя бы временной — потерей интереса к предмету, доставившему удовольствие. В перспективе этот процесс бесконечен, а значит, проблема страдания не решается за счет максимизации наслаждений. Жажда перманентно будет служить стимулом к получению новых положительных переживаний и избавлению от отрицательных. Таким образом, логика страдательного существования всегда шире, чем локальные гедонистические стратегии, призванные на время снять остро переживаемую неудовлетворенность, но на деле являющиеся ча-

стью этой логики. На этом основании мы утверждаем, что чувственное удовольствие не избавляет от страдания, а является его аспектом. Сама по себе привязанность к системе «удовольствие — неудовольствие» и есть страдание.

Однако люди — культурные существа, и им доступны интеллектуальные удовольствия, которые, возможно, разрывают цепь страдательного существования. Например, некоторые типы человеческой деятельности, не будучи напрямую связаны с задачами естественной адаптации, выживания и воспроизводства, как будто выбиваются из описанной выше машинерии. Примером такой деятельности может служить художественное творчество.

Тем не менее, даже если сочинение стихов и прием пищи — принципиально разные в социокультурном плане формы активности, достаточно очевидно, что они так или иначе находятся внутри той же логики «удовольствие — неудовольствие», страдательной по своей сути. Творческий процесс, в особенности если он успешен, доставляет нам специфическое наслаждение, равно как и эстетическое восприятие художественных творений. Более того, любой, кто всерьез занимался интеллектуальным творчеством, знает, что эта деятельность может быть названа страстью — в этом смысле следует признать несколько недалековидным берущее начало еще в античности (Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики) разделение страстей как претерпеваний тела и разумного мышления, относящегося к душе и свободного от страстей. Таким образом, даже для интеллектуальной деятельности мотивирующим фактором является стремление к положительным переживаниям, что, с нашей точки зрения, является привязанностью, а значит, еще одним аспектом страдания.

3. Естественно-научный взгляд на проблему удовольствия и страдания

Эти же процессы можно рассмотреть с позиций физиологии.

Для естественно-научного взгляда, по-видимому, нет различия между биологически и культурно обусловленными типами деятельности. Нейрофизиология не дифференцирует чувственные и интеллектуальные удовольствия: нет принципиальной разницы, вырабатывается ли окситоцин в результате кормления младенца грудью

или в результате того, что забытый друг поздравил нас с днем рождения. Существо дела заключается в веществах, которые вырабатываются в нашем организме или поступают в него извне.

То, что в культурологическом разрешении мы называли привязанностью к системе «удовольствие — неудовольствие», нейрофизиологи будут связывать с деятельностью биохимии организма, в частности таких его систем, как система вознаграждения, опиоидная, каннабиноидная и пр. системы, определяющие наши мотивации и поведение. Дофамин, серотонин, окситоцин, эндорфин, анандамид и др. эндогенные нейротрансмиттеры обеспечивают множество функций нашего тела, что на субъективном уровне переживается как удовлетворение, уменьшение боли, эйфория, снижение тревоги или, напротив, как отсутствие таковых. Если учитывать психобиологические основы человеческой социальности, то действия, которые человек считает результатом свободного выбора, всё больше представляются следствием процессов, о происхождении и природе которых он не имеет понятия. Эти процессы не просто надличностны, но, возможно, и вовсе распространяются за пределы отдельного организма так, что и психофизиология оказывается результатом, а не причиной. Например, вышеперечисленные нейротрансмиттеры мотивируют живые существа питаться, размножаться и стремиться к самосохранению, однако и сама эта деятельность может быть рассмотрена как часть глобального эволюционного процесса, для которого каждый отдельный индивид важен не сам по себе, но только лишь как носитель генов, способный сохранить их и передать дальше. На этой идее базируется так называемый «геоцентричный взгляд на эволюцию» [14; 15; 16], наиболее известным представителем которого является Р. Докинз [7].

Можем ли мы быть уверены, что культура ослабила естественный отбор до такой степени, до какой мы привыкли себе это представлять? Не является ли она сама эволюционным приобретением? В любом случае философское учение о человеке не имеет права игнорировать данные естественных наук. А в вопросах удовольствия и страдания это было бы непозволительно вдвойне. Некоторые аспекты нашей жизнедеятельности соблазнительно объяснить ссылками на биохимическую основу. Например, с рациональной точки зрения невероятная субъективная значимость чувственных удовольствий в

нашей жизни загадочна, ведь издержки, на которые мы идем в погоне за телесными радостями, многократно превосходят по своему объему конечный результат — те несколько секунд счастья, что мы испытываем в пиковые моменты наслаждения. Если бы биохимические процессы не мотивировали живые существа по модели «кнута и пряника», последние бы попросту перестали искать себе пищу и размножаться¹. В культурологическом плане эту же модель мы описывали как жажду, страстное желание испытывать приятные переживания и избегать неприятные.

Сама по себе привязанность к системе «удовольствие — неудовольствие» не является трагедией, хотя для человеческого самолюбия она и должна быть огорчительной, т. к. зарождает сильные сомнения в свободе и автономии личности, а также в целом в нашей исключительности в ряду других животных. Нет необходимости искать выход из этой обусловленности, поскольку для человека она сложилась культурно и эволюционно и в этом смысле представляет собой вариант нормы.

4. Аддикция — результат попыток обхода естественного механизма вознаграждения

Тем не менее на эту обусловленность можно взглянуть и с другой стороны. Технически наша потребность в дофамине, эндорфине, окситоцине, серотонине и других веществах, производимых нашим организмом, похожа на благоприобретенную зависимость. Однако сам этот механизм, даже будучи благоприобретенным усилиями индивида, социокультурно может трансформироваться в патологию. Известно, что наркотические препараты являются либо агонистами перечисленных эндогенных биохимических соединений, либо бло-

¹ Эта модель на практике, безусловно, много сложнее. Она действует не так примитивно не только в случае с человеком, но даже и со многими животными. По-видимому, биохимия сообщает простейшие импульсы наподобие «остерегайся опасности», «избавься от стресса», «найди еду», а реакции на них в сфере высшей нервной деятельности могут быть значительно более дифференцированными и нелинейными. Более того, реакции и наше поведение могут оказывать и обратное воздействие на то, как в дальнейшем будут протекать биохимические процессы в организме. Организм в целом и мозг в частности чрезвычайно пластичны.

кируют действие их антагонистов. Тем самым интенция наркомана не так уж далека от побуждений каждого из нас: если опиаты «действуют на рецепторы, в норме реагирующие на эндорфины и энкефалины», и «в результате запускается нейронная сеть удовольствия, вызывая выброс дофамина» [9, с. 69], а галлюциногены «стимулируют выработку серотонина или содержат вещества, оказывающие действие, похожее на эффект этого нейромедиатора» [9, с. 68], это означает, что и зависимый человек, и не подверженный аддикции стремятся в одну и ту же точку, принимаемую ими за счастье, но используют разные средства. Большинству из нас, для того чтобы ненадолго снизить боль, избавиться от стресса, достичь удовлетворения и пережить положительные эмоции, необходимо приложить много усилий: заняться физической активностью, добиться признания окружающих, занять более высокое положение в социальной иерархии, найти полового партнера, купить интересующую вещь, достичь успеха в работе и творчестве и т. д. Успешно выполняя эти локальные задачи, человек на непродолжительное время получает биохимическое вознаграждение от своего организма. Изначальная же интенция употребления наркотиков состоит в достижении немедленного удовольствия, которое, однако, не требует существенных усилий со стороны индивида. Так человек надеется обойти эволюционно сложившиеся механизмы внутреннего подкрепления с выгодой для себя, поскольку в деле получения удовольствия издержки всегда превосходят конечный результат. Поначалу действительно может достигаться эйфорическое, приятное состояние, однако в дальнейшем, после формирования физической зависимости, гедонистическая установка сменяется мотивом избавления от невыносимой и неотступной боли.

Сопоставляя, с одной стороны, естественные, а также культурно приемлемые способы получения удовольствия и, с другой стороны, патологические от них отклонения, мы, конечно, далеки от того, чтобы считать каждого человека, стремящегося к состоянию удовлетворенности и избавлению от плохого настроения, в той или иной степени «наркоманом»¹. В практическом отношении есть огромная раз-

¹ Справедливости ради следует заметить, что успехи в изучении нейротрансмиттеров были напрямую связаны с изучением биологической основы наркомании. Возникла идея, что мозг потому так чувствителен к действию из-

ница между человеком, физически зависимым от наркотиков, и «чистым» человеком. Кроме того, необходимо помнить, что в механизме формирования физической зависимости, а также в избавлении от нее, едва ли не ключевую роль играют социокультурные факторы [13]. Однако, если делать широкие философские обобщения, то для учений о самости, о свободе личности и автономном субъекте не имеет большого значения, привязаны ли мы к эндогенным или к экзогенным опиатам, — всё это заставляет сузить границы применимости этих учений.

5. Определение страдания

Рассуждение о механизме формирования привязанностей имеет непосредственное отношение к пониманию вопроса, с которого начался этот текст — вопроса о страдании и о том, почему стратегия радикального гедонизма, нормативная для общества потребления, не помогает людям в преодолении отчужденности и фрустрации.

Настало время сказать, что мы понимаем под страданием. Страдание — это не какое-либо специальное состояние, когда человек испытывает физическую или психологическую боль. В этом случае страдание лишь наиболее ярко переживается и в силу этого осознаётся, в то время как понятие страдания охватывает значительно более широкий круг феноменов. Страдание — это любая охваченность, погруженность в аффективную деятельность. Это слово следует понимать в том смысле, в каком понятие страдательного залога используется в лингвистике. Страдание — это всякая пассивность, всякое претерпевание, всякая ситуация, в которой человек оказывается не субъектом, а объектом действия. Именно таковы биохимические процессы в нашем организме — они бессознательны, мы не можем самостоятельно их отслеживать, в то время как они влияют на наше поведение. Таковы инстинкты, поскольку и филогенетически,

вестных химических соединений, что они «могут имитировать какие-то пока не открытые эндогенные медиаторы». [2, с. 235]. Понимание этого принципа существенно облегчает обнаружение нейротрансмиттеров, ведь если наркотические препараты подобны эндогенным веществам по действию, то они должны быть аналогичны и по химической структуре, чтобы связываться с соответствующими рецепторами.

и онтогенетически они формируются раньше интеллекта, и в повседневности инстинктивные реакции возникают раньше, чем мы становимся способны осознать их и задействовать рефлексию. Таковы страсти и аффекты — во многих языках их тождество со страданием прослеживается со всей очевидностью. Это справедливо для греческого *πάθος*; для латинского — *passio*; для немецкого — *Leidenschaft*. В русском языке семантическая связь «страсти» и «страдания» также очевидна.

Все перечисленные процессы протекают «в автономном режиме», без участия сознания. Человек без должной тренировки не способен отслеживать их возникновение. Он может фиксировать лишь, что уже охвачен им, и с той или иной степенью успеха контролировать свои дальнейшие реакции, но никак не сами процессы. Однако даже там, где мы представляем себя «в водительском кресле»: в рассудочной деятельности, в образовании понятий, в обучении, в самосознании, в ситуациях свободного выбора — одним словом, везде, где задействуется разум, мы тоже не вполне владеем ситуацией. Мыслительный процесс также до известной степени автономен по отношению к нашей личности: мы не можем отследить момент возникновения тех или иных мыслей и не понимаем, из какой темной области они к нам приходят, прежде чем стать ясными для сознания. В повседневности значительную часть времени мышление представляет собой произвольный поток сознания. Это блуждание ума было блестяще запечатлено Дж. Джойсом в «Улиссе», в сцене, где Леопольд Блум наблюдает таинство причащения в дублинской церкви:

Только посмотреть на них. Так и видно, как счастливы. Конфетка. Счастливы до предела. Да, это называется хлеб ангелов. За этим большая идея, чувствуешь что-то в том роде, что Царство Божие внутри нас. Первые причастники. Чудо для крошек леденец за грошик. После этого они все чувствуют себя как одна семья, то же самое в театре, все заодно. Конечно, чувствуют, я уверен. Не так одиноко: мы все собратья. Потом в приподнятых чувствах. Дает разрядку [6, с. 79].

Но даже когда мы пытаемся применять способность мышления целенаправленно (например, решая математическую задачу или при написании научной статьи), в этот процесс неизбежно вмешиваются отвлекающие факторы, обусловленные как восприимчивостью

к внешним раздражителям, так и всё теми же биохимическими и пр. процессами в нашем организме.

На основании того, что почти любой аспект нашего опыта сопровождается охваченностью и вовлеченностью в аффективную деятельность, мы полагаем верным утверждение имманентности страдания существованию. Одним из аспектов страдательности, ее же и фундирующим, является стремление к приятным переживаниям и бегство от неприятных.

6. Современная культура: интенсификация практик удовольствия и страдание

И всё же, даже если страдание неотъемлемо присуще нашему существованию, это не означает, что с таким положением дел ничего нельзя сделать, поскольку ни в биологических, ни уж тем более в социальных процессах нет строгой однолинейной детерминации. Однако если человек не развивает осознанность и не предпринимает усилий для снижения аффективности, а культура и общество не вырабатывают необходимых практик, то при прочих равных условиях в горизонте человеческого опыта не останется ничего, кроме страдания.

Как отмечалось выше, одной из отличительных черт текущей социокультурной ситуации является вменение «принципа удовольствия» в своего рода моральный долг. Современная культура за счет медиатехнологий, индустрии развлечений, шоу-бизнеса, моды, рекламы предписывает индивиду получать удовольствие, развлекаться, радоваться жизни. Более того, она же предоставляет широкие технологические возможности для претворения «гедонистического императива» в жизнь. Получение как можно больших и по возможности немедленных удовольствий является одновременно и одним из ключевых субъект-мотивирующих факторов, социально одобряемой моделью поведения.

Однако конфигурация социокультурного пространства современности не способствует избавлению от страданий, хотя бы характерные для сегодняшнего дня стратегии радикального гедонизма и преследовали такую цель. Напротив, множество легкодоступных радостей выступают дополнительными факторами аффектив-

ности. Стремясь тактически к получению множества локальных, приятных переживаний, которые в изобилии предоставляет современная культура, они проигрывают стратегически, т. к. лишают себя возможности полноценной счастливой жизни, которой достойны. С. А. Рассадина, чью работу мы цитировали в этой статье, разбирает, как в своих крайних формах такое «невротическое преумножение практик удовольствия» приводит к формированию полной неспособности к удовольствию [10, с. 97—120] — т. е. речь идет уже не о том, что индивиды не способны достичь счастья, но о том, что они не могут испытать даже простого удовольствия.

Трудно оценить, достаточно ли места в современной культуре остается представлению о том, что наслаждение может заключаться не в потреблении, а в умиротворении и освобождении от аффектов и привязанностей. Современные гедонистические практики не способствуют осознанности, в результате чего в сознании индивидов аффективность всё больше преобладает над рефлексией, а масштабы страдания, и без того имманентно присущего человеческому существованию, только растут.

Нетрудно заметить, чрезмерная интенсификация практик удовольствия в обществе потребления в своей основе аналогична интенции, которой руководствуются наркозависимые люди. «Гедонистический императив» есть ровно то самое стремление получать как можно большее удовольствие за счет как можно меньших издержек. Примечательно, что о таких приметах современности, как киберзависимость, интернет-зависимость или зависимость от видеоигр, говорят в терминах из области наркологии. Например, современный специалист в области медиафилософии В. В. Савчук, рассуждая о медиазависимости, напрямую утверждает, что она «формируется по “наркотической” логике прогресса получения удовольствия, неумолимой логике роста интенсивности аффекта и, как следствие, поступательной утраты воли» [11, с. 112]. Нормативная для сегодняшнего дня стратегия радикального гедонизма вызывается не мотивом достижения счастья, но мотивом временного избавления от боли и неудовлетворенности. Парадокс, однако, в том, что те социокультурные практики, в рамках которых мы осуществляем эту деятельность, оборачиваются своего рода фабрикой по производству особого типа страдания.

Заключение

Тем не менее повторим, что такое положение дел не фатально, поскольку ни один социокультурный процесс не линейен. Ряд тенденций в культуре (становление экономики пользования взамен экономики владения [12], популяризация дауншифтинга [4], диверсификация досуговых практик [1], культ здорового образа жизни [5] и пр.) позволяет заподозрить, что у современников всё отчетливее оформляется запрос на гармонизацию своего жизненного проекта и замену ценностей потребления, более продуктивными ценностями самореализации. Очевидно, что современная культура стоит перед проблемой выработки механизмов достижения счастья не за счет роста потребления, а за счет более комплексных стратегий, позволяющих достигать умиротворения и освобождения от аффективности. Возможно, культура — сама по себе один из дополнительных источников нашего страдания, однако никакого иного удовлетворительного пути решения проблемы дефицита счастья, кроме изменения социокультурных практик, вряд ли можно себе представить. И даже если будет достигнут прогресс в области фармакологического решения проблемы страдания, в любом случае встанет вопрос внедрения этих достижений в социокультурный порядок. Тем самым, отчетливо оформляется то, какими должны быть дальнейшие исследования в этой области — поиск новых социокультурных практик, позволяющих минимизировать человеческое страдание.

Библиографический список

1. Абрамов Р. Н., Зудина А. А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6 (100). С. 134—142.
2. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. М.: Мир, 1988. 248 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 272 с.
4. Бутонова Н. В. Дауншифтинг. Новое правило-отказ от всяческих правил // Новые традиции / под ред. Е. Э. Суrowой и С. А. Рассединой. СПб.: Петрополис; Центр изучения культуры, 2009. С. 169—176.

5. Воробьева И. Н., Бабаева Н. Б. Здоровый образ жизни как важная составляющая формирования активной стилизационной позиции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 46—50.

6. Джойс Дж. Улисс. СПб.: Симпозиум, 2000. 832 с.

7. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ, Corpus, 2013. 512 с.

8. Дхамма-чакка-паваттана сутта. Сутта запуска колеса Дхаммы. URL: <https://dhamma.ru/canon/sn/sn56-11.htm>. (accessed 05.10.2018).

9. Картер Р. Как работает мозг. М.: АСТ, Corpus, 2014. 224 с.

10. Рассадина С. А. Герменевтика удовольствия: Наслаждение вкусом. СПб.: Петрополис, 2010. 254 с.

11. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2014. 350 с.

12. Хусьяинов Т. М., Урсова Е. А. От общества потребления к экономике совместного пользования // Философия хозяйства. 2017. № 6 (114). С. 132—146.

13. Alexander B. K. The Globalization of Addiction: A Study in Poverty of the Spirit. Oxford: Oxford University Press, 2008. 496 p.

14. Haig D. The Social Gene // Behavioral Ecology: an Evolutionary Approach. London: Blackwell Publishers, 1997. P. 284—304.

15. Lumsden C. J., Wilson E. O. Genes, Mind, and Culture: The Coevolutionary Process. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 428 p.

16. Williams G. C. Adaptation and Natural Selection: A Critique of Some Current Evolutionary Thought. Princeton: Princeton University Press, 1966. 307 p.

References

1. Abramov R. N., Zudina A. A. *Social'nye innovatory: dosugovye praktiki i kul'turnoe potreblenie* [The Social Innovators: Leisure Practices and Cultural Consumption]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny*, 2010, no. 6 (100), pp. 134—142. (In Russ.)

2. Blum F., Lejzerson A., Hofstedter L. *Mozg, razum i povedenie* [Brain, Mind, and Behavior]. Moscow, Mir Publ., 1988, 248 p. (In Russ.)

3. Bodriyyar Zh. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow, Respublika Publ., 2006, 272 p. (In Russ.)

4. Butonova N. V. *Daunshifting. Novoe pravilo-otkaz ot vsyacheskih pravil* [Downshifting. The New Rule-Refusal to Any Rules]. *Novye tradicii* [New

Traditions]. Saint Petersburg, «Petropolis» Print. House; Cultural Studies Center, 2009, pp. 169—176. (In Russ.)

5. Vorob'eva I. N., Babaeva N. B. *Zdorovyj obraz zhizni kak vazhnaya sostavlyayushchaya formirovaniya aktivnoj stilezhiznennoy pozicii* [Healthy Lifestyle as Important Component of Active Lifestyle Position Formation]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 5 (55) in 2 parts, p. I., pp. 46—50. (In Russ.)

6. Dzhojs Dzh. *Ulyss* [Ulysses]. Saint Petersburg, Simpozium Publ., 2000, 832 p. (In Russ.)

7. Dokinz R. *Ehgoistichnyj gen* [The Selfish Gene]. Moscow, AST Publ., Corpus Publ., 2013, 512 p. (In Russ.)

8. Dhammacakkappavattana Sutta. [The Setting in Motion of the Wheel of the Dharma]. Available at: <https://dhamma.ru/canon/sn/sn56-11.htm>. (accessed 05.10.2018)

9. Karter R. *Kak rabotaet mozg* [How the Human Brain Works]. Moscow, AST Publ., Corpus Publ., 2014, 224 p. (In Russ.)

10. Rassadina S. A. *Germenevtika udovol'stviya: Naslazhdenie vkusom* [Hermeneutics of Pleasure: Taste Delight]. Saint Petersburg, «Petropolis» Print. House, 2010, 254 p. (In Russ.)

11. Savchuk V. V. *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti* [Mediaphilosophy. The Reality Assault]. Saint Petersburg, RKhGA Publ., 2014, 350 p. (In Russ.)

12. Khusyainov T. M., Urusova E. A. *Ot obshchestva potrebleniya k ehkonomie sovместного pol'zovaniya* [From the Consumer Society to Sharing Economy]. *Filosofiya hozyajstva — Economic Philosophy*, 2017, no. 6 (114), pp. 132—146. (In Russ.)

13. Alexander B. K. *The Globalization of Addiction: A Study in Poverty of the Spirit*. Oxford: Oxford University Press, 2008, 496 p. (In Engl.)

14. Haig D. The Social Gene. *Behavioral Ecology: an Evolutionary Approach*. London: Blackwell Publishers, 1997, pp. 284—304. (In Engl.)

15. Lumsden C. J., Wilson E. O., *Genes, Mind, and Culture: The Coevolutionary Process*. Cambridge: Harvard University Press, 1981, 428 p. (In Engl.)

16. Williams G. C. *Adaptation and Natural Selection: A Critique of Some Current Evolutionary Thought*. Princeton: Princeton University Press, 1966, 307 p. (In Engl.)

УДК 130.3

И. Н. Морозова

**Проблемы искусства в отечественной православной мысли
конца XIX — первой четверти XX в.
(по материалам периодических изданий)**

В статье представлена тематическая аналитика содержания отечественных православных периодических журналов второй половины XIX — первой четверти XX в. Избранный автором ракурс — проблемы культуры и искусства российского общества того времени, их отражение в православной публицистике. Показано, что в текстах православных мыслителей освещались вопросы о сущности эстетического, искусства, противоречиях современной им культуры, утверждались единство, целостность культуры, приоритетность духовно-нравственного, ценностного ее содержания, осуществленность духовно-нравственного идеала.

Ключевые слова: православные периодические издания, отечественная культура XIXв., метафизика духовной жизни, проблемы искусства и культуры.

I. N. Morozova. Art's problems into Russian orthodox thought late XIXth — first quarter of XXth centuries (on the materials of periodicals).

The article presents the thematic analysis of Russian Orthodox periodicals of the second half of the 19th century — the first quarter of 20th century content. The author's research perspective is the issues of culture and art in Russian society of that time, their reflection in Orthodox journalism. The article shows that texts of Orthodox thinkers covered questions on the essence of aesthetic and art, the contradictions of contemporary culture, affirmed the unity, integrity of culture, the priority of the spiritual, moral, value content of it, the implementation of the ideal.

Keywords: Orthodox periodicals, national culture of the XIX century, metaphysics of spiritual life, problems of art and culture, incarnation of the spiritual-moral ideal.

Отечественная православная публицистика, сложившаяся структура православных периодических изданий — феномен второй половины XIX в. [7; 9; 17]. Основной круг богословских вопросов, традиционно обсуждавшихся на страницах православных журналов и газет, дополнили проблемы, имевшие отношение к современности; в них также размещались тексты из области философии, словесности. Общение с аудиторией в пространстве печатного издания использовалось православными богословами как возможность необходимого и адекватного ответа на духовно-нравственные настроения в жизни российского общества того времени [5].

Основываясь на дореволюционных, современных библиографических указателях православной периодической печати второй половины XIX — первой четверти XX в. [6; 18; 19; 20], мы подразделили весь массив публикаций по проблемам культуры, искусства на следующие наиболее значительные, на наш взгляд, части. Во-первых, тексты, в которых рассматривались обозначенные выше проблемы на достаточно обобщенном уровне, сравнимом с теорией эстетики в светском познании; тексты, в которых обсуждались феномен, общие проблемы искусства (сопоставимые с искусствоведением). Во-вторых, тексты, в которых затрагивались проблемы, история, актуальное состояние отдельных конкретных видов искусства (литературы, живописи, театра, кинематографа и др.). Раскроем далее лишь некоторые, на наш взгляд, значительные из основных содержательных моментов в собранном и изученном нами материале, в соответствии с выделенными тематическими направлениями.

В обосновании художественного творчества православными мыслителями утверждалась необходимость метафизического подхода, что подразумевало «боговдохновенность», возможность действительного Откровения в искусстве [16]. В то же время, по мнению православных авторов XIX в., нельзя отождествлять откровение художника и Божественное откровение, можно лишь проводить между ними некоторую параллель [16, с. 249]. Христианская эстетика возможна и необходима, поскольку, согласно богословам, именно в христианстве состоялось универсальное, жизненное утверждение (в духовном подвиге святых) сущности истины, добра и красоты. К трем важным функциям христианской жизни, образующим основания теории христианской эстетики, православными авторами относились

литургическая составляющая, воспитательный потенциал и художественная критика. Отличие сферы художественного от науки объяснялось творческой интуицией, фантазией [1, с. 521].

В православной периодике подчеркивалось значение в художественной деятельности не только эстетической теории, но и философии. Знание, интеллектуальная культура важны для художника. С другой стороны, искусство также составляло пользу для науки, например, когда неизвестные прежде явления, тенденции в общественной, культурной жизни России того периода впервые были обнаружены в художественной форме. Таким образом, средства искусства могли проявлять свою полезность и в целях популяризации научного знания. Единство, целостность общественного бытия нарушались в случае, когда доминировали светские наука и искусство, преобладая над религиозным и нравственным началами. Произошедшее в культуре XIX в. отпадение от христианства в большей мере коснулось интеллектуальной ее сферы.

В качестве противоположных православными мыслителями фиксировались две точки зрения на искусство (реалистическое и идеалистическое). Искусство должно предполагать традиционность, что означало следование идеалу и преданию. Сущностная потребность художественной деятельности была определена как стремление к идеалу, что соответствовало созерцанию истинного, изящного, благого.

Идеалу как цели истинного искусства была противопоставлена современность. По мнению богословов XIX в., в искусстве произошло оскудение религиозного чувства [1, с. 537]. Оскудение идеалов, происходившее в российском обществе XIX в., осознавалось и как утрата возможностей художественного творчества.

В подходе к прекрасному в отечественной православной мысли XIX в. проявлялся платонизм. В основе платонизма — идея целостности, единства истины, добра и красоты (изящества). Соответственно, пагубны и крайности разъединенности этих трех начал в обществе, культуре. Установкой платонизма может быть объяснено высказывавшееся православными авторами XIX в. положение об имевшей место независимости эстетического от нравственного, чувственного. Нравственность не образует существенный признак искусства, в отличие от эстетического (искусство не должно быть тенденциозным)

[8, с. 31]. К обоснованию взаимосвязей (в том числе и негативных) религии и искусства привлекался и подход психологии как науки о чувствовании.

Однако, в отличие от платонизма, православные мыслители исходили из призвания, предназначения человека к осуществлению совокупности истины, добра и изящества. Потребности «духочеловека» не могли в таком случае ограничиваться пределами материальности. Обратим внимание, что источником в осуществлении названного выше закона человеческого предназначения (проявляющегося в одухотворенной нравственной деятельности) являлось вдохновение свыше, в соединении с подвигом самоотвержения, истинной любовью к ближнему. Таким образом, красота определялась как объективация, воплощение бескорыстной любви [14, с. 182, с. 184]. Интересно соединение православными богословами данной характеристики красоты (любви) с желанием «сообщить себя другим, выразить себя во вне, в произведении» [14, с. 182].

По объему публикаций в православной публицистике XIX в. в ряду всех искусств первенство занимала литература, словесность. В православной периодике того времени находим обобщение всей картины литературного процесса, истории литературы в России, анализ конкретных прозаических произведений, поэзии. Весьма значительный подраздел статей, материалов об изображении в литературе лиц священного звания.

По мнению богословов, скрытая религиозность была присуща всей отечественной словесности в целом, независимо от идейной концепции писателя. В XIX в., в том числе и ввиду неудовлетворительности церковной проповеди, роль последней приняли на себя художественная литература, философия [13, с. 129]. Особые художественно-выразительные средства литературы могли быть использованы и для преодоления недостатков церковной проповеди в целом, преподавания Закона Божия в средней школе. Сознание молодого человека, писали православные мыслители, впечатлялось художественными образами, оказываясь под их обаянием. В то же время в оценке современных тенденций отечественной литературы значительна доля критических оценок.

В православной периодике XIX в. особенно критичны оценки театра и кинематографа (от самой перспективы сценического вопло-

щения событий евангельской истории, посещения священнослужителями театра до совпадения времени театральных представлений с церковными службами, временем Великого поста и др.). Так, оживленную полемику вызвало предложение прот. П. Я. Светлова «положительным» (имелось в виду — объективным) образом рассмотреть вопрос о религиозном значении театра [10; 11; см. также 3].

Любопытно, что православными авторами приводились также довольно беспристрастные объяснения успеха, роста популярности кинематографа (в силу соответствия последнего вкусам самой невзыскательной публики [12, с. 891, 894]. К направлениям полезного, благоприятного воздействия кино на человека были отнесены образование, изображение событий священного характера (поскольку в отличие от театра в случае кино можно заранее проверить качество исполнения) [12, с. 897].

Во многом сравним (в силу особого интереса «православной стороны») с литературой вопрос об обращении современных художников к религиозной теме. Православными публицистами составлялись достаточно подробные содержательные обзоры выставок изобразительного искусства [2], приводились обоснования места и значения живописи в искусстве. Особенный статус живописи обусловлен боговдохновенным значением иконописи. Главное сокровище христианской живописи — образ воплотившегося Сына Божия, красота Богочеловека. Собственно, отношение искусства религиозной живописи к христианскому Священному Писанию «в приложении к иконописанию не только установлено и выражено точно в теории, а даже еще и “догматизировано”» (именно на VII Вселенском Соборе) [4, с. 4].

Православными мыслителями обсуждалась проблема соответствия личной позиции художника, созданного им произведения на религиозные сюжеты и церковной традиции. И здесь при одобрительном в целом отношении к интересу светских живописцев к раскрытию истин Евангелия безусловный авторитет в оценках отдан В. М. Васнецову. Содержание творчества художника было определено как христианская философия [15, с. 4].

Что касается других персоналий, единодушную критику вызвал подход Н. Н. Ге (в особенности картина «Что есть истина?»). Впрочем, Н. И. Барсов подчеркивал (именно в отношении художественного

подхода Н. Н. Ге), что картина — не икона [2, с. 182]. Большой широтой в оценках произведений современной живописи (например, А. А. Иванова, И. Н. Крамского, В. Д. Поленова, И. Е. Репина) отличались позиции популярных во второй половине XIX в. православных писателей (например, Е. Поселянина (Е. Н. Погожева).

Таким образом, в приведенном выше панорамном обзоре текстов из православной периодической печати в России конца XIX — первой четверти XX в. выявлены некоторые базовые для православия идеи, подходы к культуре, искусству. Искусство понималось богословами прежде всего в аспекте традиции, следования духовному идеалу, акцентировалось духовно-нравственное влияние последнего на общество, культуру, подчеркивалось значение интуиции, боговдохновенности художественного творчества. Православными мыслителями утверждались уникальность, национальная самобытность отечественного искусства, его своеобразие в сравнении с западным. В богословском подходе к искусству были важны понимание красоты как объективации, воплощения любви, необходимость призванности художника, творца к служению обществу, утверждение принципа единства целостности культуры, способность эстетического дополнять религиозное.

Полагаем, что богословская публицистика может лишь условно сравниваться со светским знанием об искусстве. В то же время нельзя не отметить восприятие православными мыслителями многих идей из светского познания, возможности диалога с последним. Обращение к православной публицистике имеет значение для воссоздания, понимания атмосферы диалогичности в российской культуре рубежа XIX—XX вв. (что не исключало критичности, идейной напряженности такого диалога). В православной периодической печати (что могло зависеть и от позиции журнала) публиковались лица не только духовного звания, присутствовало известное разнообразие, разброс в оценках (объединяемое принятием базовых для православия идей), что позволяет определить ценность некоторых положений как не являющихся догматическими, на уровне теологуменов. В целом православно-публицистический дискурс о проблемах культуры и искусства того периода имеет значение и для понимания духовно-нравственных, ценностных проблем, противоречий современности.

Библиографический список

1. Амфитеатров Е. В. О существе и свойствах художественной деятельности // Приб. к изд. творений св. Отцов. 1872. Ч. 25. С. 503—530.
2. Барсов Н. И. Русская религиозная живопись в 1894 г. // Церк. вестн. № 12 (24 марта). С. 182—183. Подпись: Н. Б-в.
3. Баянов Б. Театр и церковь // Театр и искусство. 1912. № 5. С. 109—113; № 6. С. 132—135.
4. Воронец Е. Н. Несколько мыслей об отношении искусства религиозно-исторической живописи к науке христианского богословия. М., 1896. 9 с.
5. Воронцова И. В. Церковная публицистика середины XIX в. как православный ответ на вызовы современности (архимандрит Климент (Можаров), епископ Смоленский Иоанн (Соколов) и архиепископы Херсонский Никанор (Бровкович) и Харьковский Амвросий (Ключарев)) // Политика и общество. 2015. № 11 (131). С. 1572—1585.
6. Ефремов П. А. «Православное обозрение»: указатель за 1860—1870 гг. М.: Унив. тип., 1872 г. 244 с.
7. Малышев В. С. Церковно-общественная публицистика в эпоху «великих реформ» // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 121—145.
8. Продан И. С. Что такое искусство? (рассуждения с толстовцем). Харьков: Епархиальная типография Каплуновская, 1915. 31 с.
9. Прутцкова А. С., Чапнин С. В. Журналистика церковная в России // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2008. Т. 19. С. 389—392.
10. Светлов П. Я., прот. О посещении театра духовенством: (К вопросу о взаимных отношениях христианства и культуры) // Богосл. вестн. 1906. Т. 1, март. С. 570—576.
11. Светлов П. Я., прот. Умышленная непонятливость: (Ответ на заметку прот. Ст. О-ва «По вопросу о религиозном значении театра» в «Прав.-русск. слове». 1903. № 1) // Богословский вестник. 1903. Т. 1. Февраль. Паг. 2. С. 335—340.
12. Смоленский Н. П. Кинематограф // Отдых христианина. 1913. Т. 2. № 12. С. 891—898.
13. Смоленский Н. П. Церковная Проповедь // Отдых христианина. 1907. Т. 1, кн. 5. С. 126—132.
14. Соколов П. А. Что такое прекрасное? Основа красоты и художественного реализма // Соколов П. А. В поисках правды жизни: Сб. философ. этюдов по вопросам жизни и религии. СПб., 1914. С. 176—191.

15. Соловьев И. И., свящ. Православно-христианская философия в русском искусстве (С выставки религиозных картин В. М. Васнецова). Харьков, 1910. 22 с.

16. Тихомиров П. В. Художественное творчество и религиозное познание // Богословский вестник. 1897. Т. 4. № 11. С. 240—253.

17. Ткаченко Л. А. Православная журналистика в историографических работах отечественных ученых // Вестник ЧелГУ. 2015. № 15. Филология. Искусствоведение. Вып. 96. С. 88—94.

18. Фолте Ю. Указатель статей в алфавитном порядке, содержащихся в богословско-философском журнале «Вера и разум», с алфавитным списком авторов помещенных в нем статей за первое десятилетие его издания (1884—1893 гг.). Харьков: тип. Губ. правл., 1894. 45 с.

19. Христианство и новая русская литература XVIII—XX вв.: библиогр. указ., 1800—2000. СПб.: Наука, 2002. 891 с.

20. Шахов В. В. Указатель к «Православному обозрению» за 1871—1886 гг. М.: Унив. тип, 1887. 157 с.

References

1. Amfiteatrov E. V. *O sushchestve i svojstvah hudozhestvennoj deyatel'nosti* [On the essence and characteristics of the artistic activity]. *Prib. k izd. tvorenij sv. Otcov* — *The addition to the issue of the Saint Fathers' writings*. 1872, ch. 25, pp. 503—530. (In Russ.)

2. Barsov N. I. *Russkaya religioznaya zhivopis' v 1894 g.* [Russian religious painting in 1894 year]. *Cerk. vestn.* — *Church issue*, 1894, no. 12 (24 March), pp. 182—183. Signature: N. B-v. (In Russ.)

3. Bayanov B. *Teatr i cerkov'* [Theatre and Church]. *Teatr i iskusstvo* — *Theatre and Art*. 1912, no. 5, pp. 109—113; no. 6, pp. 132—135. (In Russ.)

4. Voronec E. N. *Neskol'ko myslej ob otnoshenii iskusstva religiozno-istoricheskij zhivopisi k nauke hristianskogo bogosloviya* [A few thoughts on the relation of religious historical painting's to the science of Christian theology]. Moscow, 1896. 9 pp. (In Russ.)

5. Voroncova I. V. *Cerkovnaya publicistika serediny XIX V. kak pravoslavnyj otvet na vyzovy sovremennosti (arhimandrit Kliment (Mozharov), episkop Smolenskij Ioann (Sokolov) i arhiepiskopy Hersonskij Nikanor (Brovkovich) i Har'kovskij Amvrosij (Klyucharev))* [Church journalism of the mid-nineteenth century as an Orthodox response to the challenges of modernity (Archimandrite

Clement (Mozharov), Bishop of Smolensk Ioann (Sokolov) and Archbishops of Kherson Nikanor (Brovkovich) and Kharkiv Ambrose (Klyucharyov)]. *Politika i obshchestvo — Politics and Society*, 2015, no. 11 (131), pp. 1572—1585. (In Russ.)

6. Efremov P. A. «*Pravoslavnoe obozrenie*»: ukazatel' za 1860—1870 gg. [Orthodox Review: Index for 1860—1870]. Moscow, Print House of Moscow University, 1872, 244 p.

7. Malyshev V. S. *Cerkovno-obshchestvennaya publicistika v ehposu «velikih reform»* [The church-public journalism into the era of «great reforms»]. *Hristianskoe chtenie — The Christian reading*, 2015, no. 5, pp.121—145. (In Russ.)

8. Prodan I. S. *Chto takoe iskusstvo? (rassuzhdeniya s tolstovcem)* [What is the Art? (the reflections with the Tolstoy's adherent)]. Kharkov, Print House by Kaplunovskaya's diocese, 1915, 31 p. (In Russ.)

9. Prutckova A. S. Chapnin S. V. *Zhurnalistika cerkovnaya v Rossii* [Church journalism in Russia]. *Pravoslavnaya ehnciklopediya* [Orthodoxy encyclopedia]. Moscow, Church- scientific center «Orthodoxy encyclopedia», 2008, vol. 19, pp. 389—392. (In Russ.)

10. Svetlov P. Ya., prot. *O poseshchenii teatra duhovenstvom: K voprosu o vzaimnyh otnosheniyah hristianstva i kul'tury* [About the clergy's visiting the theater: (to the question on the mutual relations of Christianity and Culture)]. *Bogosl. vestn. — Theological issue*, 1906, vol. 1, March, pp. 570—576. (In Russ.)

11. Svetlov P. Ya., prot. *Umyshlennaya neponyatlivost' (Otvét na zametku prot. Svetlova «Po voprosu o religioznom znachenii teatra» v «Prav.-russk. Slove»)* [The intentional misunderstanding. (The reply to the note by Svetlov's Archpriest «On the religious significance of the theater» in «Orthodoxy-Russian Word»]. *Bogoslovskij vestnik — Theological issue*, 1903, vol. 1, February, Pag. 2, pp. 335—340. (In Russ.)

12. Smolenskij N. P. *Kinematograf* [Cinema]. *Otdyh hristianina — The rest of Christian*, 1913, vol. 2, no. 12, pp. 891—898. (In Russ.)

13. Smolenskij N. P. *Cerkovnaya Propoved'* [The church preaching]. *Otdyh hristianina — The rest of Christian*, 1907, vol. 1, book 5, pp. 126—132. (In Russ.)

14. Sokolov P. A. *Chto takoe prekrasnoe?; Osnova krasoty i hudozhestvenno-go realizma* [What is the beautiful one? The basis of beauty and artistic realism]. Sokolov P. A. *V poiskah pravdy zhizni: Sb. filosofiya, ehtyudov po voprosam zhizni i religii* [In search of the life's truth: the issue of philosophy, essays on life and religion]. Saint-Petersburg, 1914, pp. 176—191. (In Russ.)

15. Solov'ev I. I., svyashch. *Pravoslavno-hristianskaya filosofiya v russkom iskusstve (S vystavki religioznyh kartin V. M. Vasnecova)* [Orthodox Christian philos-

ophy in Russian art (from the exhibition of religious paintings by V. M. Vasnetsov]. Kharkov, 1910, 22 pp. (In Russ.)

16. Tihomirov P. V. *Hudozhestvennoe tvorchestvo i religioznoe poznanie* [Artistic creation and religious knowledge]. *Bogoslovskij vestnik — Theological issue*. 1897, vol. 4, no. 11, pp. 240—253. (In Russ.)

17. Tkachenko L. A. *Pravoslavnaya zhurnalistika v istoriograficheskikh rabotah otechestvennykh uchenykh* [Orthodox journalism into historiography writings by Russian scientists]. *Vestnik ChelGU — The Issue by Chelyabinsk University*, 2015, no. 15, Philology, Art' research, issue 96, pp. 88—94. (In Russ.).

18. Folte Yu. *Ukazatel' statej v alfavitnom poryadke, sodержashchihsya v bogoslovsko-filosofskom zhurnale «Vera i razum», s alfavitnym spiskom avtorov, pomeschennykh v nem statej, za pervoe desyatiletie ego izdaniya (1884—1893 gg.)* [The Index of articles in alphabetical order, contained into theological-philosophical journal «Faith and Reason», with an alphabetical list of authors, articles placed in it, during the first decade of its edition]. Kharkov, Print. House by Regional governing body, 1894, 45 p. (In Russ.).

19. *Hristianstvo i novaya russkaya literatura XVIII—XX vv.: bibliogr. ukaz., 1800—2000* [Christianity and new Russian literature of the XVIII—XX centuries: the bibliography index, 1800—2000]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2002, 891 p. (In Russ.).

20. Shahov V. V. *Ukazatel' k «Pravoslavnomu obozreniyu» za 1871—1886 gg.* [The Index to the «Orthodox Review» during 1871—1886]. Moscow, Print House of Moscow University, 1887, 157 p. (In Russ.).

УДК 130.2:572:316.752

Н. Е. Судакова

**Онтология инклюзии: технологизация бытия —
свобода или зависимость?**

Статья раскрывает актуальную сегодня тему становления культуры инклюзии в современном обществе. Осмысляются проблемы технологизации социальных процессов в ракурсе преодоления обесценивания человека как микромоделей Вселенной, где особая роль отводится людям с ОВЗ и их «безграничным возможностям». Анализируется роль технологизации с позиции укрепления социальной зависимости индивида от общества и его продуктов, способствующая ограниченности сознания современного потребителя. Определяется потенциал технологизации в контексте становления соучастного Бытия как основы инклюзивного сообщества.

Ключевые слова: инклюзия, культура, технологизация, искусственный интеллект, Другой, люди с ОВЗ, соучастное Бытие, уникальность, свобода выбора, социальная зависимость.

N. Sudakova. Ontology of inclusion: the technologization of being — freedom or dependence?

The paper reveals the topical theme of the inclusion culture formation in the modern society. The problems of social processes' technologization in the perspective of overcoming the depreciation of a person as a micromodel of the universe, where a special role is given to people with disabilities and their «limitless possibilities». The author analyzes the role of technologization from the position of aggravating the social dependence of the individual on society and its products, which contributes to the limited consciousness of the modern consumer. The work also determines the capacity of technology in the context of the involving Being formation as the foundation of an inclusive community.

Keywords: inclusion, culture, technologization, artificial intelligence, Other, people with disabilities, complicity Being, uniqueness, freedom of choice, social dependence.

К постановке вопроса

Укрепление научно-технологического потенциала, способствующего активному постижению новых горизонтов знания, является одной из приоритетных задач современного общества, где человек, достигший наивысшей стадии бытийствования, многогранно применяет технологии «подрывных инноваций» (disruptive innovation, Clayton Christensen) [16]. «Термин “подрыв”» описывает процесс, благодаря которому небольшая компания со скромными ресурсами начинает успешно конкурировать с солидными, давно обосновавшимися на рынке предприятиями» [6]. Теория профессора Гарвардской бизнес-школы К. М. Кристенсена довольно быстро перешагнула порог экономической рефлексии, найдя своих сторонников в различных областях знания, в том числе в сфере социальных проблем современности. На основании исследований, объёмно представленных в работе «Дилемма Инноватора» [5], профессор К. М. Кристенсен делает вывод о том, что постоянное улучшение какого-либо продукта не всегда оправдано, поскольку, пока мы стараемся сделать его лучше, потребность в нём может резко снизиться, что обусловлено непрерывным появлением более актуальных и востребованных технологий. Данное открытие, имеющее прямое отношение к экономическому моделированию реальности, неожиданным для автора образом нашло отклик и в социокультурном проектировании.

Пока все прогрессивные общественные институты работали над постоянным совершенствованием человека, устремлённого к своему идеальному воплощению и способного к созиданию уникальности бытия, потребности мира существенно изменились, поскольку множество функций стали выполняться высокотехнологичными механизмами. Социальный вклад личности постепенно приобретает иные, потенциально дискуссионные черты, где актуализируется задача социальной реализации каждого человека, в том числе человека с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), ранее не представлявшего ценностной значимости для социума. «Подрыв», преодолев существующий коннотационный негативизм и заявив о себе как о символе современной эпохи, вывел современного человека в новое для него пространство ценностно-смысловых ориентаций — пространство инклюзии.

Там где люди без видимых ограничений старались мыслить масштабно и размашисто, с глобальной перспективой, люди с ОВЗ просто шли, шаг за шагом, преодолевая те безусловные трудности, которые сопровождали их бытийствование, шли к своей, пусть и не очень глобальной мечте. Так появились те, кто ассоциируется сегодня с образом «человека с безграничными возможностями». Их достижения не только поражают воображение, но и вдохновляют человека на преодоление возникающих преград. Среди них выдающийся астрофизик Стивен Хокинг, слепой финский программист Tuukka Ojala (обрабатывающий звуковую информацию в три раза быстрее, чем обычный человек (450 слов в минуту), что позволяет ему работать в одной из крупнейших IT-корпораций мира) [15], уникальная глухая перкуSSIONистка Эвелин Гленни (исполняющая около ста сольных концертов по всему миру в год) [13], слепоглухонемая писательница и поэтесса Ольга Скороходова [8] и многие другие. Их жизнь заставляет нас задуматься о том, что сложившиеся представления об истинных ресурсах человека очень ограничены, что возможности для самореализации личности гораздо богаче и их развитие доступно каждому, в том числе людям с ОВЗ.

Свобода или зависимость — механизмы становления соучастного Бытия

Мир решительно шагнул в эпоху инклюзии, настало время перемены ценностно-смыслового фундамента человеческого бытия, способствующего утверждению идеи безусловной ценности каждого рождённого человека для выживания всей человеческой цивилизации, где «все, кому нужен социум, кто по своим исходным характеристикам может быть обозначен как “Другой, отличный от меня”, имеют право на включение, приятие, полноценную социализацию, — все, вне зависимости от состояния здоровья, пола, национальной или расовой принадлежности, способностей, образования, культурной идентичности, возраста, психологической зрелости и других отличительных черт» [9, с. 153].

Глубинная суть человеческой природы, её онтологическая необходимость опосредуются наличием в жизни индивидуума права на выбор, определяющий уровень свободной воли, который неизмен-

но сопровождается осознанием и принятием ответственности за последствия принятых решений. Именно выбор формирует траекторию социокультурного развития личности, что в современном мире наиболее ощутимо. Человек появляется на свет исполненным свободной воли к постижению сложностной реальности — complexity (С. Хокинг), которая не только текуча, но и чрезвычайно многозначна. Современный человек имеет возможность выбирать из тысячи калейдоскопичных вариантов значимую для него индивидуальную траекторию развития, творить собственный универсум. В осознании данных возможностей заложен необъятный потенциал культуры инклюзии, утверждающей ценности разнообразия бытия, позволяющие проявлять и преумножать уникальность Человека-Творца.

Доказывающая свою значимость культура инклюзии заслуживает особого внимания, поскольку ценность человека, его безусловное право на свободу и выбор подвергались сомнению на протяжении тысячелетий: «В группах охотников и собирателей рациональным было уничтожение побежденных противников, каннибализм; в первых цивилизациях — приношение человеческих жертв. Рациональность античных обществ, преодолев языческую «бесчеловечность», осталась совместимой с убийством гладиаторов, с рабством» [3, с. 319], даже христианская русская культура достаточно долго включала в свой универсум крепостное право. Гуманизация человеческого бытия, как инструмент выживания человеческой цивилизации в современных условиях, явилась ступенью социальной эволюции, проявляющей себя сегодня поистине инклюзивно.

В контексте становления инклюзивного сообщества технологизация бытия обретает сегодня новое актуальное содержание и иные, не представленные ранее формы своего воплощения. Механизмы становления инклюзивной культуры посредством информационных технологий, обладающие способностью как возвращать уникальность человека, так и универсализировать его социокультурные потребности и опыт, вызывают сегодня наибольшее количество вопросов.

Сотворив Интернет как новую реальность, отображающую образ уже существующей вселенной, наделив её новыми функциями, востребованными человеком и отражающими его главную сущность — социальную активность, человек утвердился в своей коммуникатив-

но-соучастной природе бытийствования. Здесь стоит обратить особое внимание на концепцию С. Еремина о становлении человека совместно действующего — *Homo sinergiosus* (Eryomin, 2005), который существует как «самостоятельное существо, одновременно являющееся компонентом (составной частью) нано-, микро-, миллисоциумов и глобальной автономной интеллектуальной системы человечества в целом, с ее развитой информационной сетью и способностями к накоплению знаний, синергетическим и аналитико-синтетическим актам, принятию решений и действиям, кардинально влияющим на освоение окружающей среды и изменяющим человеческую цивилизацию планеты» [4, с. 87]. Трансгрессивный скачок в данное цивилизационное пространство произошёл в последние полвека, где основным инструментом социального воплощения человеческого вида стало стремление к увеличению межличностного взаимодействия, стремление к рождению соучастного Бытия.

Появление пространства соучастного Бытия изменяет не только характер взаимодействия, но и облик его субъектов, где, словно увидев себя «со стороны», человек впервые в истории человеческой цивилизации меняет ценностное отношение к самому себе как носителю инаковости — Другому, признавая его/себя Другого не только ценностно значимым, но и равным. Данная позиция иначе транслирует социальные возможности человека, где особенно ценным представляется потенциал к качественному улучшению жизни человека с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Обозначенный вызов, обуславливающий вхождение человечества в эпоху инклюзии, являет собой парадигмальные изменения ценностных императивов человеческой цивилизации в ракурсе включения в социальное бытие всех без исключения, по праву рождения имеющих все видовые признаки человека.

Актуальность проблематики «подрыва» прирастает пониманием, что существовавший вплоть до настоящего времени формат бытийствования в скором времени утратит своё значение, а вместе с ним станут историей и множество профессиональных квалификаций [13], востребованных ещё пару десятилетий назад. В обозначенных условиях существующая сегодня концепция возможностей для самореализации личности существенно преобразуется. Становится очевидным, что именно сегодня как сознание человека, так и его

бытие в очередной раз попадают в зависимость от внешней среды, где дорога к появлению «бесполезного класса» [там же] уже открыта. И здесь теряют хоть какую-то неправдоподобность выводы Ю. Н. Харари о том, что «объединение infotech и biotech порождает алгоритмы, которые могут успешно анализировать нас и общаться с нами и которые в скором времени могут превзойти людей, врачей, солдат и банкиров в таких задачах. Эти алгоритмы могут в конечном итоге вывести сотни миллионов людей из рынка труда» [там же]. Грядёт новая антропологическая революция или это естественная перестройка, вызванная социальной эволюцией нашей цивилизации? Количество вопросов, ответы на которые предстоит дать уже в ближайшей перспективе, стремительно нарастает.

Осмысляя вышеизложенное, стоит обратиться к воззрению на социальные процессы А. Швейцера: «Поглощение современного человека обществом, поистине единственное в своем роде, — это, пожалуй, наиболее характерная черта его сущности» [12, с. 48]. Сложно не согласиться с его выводами о том, что общество имеет существенный инструмент для воздействия на человека, не только формируя его картину мира, но и предопределяя все аспекты его самореализации. Скорость и объём операций по социальному взаимодействию настолько возросли, что множество людей не обладает достаточным количеством ресурсов для глубокой рефлексии своей личностной сущности, собственных потребностей и возможностей, а потому проблема социальной инфантильности значительно актуализируется. Изменение потребности в человеческих ресурсах ещё более обостряет проблематику социальной зависимости, поскольку появление так называемого «бесполезного класса» заметно усилит социальную напряжённость.

Патологическая зависимость от общественного мнения достигает сегодня своего апогея, благоприятствуя становлению человека, неспособного как к духовной, так и к экономической обособленности, а в конечном счёте, к социальной зрелости. Обозначенный подход потворствует девальвации духовной составляющей жизни личности, позволяя ей принимать ценности социума, не соотнося их со своими собственными потребностями и возможностями. А. Швейцер сравнил такого человека с мячом, деформирующимся от любого воздействия, но неспособным к восстановлению. Но главной пробле-

мой, по его мнению, является то, что «общество располагает им по своему усмотрению. От него человек получает, как готовый товар, убеждения — национальные, политические и религиозные — которыми затем живет» [там же]. Представленный вывод не добавляет оптимизма, поскольку существенно влияет на вектор развития всей человеческой цивилизации.

А. Швейцер, описывая данные процессы крайне красноречиво, отождествляя их с самыми нелюбимыми представлениями: «мы вступили в новое средневековье», «свобода мышления изъята из употребления» [12, с. 49], «обреченный на разобщенность, ограниченный, блуждая в дебрях бесчеловечности, уступая свое право на духовную самостоятельность... бредет современный человек унылой дорогой в унылое время» [там же]. Настолько обречённый взгляд на окружающую действительность, конечно, вызван вполне осязаемыми процессами, но не является ли он слишком субъективным? Или А. Швейцер и другие пессимистично настроенные мыслители, «словно «певцы любви, свободы, мира», «вооружившись небесными громами», согласно Н. А. Некрасову, гласят о гибели с целью «напомнить человеку высокое призвание его»? [9, с.23].

Безусловно, истинные творцы и мыслители во все времена выступали глашатаями, считая своим долгом обратить внимание социума на самые серьёзные проблемы современности. А. Швейцер не исключение, как и другие мыслители, придерживающиеся этой точки зрения, и данная постановка вопроса актуальна, поскольку открывает глаза на то, что «будущее человечества возможно лишь в контексте утверждения ценностей и идей гуманизма, через преодоление как внутреннего дисбаланса личности, так и отсутствия равновесия между человеком и природой, в процессе социального взаимодействия, через осмысление и принятие «чужести», «особливости», непохожести и нестандартности бытия Другого» [там же, с.17].

Увеличение потребности в социальном взаимодействии, в обмене социокультурным опытом бытийствования в глобальном размахе содействовало появлению новых технологических решений, расширяющих возможности коммуникации, постепенно оформившихся в объёмную форму новой информационной реальности. Данные процессы позволили не только раздвинуть границы сознания человека, но и преодолеть локальность реального бытия, обусловлен-

ную географическим расположением эпицентров культуры и образования в разных странах. Впервые в истории человеческой цивилизации благодаря глобальному распространению высокотехнологичной сети Интернет географическое положение субъекта культуры перестало носить решающий характер для обретения культурной идентичности и самореализации индивида в социальном пространстве. Эти ограничения были устранены и в процессе получения образования, что ранее было доступно лишь избранным и являлось несомненной привилегией элиты. Таким образом, многие аспекты элитарности культуры и образования подверглись серьёзному пересмотру. Значимость данных тенденций ещё более актуализируется, когда речь заходит о людях, традиционно лишённых каких-либо возможностей для освоения культурно-образовательного наследия человечества, — людях с различного рода ограничениями в области здоровья.

Технологический прорыв, осуществлённый в обществе в последнюю четверть века, способствовал существенному расширению круга возможностей для реализации личностного потенциала, для преодоления ограниченности доступа к информационным ресурсам. Повсеместная информатизация содействует укреплению прав и свобод граждан на всех континентах нашей планеты, существенно расширяя социальные возможности каждого человека, в том числе любого Другого, чтобы, согласно Г. Гегелю, «быть в зависимости только от самого себя, определять самого себя» [2, с. 124].

Но массовая информатизация несёт в себе не только инструмент для развития личностной свободы выбора, благоприятствующий возвращению творческого потенциала, но и значительный ресурс для укрепления социальной зависимости индивида от общества и его продуктов, способный поработить его сознание и волю, поскольку не теряет актуальности понимание, что «техногенная цивилизация потребителей, стремительно захватывающая всё мировое сообщество, сметая всё «особливое», инаковое, «нецивилизованное», «асоциальное» на своём пути, уничтожает то ценное, духовное, истинно человеческое, что с таким трудом было накоплено десятками поколений наших предков» [9, с.17]. Сможет ли человек преодолеть данную тенденцию, зависит сегодня, впрочем как и всегда, только от него самого.

В условиях возрастающей потребности в инклюзивных практиках сосуществования, где первостепенно ценностным становится сам человек во всём его многообразии, устремлённый к воплощению своего уникального Я, осознание ответственности перед обществом — основной принцип выживания человеческой цивилизации. Вполне заметно, что современный социум, устремлённый к увеличению инструментов для кросскультурного диалога, к повышению коммуникативных практик, способствующих укреплению позиций инклюзивной культуры, неожиданно подчиняется «агрессивной интервенции технологического в биологическое» [7, с. 386], связанной с активным распространением «виртуальных ошейников» [там же] в самых разных его формах, где творческий потенциал личности и её потребность к самостоятельной рефлексии стремительно девальвируются.

Ценностная дезориентация выглядит в данном контексте несколько устрашающе, погружая человека в глубокий технологический колодезь. Реальность технологического бытия, где потребности формируют всё новые и новые потребности, с невиданной ранее скоростью завоёвывая новые горизонты, дезориентирует человека, не давая ему возможности даже задуматься над тем, как выбраться из этой ловушки. Таким образом, вопрос, куда движется современный человек, остаётся не только открытым, но во многих случаях в принципе не ставится, а ответственность — остаётся надеяться, что неосознанно — перекладывается на плечи будущих поколений.

Современное общество предпочитает не замечать множество глобальных проблем, требующих социальной рефлексии, очаровываясь феей «доступности», проявленной сегодня многоаспектно. Доступность как феномен современной культуры обнаруживает себя в разных контекстах: возможность постоянного доступа к средствам коммуникации, где человек «всегда на связи»; доступность бесчисленного количества инструментов для реализации своих потребностей в развлечении, существовании, где все варианты можно получить «не выходя из дома»; доступность разного рода технологических решений для облегчения бытовых проблем; доступность работы и обучения «в любой точке мира»; доступность лёгких и непродолжительных отношений; доступность жизни «для себя», проявленная в современной субкультуре «childfree»; доступность пре-

диплантационной диагностики, позволяющей не только выбрать пол будущего ребёнка, но и предвосхитить множество хронических заболеваний; доступность экстракорпорального оплодотворения и суррогатного материнства и даже доступность технологий изменения климата. Когда большинство желаний и потребностей человека удовлетворяются «нажатием нескольких кнопок», говорить о значительном духовном росте, о преодолении самого себя действительно сложно. Не менее сложно обратить внимание социума на то, какие не только положительные последствия будет иметь поворот человеческой цивилизации в сторону тотальной технологизации и информатизации бытия. Но если современный человек «нажатием одной кнопки» трансформирует «миры», можно ли ожидать, что он адекватно оценит потребности и возможности человека, жизнь которого ежедневное преодоление? Остаётся надеяться, что дорога, по которой движется современный человек, не ведёт в тупик.

В эпоху лёгкости удовлетворения желаний и потребностей, когда даже «sancta sanctorum» — межличностные отношения — теряют свою истинную ценность, становясь непродолжительными и поверхностными, теряет свою истинную значимость сам человек. Взаимозаменяемость становится трендом, который символизирует наше время. Но человек не механизм, не инструмент и не вещь, мы рождены пестовать в себе уникальное начало. Именно неповторимость воплощения, способность к преобразованию мира есть отличительная черта нашего вида. Мы единственные во Вселенной способны изменить то, что существует как данность. Каждый из нас воплощается лишь однажды и, безусловно, как человек-Творец. Только осознавая данные факты, мы можем уберечь нашу цивилизацию от гибели.

Что толкает современного исследователя к столь серьёзному размышлению? Мы перевернули страницу человеческой истории, создав пусть пока и не совершенные, но вполне функциональные прототипы интеллекта человека. Рубикон перейдён, и обратного пути нет, это реальность, которую не изменить. Искусственный интеллект (ИИ) уже сегодня активно развивается, но его основное значение — служить на благо человеку — может потерять свою актуальность довольно быстро. Есть серьёзные основания думать так, а не иначе, обусловленные тем, что мы, сосуществуя в нашем общем «ков-

чеге» в начале третьего тысячелетия, так и не осознали, что именно человек, каждый представитель этого вида, имеет безусловную ценность для существования всей человеческой цивилизации, всего мироздания, поскольку каждый из нас есть «микрокосм», вмещающий в себя всю тайну Вселенной.

Только изменение ценностных оснований человеческой жизни в сторону понимания инклюзии как основы человеческой цивилизации позволит нам сохранить человеческий вид в будущем. ИИ, являясь производным человеческого творчества, тем не менее инструмент логических операций, и стоит ли надеяться на то, что он сможет постичь всю палитру человеческих чувств? Очевидно, что, если это и произойдёт, ИИ перестанет быть «искусственным», а займёт равноправное с человеком положение во вселенной.

Но человек, обладая всеми способностями Творца, не способен контролировать будущее. Сможет ли он преодолеть законы Вселенной, которая разумнее самого человека? Стоит ли сомневаться, что ИИ не сможет постичь всю тайну человека как микрокосма, не сможет предсказать последствий его поступков, потому что опыт каждого человеческого бытияствования всегда уникальный, единжды воплощённый. Каждый существующий человек обладает своим собственным ассоциативным рядом, который неповторим, это свойство его интеллекта, обладающего поистине многовариантной инклюзивной сущностью. Можно считать, что существующий порядок — это подарок от Вселенной нашему виду, механизм защиты от самоуничтожения, и именно это является самым совершенным инструментом Творца. Очевидно, что постичь его тайну способен лишь человек/Другой — Творец и Зритель одновременно. ИИ, существующий сообразно логическим законам, не только не способен постичь суть человека, но рано или поздно посчитает человека лишним элементом, именно из-за его «неповторимости» и «непредсказуемости». Если даже сам человек не считает безусловной ценностью жизнь и потребности Другого, стоит ли думать, что машина сделает более осознанный выбор? Человеку пора задуматься над тем, что данные представления вполне реальны и имеют серьёзный потенциал, чтобы воплотиться.

Рассуждая о человеческой сущности, нельзя не обратить внимания на современные тенденции, устремлённые к полному устра-

нению «субъективности» как лишнего элемента, мешающего «гармоничной жизни». В современных условиях, когда мы во многом сами уничижаем человеческие способности, недооцениваем человека и его способ бытийствования, не придаём серьёзного значения тому, по каким законам жили наши предки, постепенно девальвируется ценность реального взаимодействия между людьми, уступая место разного рода суррогатам.

Мы активно расширяем контакты в социальных сетях, вместо того, чтобы провести время с близкими людьми, предпочитая данную форму общения даже в условиях, способствующих реальному взаимодействию. Сегодня уже не вызывает удивления ситуация, когда группа людей, собравшихся, чтобы провести время вместе, поглощены гаджетами.

Человек инициативно способствует исключению «субъективности» оценки одного человека другим, что обнаруживается в самых разнообразных формах. В образовании этот феномен проявляется в безличном оценивании результатов обучения посредством тестирования обучающихся компьютером. Данный подход мы активно внедряем на всех этапах обучения, приучая сегодня к данной практике детей с самого раннего возраста. Исключая субъективный фактор, мы обесцениваем уникальность самого человека, но к чему приведут данные решения? Предсказуем ли результат? И что значит объективная оценка, если речь идёт о воспитании человека-Творца? Подключая механического посредника во взаимодействие между человеком и человеком, мы лишаем наше общение истинно человеческого начала, не только снижая его ценность, но и искажая то содержание, которое хотим донести друг до друга. Мы обесцениваем способность человека со-переживать, со-участвовать, творить со-бытие инструментами со-творчества. Кто возьмёт на себя ответственность за то, что постепенно утрачивает своё первостепенное значение уникальный содержательный компонент человеческого взаимообогащения?

Заключение

Таким образом, очевидно, что современный человек вынужден подстраиваться под иную, стремительно трансформирующуюся ре-

альность, обусловленную постоянным обновлением технологической мощи, где «подрыв» как символ современной эпохи выводит человека в новое инклюзивное пространство бытийствования.

Стремление к совершенствованию человека в его традиционном понимании теряет сегодня свою значимость, поскольку на первый план выходит проблематика социального вклада личности, где особая роль отводится человеку с ОВЗ.

В данном контексте по-новому осмысливается проблема «безграничных возможностей» человека, заставляя нас задуматься об ограниченности современных представлений о ресурсах личности, о том, насколько существенный потенциал к открытию новых возможностей человека заложен в возможности к социальной реализации человека с ОВЗ.

Очевидно, что изменение ценностно-смысловых представлений о бытии в сторону утверждения идеи безусловной значимости каждого для всей человеческой цивилизации опосредуется сегодня принятием каждого Другого как способного творить свой уникальный инклюзивный универсум.

Социальная эволюция проявляет себя сегодня поистине инклюзивно. Впервые в истории человеческой цивилизации гуманное отношение к Другому, в том числе к человеку с ОВЗ, не только осмысливается, но и провозглашается значимым инструментом гармонизации человеческого сосуществования, где *Homo sinergius* (Ерёмин, 2005), созидавая новую реальность, совершает переход в пространство соучастного Бытия — пространство ценности человеческой инаковости, со-творчества — пространство торжества инклюзии.

Осмысление социальной зависимости человека и его права на трансляцию уникальности значительно актуализируется в контексте технологизации, где на первом плане оказывается её сущностная дихотомичность: с одной стороны, существенно расширяются возможности человека к возвращению творческого потенциала, к развитию личностной свободы, с другой — серьёзно возрастает зависимость индивида от общества и его продуктов, где человек, словно во власти вторжения «технологического в биологическое», очаровываясь лёгкостью удовлетворения стремительно возрастающих потребностей, утрачивает способность к критическому осмыслению собственного бытийствования, к осознанию своей творче-

ской сущности. Обостряется понимание, что количество инструментов индивидуализации прямо пропорционально мощи социальной зависимости, потому что технологические инструменты позволяют нам творить новую модель социокультурной реальности и ощущать себя в ней достаточно свободно, но в конечном счете формируют зависимость от них самих. Примером тому служит современная потребность в мобильной телефонии, которая, позволив человеку совершать акт коммуникации в любой момент времени, сформировала устойчивую психологическую зависимость от возможности сделать это «здесь и сейчас». Ещё четверть века назад человек не испытывал серьёзного дискомфорта от отсутствия ежеминутного контакта с близкими. Сегодня необходимость связаться с ними по первому требованию превратилась в устойчивую психологическую зависимость.

Сложность complexity существенно расширяет проблематику невостребованности человека, которая прогнозируется мыслителями современности в контексте появления «бесполезного класса». Усиление социальной напряжённости, вызванное недостатком ресурсов личности для достижения социальной зрелости, деформацией личности от социального воздействия, требует акцентуации механизмов преодоления обозначенной проблемы в аспекте всесторонней гуманитарной рефлексии.

В процессе культурфилософской рефлексии вопросов технологии современного общества вскрывается крайне дискуссионный характер проблемы совместного сосуществования человека и искусственного интеллекта. Создавая ИИ, способный исключительно к логическому осмыслению реальности, мы девальвируем чувственный опыт человека и его способность к творческому порыву, а следовательно, способствуем серьёзному обесцениванию человека-Творца. В этом же контексте теряет свою значимость субъективность человека, которая выражает его личностное начало, вскрывает его уникальную сущность. Технологический посредник между человеком и человеком значимо изменяет глубину и содержание коммуникативного акта, обесценивая способность личности к со-переживанию, соучастию и со-творчеству.

Неверно трактуя сущностные основания коммуникации, мы искажаем саму суть человеческого бытийствования, поскольку нали-

чие взаимодействия и его уникального содержания, связанного с духовным взаимообменом, где «одним из главных критериев выступает созвучность своей культуре, открывающейся навстречу культуре “Другого”» [1, с. 13], является тем фундаментом, который позволил нашему виду стать Человеком.

Всё вышеизложенное, безусловно, позволяет сделать вывод о том, что широта выбора социокультурных ориентиров и зависимость от социума и его продуктов осуществляются в современном мире вместе, как «две бинарные сопряжённые дифференциации, обладающие факторами индукции, т. е. потенцией «достраивать» систему до завершённости» [11, с. 23], формируя собой неординарный, востребованный сегодня принцип воплощения человеческого бытия — инклюзивный универсум, как единственную возможность сохранить человека-Творца — микромодель Вселенной.

Библиографический список

1. Астафьева О. Н. Многомерные конфигурации коллективных идентичностей: теоретические основания исследования // Национальная идентичность в северокавказском обществе: поиски путей укрепления: Коллективная монография / Под общ. ред. А. Ю. Шадже и Е. С. Куквы. М.; Майкоп: Российское философское общество; Изд-во АГУ, 2015. С. 4—26.

2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. 452с.

3. Добролюбов С. В. Как возможна социальная эволюция, если индивид имеет свободу выбора? // Эволюция: от протозвезд к сингулярности? / под ред. Л. Гринина, А. Коротаева, А. Маркова. Волгоград: Учитель, 2014. 384 с.

4. Еремин А. Л. Ноогенез и теория интеллекта. Краснодар: Советская Кубань, 2005. 356 с.

5. Кристенсен К. М. Дилемма Инноватора / пер. Т. Овсенева. Изд.: Альбина Пабlishер, 2018. 240 с.

6. Кристенсен К., Рейнор М., Макдоналд Р. Подрывные инновации: двадцать лет спустя // Harvard Business Review. 29 февраля 2016г. URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/upravlenie-innovatsiyami/a17234> (дата обращения: 01.08.2018).

7. Середкина Е. В. Диалог культур в эпоху «хай-тек» и гаджетов: возможности и пределы // Диалог культур в условиях глобализации: XI Между-

народные Лихачевские научные чтения, 2011 г. СПб.: СПбГУП, 2011. Т. 1. С. 386—389.

8. Скороходова О. И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю мир вокруг меня. М.: Педагогика, 1972. 448 с.

9. Судакова Н. Е., Сапельников Д. С., Попова М. В. Творчество в контексте культурфилософского осмысления и педагогического моделирования мировоззрения личности: Монография. М.: Буки Веди, 2016. 184 с.

10. Судакова Н. Е. Философская рефлексия инклюзии как феномена современной культуры: навстречу Другому // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11. Ч. 1. С. 152—154.

11. Тишкина Е. И. Бинарные сопряжённые дифференциации культуры: Элитарность и массовость культуры // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76). С. 23—30.

12. Швейцер А. Культура и этика / пер. с нем. Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанского; ред. проф. В. А. Карпушина. М.: Прогресс, 1973. 344 с.

13. Evelyn E. A. Glennie. URL: <https://www.evelyn.co.uk/mission-statement/> (дата обращения: 10.02.2018).

14. Harari Y. N. Reboot for the AI revolution. Nature, 17 October, 2017. URL: <https://www.nature.com/news/reboot-for-the-ai-revolution-1.22826> (дата обращения: 15.01.2018).

15. Ojala T. Software development 450 words per minute. 2017. URL: <https://www.vincit.fi/en/blog/software-development-450-words-per-minute/> (дата обращения: 15.01.2018).

16. The Clayton M. Christensen Reader. Selected articles from the world's foremost authority on Disruptive Innovation. Boston, Massachusetts: Harvard Business Rev. Press, 2016, 212p.

References

1. Astaf'eva O. N. *Mnogomernye konfiguracii kollektivnyh identichnostej: teoreticheskie osnovaniya issledovaniya* [Multidimensional configurations of collective identities: theoretical foundations of research]. *Nacional'naya identichnost' v severokavkazskom obshchestve: poiski putej ukrepleniya* [National identity in North Caucasian society: the search for ways to strengthen]. Ed. A. Yu. Shadje and E. S. Kukwy. Moscow, Russian Philosophical Society; Maikop, ASU Publishing House, 2015, pp.4—26. (In Russ.)

2. Gegel' G. V. F. *Nauka logiki* [Science of Logic]. *Enciklopediya filosofskih nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Of vol. 1. Moscow, 1974, 452 p. (In Russ.)

3. Dobrolyubov S. V. *Kak vozmozhna social'naya ehvolyuciya, esli individ imeet svobodu vybora?* [How is social evolution possible if an individual has the freedom of choice?]. *Evolyuciya: ot protozvezd k singulyarnosti?* [Evolution: from proto-stars to singularities?]. Ed. L. Grinina, A. Korotaeva, A. Markova. Volgograd, *Uchitel'* Publ., 2014, 384 p. (In Russ.)

4. Eremin A. L. *Noogenez i teoriya intellekta* [Noogenesis and the theory of intelligence]. Krasnodar: *Sovetskaya Kuban'* Publ., 2005, 356 p. (In Russ.)

5. Kristensen K. M. *Dilemma Innovatora* [Dilemma Innovator]. Tran. T. Ovseneva. Moscow, Al'bina Publisher, 2018, 240 p. (In Russ.)

6. Kristensen K., Rejnor M., Makdonald R. *Podryvnye innovacii: dvadcat' let spustya* [Disruptive Innovations: Twenty Years Later]. Harvard Business Review. — February 29th. 2016. Available at: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/upravlenie-innovatsiyami/a17234> (accessed 01.08.2018). (In Russ.)

7. Serechkina E. V. *Dialog kul'tur v ehpohe «Haj-tek» i gadzhetov: vozmozhnosti i predely* [Dialogue of cultures in the era of "Hi-tech" and gadgets: opportunities and limits]. *Dialog kul'tur v usloviyah globalizacii* [Dialogue of cultures in the context of globalization. International Likhachev Scientific Readings, 2011]. Saint-Petersburg, SPbGUP Publ., 2011, vol.1, pp. 386—389. (In Russ.)

8. Skorohodova O. I. *Kak ya vosprinimayu, predstavlyayu i ponimayu mir vokrug menya* [How I perceive, imagine and understand the world around me]. Moscow: Pedagogika Publ., 1972. 448 p. (In Russ.)

9. Sudakova N. E., Sapel'nikov D. S., Popova M. V. *Tvorchestvo v kontekste kul'turfilosofskogo osmysleniya i pedagogicheskogo modelirovaniya mirovozzreniya lichnosti* [Creativity in the context of cultural-philosophical understanding and pedagogical modeling of a person's worldview]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2016, 184 p. (In Russ.)

10. Sudakova N. E. *Filosofskaya refleksiya inklyuzii kak fenomena sovremennoj kul'tury: navstrechu Drugomu* [Philosophical reflection of inclusion as a phenomenon of modern culture: towards the Other]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* — *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*, 2016, no. 11, p. 1, pp. 152—154. (In Russ.)

11. Tishkina E. I. *Binarnye sopryazhyonnye differenciacii kul'tury: ehлитarnost' i massovost'* [Binary conjugate differentiations of culture: Elitism and mass culture]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. 2, Gumanitarnyye nau-*

ki — *News of the Ural State University, P. 2, Humanities*, 2010, no. 2 (76), pp. 23—30. (In Russ.)

12. Schweizer A. *Kul'tura i ehtika* [Culture and ethics], tran. by N. A. Zaharchenko, G. V. Kolshanskij, ed. prof. V. A. Karpushina. Moscow, Progress Publ., 1973, 344p. (In Russ.)

13. Evelyn E. A. Glennie. Available at: <https://www.evelyn.co.uk/mission-statement> (accessed 10.02.2018).

14. Harari Y. N. Reboot for the AI revolution. *Nature*, 17 October, 2017. Available at: <https://www.nature.com/news/reboot-for-the-ai-revolution-1.22826> (accessed 15.01.2018).

15. Ojala T. Software development 450 words per minute. 2017. Available at: <https://www.vincit.fi/en/blog/software-development-450-words-per-minute>. (accessed 15.01.2018).

16. The Clayton M. Christensen Reader. Selected articles from the world's foremost authority on Disruptive Innovation. Boston, Massachusetts, Harvard Business Rev. Press, 2016, 212 p.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

А. В. Зыкин

Развитие культуры и этнического самосознания шорцев в XX веке

Настоящая работа посвящена развитию культуры и этнического самосознания шорцев в XX веке. Обращается внимание на психологические факторы, повлиявшие на усиление этнической идентичности, в число которых входит поиск ориентиров и стабильности в информационно насыщенной и непрерывно меняющейся среде, а также рост частоты прямых и опосредованных межнациональных контактов. Доказано, что повышенное значение культурные и этнические характеристики обретают во время социальных пертурбаций, когда разрушается сложившаяся система культурно-исторических ценностей, у людей происходит кризис идентичности и обращение к народным корням кажется им единственным спасением.

Ключевые слова: культура, этническая культура, народная культура, этническое самосознание, шорцы, Горная Шория.

A. V. Zykin. The development of Shors culture and ethnic identity in the 20th century

The present work is devoted to the development of culture and ethnic self-awareness of the Shors in the 20th century. The national culture and language

of the Shors are a significant means and the main condition for the realization of people's identity. One should also take into account the psychological factors that have contributed to the strengthening of ethnic identity, which include seeking guidance and stability in an informationally saturated and ever-changing environment, as well as an increase in the frequency of direct and indirect international contacts. It has been proven that cultural and ethnic characteristics acquire a greater significance during the social disturbances, when the established system of cultural and historical values collapses, because of what people experience an identity crisis, thus turning to people's roots seems to be their only salvation.

Keywords: *culture, ethnic culture, folk culture, ethnic identity, the Shors, Mountain Shoriya.*

Национальная культура и язык шорцев представляют собой значимое средство и основное условие реализации народной идентичности. Наши предыдущие работы главным образом посвящены современному состоянию данного этноса, особенностям языка, культурному своеобразию и процессам, которым он подвержен [3].

В 1938 году после ликвидации Горно-Шорского национального района, ход культурного и исторического развития шорцев как единой народности значительно замедлился и видоизменился. По инерции какое-то время в сфере культуры шли процессы, зародившиеся и сформированные на предшествующем этапе — этапе становления и формирования этноса и культуры, однако условий для беспрепятственного развития народной культуры не существовало. Без государственной помощи едва сформировавшийся шорский этнос не имел возможности продолжать свое развитие. Начавшаяся чуть раньше ассимиляция стала заметно нарастать. Эти факторы значительно отразились на языке шорцев, их культуре, а также замене национальной идентичности.

Национальная культура и язык представляют собой значимое средство и основное условие реализации народной идентичности. После того как был ликвидирован национальный район, шорский язык, в сущности, был упразднён, то есть уже не использовался в СМИ и учителями в школах, а также на уроках литературы, включая чтение художественных произведений. Затем состоялось закрытие педагогического техникума, выпускавшего преподавателей для на-

циональных школ. В начальной школе обучение на шорском языке шло до 1943 года, а потом он был заменен русским языком [13, с. 51], также на нём перестали печататься книги. С тех пор шорский язык существовал лишь в устной форме и использовался шорцами исключительно в личном общении [8, с. 317].

В 1950-х гг. шорцы стали считаться билингвами и получил признание тот факт, что именно шорским языком местные пользуются при общении с родственниками и в быту [16, с. 133]. Четыре переписи населения, проведенные за период с 1959 по 1989 годы, продемонстрировали, что шорцы, проживающие в Кемеровской области, в языковом плане были почти полностью ассимилированы русскими [13, с. 30—31].

В 1960-х гг. начала распадаться социально-культурная инфраструктура шорских селений. На первом этапе стали закрываться школы, расположенные в Горной Шории. Невозможность обучать детей послужила одним из факторов отъезда местных жителей, в особенности молодого поколения, из небольших деревень в крупные райцентры, а также города. В то же время снижение числа детей в шорских поселках вело к тому, что местные власти закрывали еще больше школ и переводили детей на обучение в интернаты. Вплоть до середины 1980-х гг. в Горной Шории функционировало 5 интернатов, но уже в 1990-е гг. 4 из них перестали существовать. В настоящий момент работает единственная школа-интернат, расположенная в г. Таштаголе.

В 1960 году были ликвидированы колхозы, что сильно ухудшило социально-экономическое положение региона, в особенности на юге Шории, где для колхозов не было создано адекватной замены. Это вызвало отъезд трудоспособных жителей из небольших мононациональных поселков, где по большей части и жили шорцы, в города и крупные райцентры.

Результатом вышеуказанных событий в Горной Шории явился отход от земледелия, уменьшение площади обрабатываемых земель, рост миграции, развал построенной инфраструктуры.

Немалое влияние на снижение трудовой занятости среди жителей сел и их миграцию оказала вырубка лесов. Заготовка древесины, достигшая уровня в 1,4 миллиона кубометров в год, выполнялась с серьезными нарушениями [21].

Промысел в данный период обрел хищнический вид. Данный факт говорит о том, что у жителей Горной Шории сформировался определенный поведенческий стереотип и ценностные ориентиры, которые, в сущности, не отвечают принципам рационального природопользования [19, с. 72]. Таким образом, прежняя культура и мировоззрение были полностью уничтожены, и уже не могли регулировать отношения между индивидом и природой, которым отводится ключевое место в народной культуре шорцев.

Кроме того, переход на использование местными охотниками ружей представляется значимым признаком распада народной культуры: методы охоты потеряли собственную этноспецифичность «брать у природы столько, сколько необходимо», подтверждением чему являются откровения самих шорцев: «охотимся как все», «как русские».

Отсутствие существенной помощи от государства в социальной сфере, обучение молодого поколения в школах-интернатах, рост числа нетрудоустроенных и распад социальной сферы активизировали переезд молодежи в города, что вызвало смену культурно-этнической и половозрастной структуры местных жителей. Депопуляция началась в 1993—1995 гг. и до настоящего момента так и не прекратилась, спровоцировав исчезновение многих национально однородных селений.

Поскольку новые города возводились на месте старых шорских улусов (к примеру, Междуреченск был построен на территории, где ранее существовало 4 улуса, а Мыски — в месте, где было 3 улуса), это стало настоящей катастрофой для шорцев. Проблема в том, что данный процесс вел к отрыву от родных корней, потере родовых земель [13, с. 20] и спровоцировал отъезд молодежи в города. В результате разрушался один из важнейших культурных и идентификационных признаков — местность проживания.

За период с 1950-х по 1990-е гг. вдвое увеличилось количество шорцев, живущих в городской местности и поселках городского типа. Переселение шорцев в города вызвало замену этнической среды и культуры.

В 1960-х гг. по причине создания «общенародного государства» основной целью было объявлено «создание новой исторической общности — советского народа». В рамках этого движения планиро-

валось максимально распространить изучение русского языка, культуры и повсюду установить индустриальную культуру взамен прежней традиционной.

В 1960-е гг. в СССР было закончено создание индустриального общества, из-за чего была повсеместно распространена индустриальная культура. К примеру, шорцы начали носить купленную в магазинах одежду, покупать телевизоры, холодильники, предметы мебели и пр. Невзирая на стремительный процесс размывания народной специфики, она пока еще оставалась. Во многих двуязычных шорских семьях практиковалось почитание и соблюдение собственных, слегка охристианенных, обычаев [7, с. 3].

К упадку народной культуры шорцев привело и такое явление, как размещение на землях Горной Шории исправительно-трудовых колоний и колоний-поселений для заключенных. В ходе общения с сидельцами шорцы в первую очередь проникались особенностями «лагерной субкультуры», а не перенимали специфику других этнических культур [21].

В колониях-поселениях осужденные проживали свободно и зачастую вступали в браки с шорками. Детей, появившихся в подобных союзах, в период 1980—1990 гг. в свидетельстве о рождении записывали не как шорцев, а, как правило, по национальности отца [12, с. 378]. Невзирая на то, что народная культура в основном передается через женщин, необходимо принимать во внимание отцовскую роль в семье, поскольку его речь, психологические установки и поведение сильно влияют на культурное и морально-нравственное развитие детей [12, с. 378].

По вышеуказанным причинам ассимиляция шорцев в 1950—1970-х гг. приняла огромные масштабы. Этому содействовала популяризация индустриальной культуры, увеличение численности горожан, распад традиционной культуры и привычной жизни, а также образовательная система. Помимо данных процессов на народное самосознание представителей шорского этноса сильно повлияло наличие значительного количества национально-смешанных семей.

Принадлежать к шорскому народу в 1970-х гг. было не престижно [14, с. 203], даже само слово «шорец» получило в 1980—1990-х гг. негативную окраску. Вот почему множество детей, родившихся у национально-смешанных пар, строили свою идентичность на принад-

лежности к большой нации и характеризовали собственную национальность как «русский», «украинец» и пр.

Здесь особо хочется отметить, что культурная и национальная идентичность не является чем-то статичным и активно меняется. В ходе становления она проходит множество стадий, схожих с поэтапным развитием детской психики, однако окружающий мир либо серьезные происшествия могут вынудить индивида, вне зависимости от возраста, переосмыслить собственную национальную принадлежность. Таким образом, «проблема этнического самоопределения и его мотивация актуальны сегодня не только с научной, но и с практической точки зрения» [17, с. 126—127].

В нашем государстве до середины 1980-х гг. открыто провозглашалось, что основной целью является сплочение наций, а межнациональные конфликты отсутствуют. В действительности сложившаяся в нашем государстве ситуация была сходна с общемировой и у многих народностей отмечалось усиление национальной идентичности и этнической солидарности [22, с. 87]. У такого явления было множество причин. К ним относится глобализация, приведшая окраины к нищете, а также колониальное прошлое империй, выражающееся, в том числе, в особом положении православной церкви, даже с учетом воинствующего атеизма и репрессий против верующих. Поспособствовали этому и депортации народов, сопровождавшиеся репрессиями против национальной интеллигенции, и произвольный характер территориального деления государства, не учитывающий культурные и этнические факторы.

Следует принимать во внимание и психологические факторы, повлиявшие на усиление этнической идентичности, в число которых входит поиск ориентиров и стабильности в информационно насыщенной и непрерывно меняющейся среде, а также рост частоты прямых и опосредованных межнациональных контактов. Доказано, что повышенное значение культурные и этнические характеристики обретают во время социальных пертурбаций, когда разрушается сложившаяся система культурно-исторических ценностей. Из-за этого у людей происходит кризис идентичности и обращение к народным корням кажется им единственным спасением. В условиях нестабильности этническая принадлежность играет роль самого доступного способа социализации [11, с. 112].

Активизация данного процесса в нашем государстве обусловлена также тем, что на протяжении 70 лет велся эксперимент по созданию социально гомогенного общества, из-за чего были ликвидированы многие группы, посредством которых протекал процесс самоидентификации индивида (крестьянская община, общественно-политические партии, землячество и пр.). В результате этносы остались в числе немногочисленных общностей, способных исполнять столь важную для людей культурную, ценностно-ориентационную и защитную функции. Идентичность, выстроенная на этнической принадлежности, также представляется нам самым доступным типом социальной идентичности: из-за внедрения паспортной системы самоотожествление с «народом» произошло у многих людей [22, с. 94].

На рубеже 1970—1980-х гг. интенсивность ассимиляции в нашем государстве снизилась. В 1960—1970-х гг. в прессе стали печататься произведения авторов, лишь по воле случая спасшихся от репрессий 1930-х годов, в том числе поэта С. С. Торбокова [26, с. 63—65; 24; 25], детского писателя С. Тотыша [27], Ф. С. Чиспиякова, также было опубликовано собрание эпосов горных шорцев под названием «Волосая струна» [23]. В то время шорские произведения считались «литературой Кузбасса». Возникновение в печати множества произведений национальных писателей и поэтов нельзя назвать случайностью. Это является доказательством стабильности этнических структур и в то же время показателем понимания ухудшения положения в национальной сфере.

Усиливающаяся ассимиляция, потеря народной культуры и плохой уровень жизни местного населения явились в конце 1980 — начале 1990-х гг. причинами подъема национального самосознания и запустили механизмы этноконсолидации. Основной толчок данному процессу придала шорская национальная интеллигенция: А. И. Чудояков, В. И. Ачелов, Н. Я. Чудояков и пр. По инициативе А. И. Чудоякова было основано общество «Ольгудек» и проводились курсы по обучению языку. На базе этого общества в Новокузнецке в 1992 году было сформировано общество «Шория» под председательством Л. А. Тенешевой. К 2000 году в Кузбассе насчитывалось 28 национально-культурных центров. Своей задачей они провозгласили восстановление национальной культуры, возврат к традици-

ям и местным обычаям, распространение родного языка, обучение истории шорского народа.

С началом 1990-х гг. шорские интеллигенты начали осознавать, что малые народы являются объектами управления и могут надеяться только на понимание, опеку и благорасположение властей. Именно они впервые стали говорить о вопросе выживания этноса и защите традиционной культуры, направив внимание правительства и социума на специфику данных обществ.

Сами шорцы уверены, что находятся в катастрофическом положении, так как не являются хозяевами своей судьбы и правителями собственных земель, и полагают, что, невзирая на старания энтузиастов, направленные на восстановление шорского языка и культуры, исчезновение народности уже нельзя обратить вспять [28, с. 3]. Мрачность в оценках поясняется тем, что сложившуюся ситуацию не получается стабилизировать. В селах прослеживается этническая стратификация трудовых мест, что ведет к усилению и распространению антирусских настроений. Шорцам приходится конкурировать с русскими, включая староверов, даже в промысловой охоте. Возврат самобытного жизненного уклада осложняется тем, что для занятия промысловыми видами деятельности требуется обладать охотничьим билетом, получить разрешение на оружие, а также лицензию. Всего этого у шорцев чаще всего нет, а без этого становятся неизбежны конфликты с органами власти. Никак не получается вернуть и утерянные традиции бережливого отношения к окружающей природе. Отметим, что в настоящий момент все запущенные программы и утвержденные нормативные акты, ориентированные на формирование у шорского народа местного самоуправления, не продемонстрировали заметной эффективности. Помимо этого, они усиливают в общественном сознании ложное представление о том, что местное население не способно решить свои проблемы самостоятельно, без целевой помощи правительства [20, с. 34]. Также появился риск коммерциализации национальной культуры и утраты ценностной ориентации среди молодежи.

Стоит заметить, что подобная ситуация встречается повсеместно, она свойственна не только шорцам, но и иным малым народностям Сибири [10, с. 104—122; 12, с. 122—129].

В 1980-х гг. сильно выраженный рост этнического самосознания шорцев вылился в возрождение шорской культуры через ли-

тературу. Основной темой произведений того времени стало будущее народа и родных земель, причиной чему явилось предчувствие близкой катастрофы, гибели и исчезновения народного сознания [8, с. 320]. Под этим подразумевались серьезные перемены в душе шорской народности, из которых практически неминуемо вытекали: потеря родного языка, этнической культуры, истории, а также древнего, складывавшегося тысячелетиями миропонимания и мироощущения [8, с. 321].

Ключевой особенностью шорских произведений считается поиск «золотого века» — показатель народного самосознания. Поиски собственного народного сознания и мирочувствования ведут к природе: каждый старается отыскать в ней опору. Шорцы всегда смотрели на природу как на собственную отчизну — они состояли в единстве с ней, однако никогда не путали себя с ней [8, с. 320]. Часть авторов старалась отыскать «золотой век» в истории, что воплотилось в обращении к древнетюркской эпохе. Повышенный интерес уделяется обычаям края, которые планомерно ослаблялись параллельно со становлением письменной культуры.

Немаловажным признаком степени развитости культуры и народного самосознания считается позиция этноса в отношении своей истории. Заинтересованность в собственных корнях у различных людей и этносов выражается по-всякому: кто-то пытается реанимировать древние традиции и обряды, привнести фольклор в профессиональную культуру, а также сформировать либо вернуть собственное национальное государство [22, с. 87].

С наступлением 1990-х гг. у шорцев, а также прочих народностей Саяно-Алтая [18, с. 68—69], прослеживается сильная заинтересованность в народной культуре и истории. Интерес к культуре выражается в художественной самодеятельности, в обязательном изображении шамана (кама) и сопряженных с такой инсценировкой ритуальных обрядов в ходе съездов и важных событий.

Подъем народного самосознания в Южной Сибири основывается на мифологии, при этом нередко настоящие исторические факты отдаленных эпох превращаются в фундамент для появления новой «мифологемы» [9, с. 417] (к примеру, концепция Великой Шории). В работах исследователей подчеркивается близость народной культуры к мифологии. Как и миф, народная культура сопряжена с ре-

лигией, однако не отождествляется с ней; как и миф, она представляется средоточием определенных знаний, ценностей и культурных ориентиров, однако всё это пребывает в согласии и сопровождается эмоционально-волевым компонентом (исторические факты нередко побуждают к действиям).

Народная культура, так же как и миф, отличается динамичностью, а в реальности, как говорил Бахтин, играет роль поля диалогических взаимоотношений, метаморфоз из «чужого» в «свое» и обратно. К положительным переменам можно отнести то, что сегодня сами шорцы желают изучать свою культуру и делают определенные шаги, направленные на ее восстановление, при этом активнее всего в этом деле горные шорцы, в особенности представители интеллигенции. Активность горных шорцев, ориентированная на восстановление народной культуры, доказывает правильность утверждения о народном самосознании как побочном эффекте городской культуры.

В ходе развития народной идентичности, в зависимости от наличия и комбинации различных факторов и обстоятельств, могут создаваться 7 её ключевых видов [1].

На основании проанализированных материалов мы сделали ряд выводов. После упразднения Горно-Шорского национального района не существовало подходящих условий, благоприятствующих развитию шорского этноса, его культуры и самосознания, что спровоцировало рост неблагоприятных тенденций. Увеличилась ассимиляция, в особенности языковая и культурная. Интенсификации распада народной культуры сопутствовала культурная деградация. Упразднение колхозов и провал попыток формирования системы коопромхозов спровоцировали распад социальной структуры шорских сел, а также нарастание социального неблагополучия. Миграция жителей в города из небольших мононациональных поселков вызвала смену структуры расселения шорцев, а также изменила половозрастную структуру шорского населения. Отрицательное воздействие на развитие этноса имела и лагерная субкультура. Усиливалась тенденция замены народной идентичности по причине невысокого статуса шорской народности.

При этом множеству факторов невозможно дать однозначную оценку: конечно, они подготавливали атмосферу, вынуждающую ассимилироваться, но в то же время, наоборот, провоцировали усиление

народного самосознания. В перечень таких факторов можно включить и паспортную систему, и школы-интернаты, и даже возврат к традиционным способам обеспечения из-за экономического кризиса и пр.

Невзирая на стремительную потерю этнической специфики, она сберегалась, выражаясь в ритуалах камлания, погребальных обычаях, в престижности промысловой охоты, в отношении к многодетности и пр.

Усиление неблагоприятных тенденций, из-за которых само существование шорского народа было под вопросом, и весьма плохой уровень жизни местного населения вместе с возрастающей унификацией, спровоцировали рост народного самосознания шорцев. Впервые данный процесс стал заметным в 1970-х гг., а уже в 1980—1990-х гг. появилось движение за восстановление национального языка и культуры. Возглавила данный процесс шорская интеллигенция.

В национальном движении в настоящий момент нет единства, поскольку разные территориальные группы борются друг с другом за лидерство, что является подтверждением незаконченности процесса консолидации шорского этноса. Прослеживается разочарованность шорцев в национальном движении, что обусловлено невозможностью приостановки усиления неблагоприятных тенденций. Шорцы считают собственное положение критическим. Положительные сдвиги можно проследить в желании шорцев самостоятельно изучать и совершенствовать собственную культуру, а также в усилении интереса к шорской истории. Активнее всего ведут себя городские шорцы, что дает возможность считать этническое самосознание ответом на городскую культуру. Обозначилась и смена отношения шорцев к образованию. Отрицательным последствием стал рост националистических настроений, желание отыскать виноватых, переложить вину на правительство.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1998. 272 с.
2. Зыкин А. В. Анализ этнокультурной идентичности и этноидентификации коренных народов Южной Сибири // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 7 (49). С. 114—119.

3. Зыкин А. В. К вопросу о выравнивании парадигмы в модус-диктумных полипредикативных конструкциях с коннектором-аккузативом в шорском языке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 1. С. 118—124.

4. Зыкин А. В. К вопросу о национальной идее шорского этноса // Успехи современной науки и образования. 2017. № 4. Т. 6. С. 187—190.

5. Зыкин А. В. О некоторых особенностях в понимании мироустройства шорцев: социально-философский анализ // Успехи современной науки. 2017. № 1. Т. 2. С. 7—12.

6. Зыкин А. В. Социально-философский анализ традиционной культуры малых народов Сибири в сопоставлении с русской // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 40. С. 7—10.

7. Косточаков Г. Кроме Шории у нас земли нет // Кузнецкий рабочий. 2002. 14 декабря.

8. Косточаков Г. В. Современная шорская литература: есть она или ее нет? // Проблемы национально-регионального компонента в условиях модернизации образования: материалы второй регион. науч.-практ. конф. Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2002. С. 316—322.

9. Кризисные этносы Саяно-Алтайского региона. Итоги полевых исследований 2001—2002 г. / И. В. Октябрьская, А. Н. Садовой, А. В. Вольский и др. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь, 1998. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 563—568.

10. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Ханты: чужие на своей земле? // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 104—122.

11. Никишенков А. А. Современное этническое сознание и мифологизм // Этническое и языковое самосознание: материалы конф. 13—15 декабря 1995. М., 1995. С. 111—112.

12. Патрушева Г. М. Культурные традиции шорцев: исторические факторы и современность // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы международ. симпозиума. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН. 1999. Т. 2. С. 377—378.

13. Патрушева Г. М. Численность и расселение шорцев Кемеровской области в 1930—1980 гг. // Аборигены Сибири: проблемы изучения исче-

зающих языков и культур: тез. междунар. науч. конф. 23—30 июня 1995. Новосибирск, 1995. Т. II: Археология, этнография. С. 202—205.

14. Патрушева Г. М. Шорцы сегодня: современные этнические процессы. Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма РАН, 1996. 224 с.

15. Пелих Г. И. Селькупы: в сибирской тайге умирает народ // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 122—129.

16. Потапов Л. П. Шорцы на пути социалистического развития // Советская этнография. 1950. № 3. С. 123—136.

17. Рындина О. М. «Остяки» Васюганья и проблема этнической самоидентификации // Развитие межнациональных отношений и национально-культурного движения в Сибири: опыт, перспективы: материалы межрегион. науч. конф. Томск, 2002. С. 121—128.

18. Сагалаев А. М. Алтайцы: старая религия и «новая» идеология // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 61—72.

19. Садовой А. Н. Кооппромхозы как форма национальной политики (на примере Горной Шории) // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 47—94.

20. Садовой А. Н. Народы Южной Сибири в XIX—XX вв.: этносоциальные аспекты патернализма: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб: СПбГУ, 2000. 42 с.

21. Социально-экономическое и культурное развитие шорской народности // ГАКО. Ф. П-75.Оп.63.Д.114.Л.16. (Государственный архив Кемеровской области, фонд Таштагольского исполкома, информация о состоянии).

22. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения // Этнос. Идентичность. Образование // Труды по социологии образования. Т. IV. Вып. VI. М.: Центр социологического образования РАО, 1998. С. 47—94.

23. Сысолятин Г. Ф. Волосая струна. Произведения устной поэзии горных шорцев. М.: Современник. 1975. 136 с.

24. Торбоков С. Далекое и близкое // Красная Шория. 1974. 20 июня.

25. Торбоков С. Две жизни улуса // Сельская правда. 1972. 30 декабря.

26. Торбоков С. Шор-кижи // Огни Кузбасса. 1970. № 2. С. 63—65.

27. Тотыш С. Сказки Шапка. Кемерово, 1985. 77 с.

28. Чульжанова Л. Об образовании шорцев // Туган Чер. 2001. № 11.

References

1. Arutyunyan Yu. V., Drobizheva L. M., Susokolov A. A. *Etnotsiologiya* [Ethnology]. Moscow, Aspect Press, 1998, 272 p. (In Russ.)
2. Zykin A. V. [Analysis of ethno-cultural identity and ethno-identification of indigenous peoples of southern Siberia]. *International Research Journal*, 2016, no. 7 (49), pp. 114—119. (In Russ.)
3. Zykin A. V. [To the question about the alignment paradigm in modus-dictamni complex sentences structures with connector-accusative in the Shor language]. *Vestnik of Leningrad state University of A. S. Pushkin*, 2013, vol. 1, pp. 118—124. (In Russ.)
4. Zykin A. V. [To the question of the national idea of the Shor ethnic group]. *Successes of Modern Science and Education*, 2017, no. 4, vol. 6, pp. 187—190. (In Russ.)
5. Zykin V. A. [On some peculiarities in the understanding of the Shors world order: social-philosophical analysis]. *Successes of Modern Science*, 2017, no. 1, vol. 2, pp. 7—12. (In Russ.)
6. Zykin A. V. [Socio-philosophical analysis of the traditional culture of small peoples of Siberia in comparison with the Russian]. *News of the St. Petersburg State Agrarian University*, 2015, no. 40, pp. 7—10. (In Russ.)
7. Kostochakov G. *Krome Shorii u nas zemli net* [Except Shoria we have no land]. *Kuznetskiy rabochiy* — Kuznetsky worker, 2002, December 14th.
8. Kostochakov G. V. *Sovremennaya shorskaya literatura: yest' ona ili yeye net?* [Modern Shor literature: is it or not?]. *Problems of the National-regional Component in the Conditions of Modernization of Education*. Novokuznetsk, Kuzgpa publishing House, 2002, pp. 316—322. (In Russ.)
9. *Krizisnyye etnosy Sayano-Altayskogo regiona. Itogi polevykh issledovaniy 2001—2002* [The crisis of the ethnic groups of the Altai-Sayan region. Results of field studies 2001—2002], Oktyabrskaya I. V., Sadova A. N., Volsky A. V., et al. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, Ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: publishing House of the Institute of archeology and Ethnography SB RAS, 1998, pp. 563—568. (In Russ.)
10. Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Khanty: chuzhiye na svoey zemle?* [Khanty: strangers in their own land?] *Narody Sibiri: prava i vozmozhnosti* [Peoples of Siberia: rights and opportunities]. Novosibirsk: publishing House of the Institute of archeology and Ethnography, RAS, 1997, pp. 104—122. (In Russ.)
11. Nikishenkov A. A. *Sovremennoye etnicheskoye soznaniye i mifologizm* [Modern ethnic consciousness and mythologism]. *Etnicheskoye i yazykovoye samosoznaniye* [Ethnic and linguistic self-consciousness]. Moscow, 1995, pp. 111—112. (In Russ.)

12. Patrusheva G. M. *Cul'turnyye traditsii shortsev: istoricheskiye faktory i sovremennost'* [Cultural traditions of the shorians: historical factors and modernity]. *Sibir' v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the panorama of millennia]. Novosibirsk: publishing House of the Institute of archeology and Ethnography SB RAS, 1999, vol. 2, pp. 377—378. (In Russ.)

13. Patrusheva G. M. *Chislennost' i rasseleniye shortsev Kemerovskoy oblasti v 1930—1980 gg.* [The Number of resettlement Shor in the Kemerovo region in 1930—1980]. *Aborigeny Sibiri: problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kul'tur* [The Aborigines of Siberia: problems of study of endangered languages and cultures]. Novosibirsk, 1995, vol. II: Archeology, Ethnography, pp. 202—205.

14. Patrusheva G. M. *Shortsy segodnya: sovremennyye etnicheskiye protsessy* [Shortsy today: modern ethnic processes]. Novosibirsk: Nauka, Siberian publishing firm of RAS, 1996, 224 p. (In Russ.)

15. Pelikh G. I. *Sel'kupy: v sibirskoy tayge umirayet narod* [Selkups: in the Siberian taiga people die]. *Narody Sibiri: prava i vozmozhnosti* [Peoples of Siberia: rights and opportunities]. Novosibirsk: publishing House of the Institute of archeology and Ethnography, RAS, 1997, pp. 122—129. (In Russ.)

16. Potapov L. P. *Shortsy na puti sotsialisticheskogo razvitiya* [Shortsy on the way of socialist development]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1950, no. 3, pp. 123—136. (In Russ.)

17. Ryndina O. M. «*Ostyaki*» *Vasyugan'ya i problema etnicheskoy samoidentifikatsii* [«Ostyaks» of the Vasyugan land and the problem of ethnic identity]. *Razvitiye mezhnatsional'nykh otnosheniy i natsional'no-kul'turnogo dvizheniya v Sibiri: opyt, perspektivy* [The Development of international relations and national-cultural movement in Siberia: experience and prospects]. Tomsk, 2002, pp. 121—128. (In Russ.)

18. Sagalaev A. M. *Altaytsy: staraya religiya i «novaya» ideologiya* [Altaians: old religion and «new» ideology]. *Narody Sibiri: prava i vozmozhnosti* [Peoples of Siberia: rights and opportunities]. Novosibirsk, Institute of archaeology and Ethnography, SB RAS, 1997, pp. 61—72. (In Russ.)

19. Sadovoy A. N. *Kooppromkhozy kak forma natsional'noy politiki (na primere Gornoy Shorii)* [Co-industry as a form of national policy (on the example of Mountain Shoria)]. *Traditsionnyye sistemy zhizneobespecheniya i regional'naya natsional'naya politika* [Traditional life support systems and regional national policy]. Novosibirsk: Publishing house of the Institute of archeology and Ethnography SB RAS, 2000, vol. 1, pp. 47—94. (In Russ.)

20. Sadovoy A. N. *Narody Yuzhnoy Sibiri v XIX—XX vv.: etnosotsial'nyye aspekty paternalizma. Avtoref. dokt. dis.* [The peoples of southern Siberia in the XIX—

XX centuries: ethnic and social aspects of paternalism. Dr. hist. sci. diss. abstr.]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg University Press, 2000, 42 p. (In Russ.)

21. State archive of the Kemerovo region, Fund of the Tashtagol Executive Committee, information on the state of socio-economic and cultural development of the Shor nation // GAKO. F. P-75.Op.63.D. 114.16. (In Russ.)

22. Stefanenko T. G. *Etnicheskaya identichnost' i nekotoryye problemy yeye izucheniya* [Ethnic identity and some problems of its study]. *Etnos. Identichnost'. Obrazovaniye. Trudy po sotsiologii obrazovaniya* [Ethnos. Identity. Education. Proceedings on the sociology of education], vol. IV, issue VI, Moscow: center of sociological education RAO, 1998, pp. 47—94. (In Russ.)

23. Sysolyatin G. F. *Volosyanaya struna. Proizvedeniya ustnoy poezii gornykh shortsev* [Hair string. Works of oral poetry of mountain shorians]. Moscow, Sovremennik Publ., 1975, 136 p. (In Russ.)

24. Torbokov S. *Dalekoye i blizkoye* [Distant and close]. *Krasnaya Shoriya* — Red Shoria, 1974, June 20. (In Russ.)

25. Torbakov S. *Dve zhizni ulusa* [Two lives]. *Sel'skaya pravda* — Rural Truth, 1972, December 30th. (In Russ.)

26. Torbokov S. *Shor-kizhi* [Shor-Kizhi]. *Ogni Kuzbassa* — Kuzbass Lights, 1970, no. 2, pp. 63—65. (In Russ.)

27. Totis S. *Skazki Shapkaya* [Tales Shapka]. Kemerovo, 1985, 77 p. (In Russ.)

28. Chulganova L. *Ob obrazovanii shortsev* [On education Shors]. *Tugan Cher* [Tugan Cher], 2001, no. 11. (In Russ.)

УДК 008

С. Н. Зыков, И. Л. Сиротина

**Традиционная удмуртская и финно-угорская тематика
в современной женской одежде:
информационная этносмысловая парадигма**

В течение многих сотен лет в удмуртской женской одежде формировался ставший впоследствии устойчивым (в культурологическом аспекте) симбиоз материального и духовного мира. Ансамбль форм, декора, аксессуаров создавал особый набор и структуру мифологических смыслов. Финно-угорская одежда была функционально и сакрально совершенным «обереговым коконом» женщины — ее защитником и домом. Авторы статьи сделали попытку наметить возможные пути адаптации этих традиций к современному вещному миру: представлена классификация проектных подходов и примеры их реализации.

Ключевые слова: финно-угорская культура, женская одежда, ансамбль смысловых образов, современный вещный мир.

S. N. Zykov, I. L. Sirotnina. Traditional Udmurt and Finno-Ugric Topics in Present-Day Women's Costume: Informational and Sacred Meaning.

For centuries, a symbiosis of tangible and spiritual worlds has been forming in the Udmurt women's costume, and eventually it got sustainable from cultural point of view. Ensemble of shapes, decorative components, and accessories has been creating its individual set and structure of mythical meanings. Both in function, and in terms of sacral significance, Finno-Ugric costume was the perfect protective cocoon for a woman — its protector and home. Authors of the article have made an attempt to outline potential ways of adaptation of these traditions to the present-day world of objects by providing classification of design approaches and examples of their implementation.

Keywords: Finno-Ugric culture, women's costume, ensemble of meaningful images, present-day world of objects.

Проблематика адаптации финно-угорских смысловых образов к современному вещному миру в настоящее время стоит достаточ-

но остро, что связано с неуклонным естественным и безвозвратным исчезновением традиционных объектов этнической среды (деревянных жилых строений, домашней утвари, одежды и т. д.), которые являлись не только самобытными образчиками этнического искусства, но и материальными носителями духовности и мировоззрения. Симбиоз материального и духовного в этнокультуре финно-угров формировался в течение многих сотен лет, вплоть до начала активной индустриальной эпохи. Именно в этот период указанный культурный феномен можно оценивать как организованную квазиустойчивую структуру, причем уже находящуюся под гнетом всеобщей глобализации и угрозой полного исчезновения. Феномен характеризовался прежде всего тем, что практически во всех образцах традиционной проектной культуры неизменно находил отражение тот или иной аспект мировоззренческих догм народа, формируя стройный ансамбль самобытного этнического материального мира этноса, насыщенный особыми мифологическими смыслами, образуя уникальную сакральную ауру его бытия. Из всего калейдоскопа объектов вещного мира особо хочется выделить удмуртский финно-угорский женский костюм, который всегда характеризовался не столько своей утилитарной функциональностью, сколько строгой смысловой информационно-композиционной структурой, формируя особый береговой «кокон» женщины — ее сакральный дом и защиту. Актуальность данной статьи лежит в плоскости осмысления структуры феномена материально-духовного синтеза в костюме женщины и поиска путей его адаптации к современному женскому костюму.

Удмуртская национальная женская одежда обладала своим особым семантическим языком, говорящим о связи ее хозяйки с богами и потусторонним миром. Другими словами, в ней находила свое отражение общая парадигма языческой, в основе своей, культуры финно-угров. В каждом элементе одежды, ее особом формообразовании и орнаментации были сокрыты магические функции и смыслы, связывающие такие понятия, как «женщина» и «жизнь», «природа» и «красота», «женское начало» и «божественная магия». Как отмечала профессор И. Л. Сиротина, одежда женщины всегда «имела береговое, защитное, престижное, воспитательное значения; при этом главной оставалась эстетическая функция, определявшая спец-

ифику этнокультурных функций: эмотивной, познавательной-эвристической, этической, компенсаторной, суггестивной, аксиологической, гедонистической и ряда др.» [6]. Другими словами, традиционный женский костюм на протяжении столетий был одним из важнейших материальных носителей и информационным генератором этносмыслового поля финно-угоров. Здесь уместно привести высказывание В. В. Стасова: «...каждая черточка тут имеет свое значение, является словом, выражением известных понятий, представлений. Ряды орнамента — это связная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не назначенная для одних только глаз, а также и для ума и чувства» [7, с. 16]. Именно самобытная этносмысловая среда удмуртов, состоящая из сакральных предметов, декора и обрядовых процедур, на протяжении столетий определяла их аутентичность, формируя структуру взаимосвязей нематериальных и материальных сегментов культурного мира. В отношении удмуртского этноса необходимо обратить внимание на то, что в условиях характерной для удмуртов общинной замкнутости и незначительности внешних модифицирующих факторов их этноинформационное поле на протяжении достаточно долгого времени имело особую константно-стабильную культурную специфику, характеризующуюся декоративно скупым по оформлению, но сакрально достаточным набором магических материальных объектов. Что, безусловно, нашло прямое отражение в женском костюме.

В языческой удмуртской финно-угорской мифологии образ Великой Матери — один из самых древних и почитаемых. Исследователь Н. И. Шутова пишет, что в этом образе «воплотилось единство существующего мира, идея плодородия, идея вечного обновления — смены дня и ночи, лета и зимы, рождения, развития, смерти и нового рождения» [8, с. 222]. В сакральной основе образа лежит преклонение людей перед божественным даром рождения новой жизни. Все в мире, способное производить на свет «живое», неизменно связывалось с присутствием великого «женского» естества Великой Матери. В этом смысле женщина как существо, обладающее даром деторождения, в представлениях удмуртов олицетворяла принадлежность людей к таинствам природы и близость к магическим силам «небес». Сакральное восхищение перед женской способностью самостоятельно производить потомство у язычников перетекало

в веру, что женщина имеет непосредственную магическую связь с Великой Матерью, а значит, магическим образом способна воздействовать на потомство животных и величину урожая, обеспечивая достаток рода. Именно по этой причине в восприятии женщины у удмуртов прослеживался смысловой образ Великой Матери природы и животного мира, что, безусловно, отражалось в ее нарядах.

Особый сакральный статус в обществе подчеркивался специфической орнаментацией одежды и аксессуарами, которые имели непосредственное отношение к Великой Матери (Родовой Богине) и Великому женскому началу. Например: ромб (мотив «мумы-пус» [2], «материнский знак»), символизовавший плодородие, продолжение жизни и сохранение рода; ромб с отростками в виде углов или треугольников (мотив «куско», символ рожающей женщины с поднятыми вверх руками и согнутыми ногами) [1, с. 80]; треугольники и углы (символ женского чрева, рождающего жизнь) [1, с. 80]; повторяющиеся углы — орнаментальные мотивы «елочка» и «зигзаги», квадраты (символы «женской природной силы, плодотворящего низа, образующий основу, корни родового древа, воршудной богини, стоящей у истоков рода» [5, с. 104]).

Символика Великой Матери и женского начала сопровождала удмуртскую женщину с самого рождения, видоизменяясь в зависимости от ее возраста. При этом сакрализировались не только одежда и аксессуары, но и предметы ее утилитарного быта, работы (например, прялка). Здесь необходимо отметить то, что формообразование и декорирование удмуртских женских предметов не отличается большой изысканностью и сложностью, что, несомненно, связано с наличием определенных технологических ограничений, имеющих место у древних мастеров. Например, домотканая технология в старину позволяла создать орнаментальные композиции только в виде простейших фигур из прямых линий. Именно так и выглядят такие известные удмуртские декоративные мотивы, как «мумы-пус», «куско» и т. д.

В настоящее время традиционный удмуртский женский костюм в большинстве своем не является повседневным. Его современное пользовательское пространство ограничено рамками старых деревень и музейных залов. Теряя статус повседневности, традиционный удмуртский женский костюм неумолимо «растворяется» в урбани-

стичном и глобализированном мире, а удмуртский этнос безвозвратно утрачивает часть своей неповторимой самобытности в форме материализованных смысловых образов.

Если рассматривать модную женскую одежду как предмет искусства, то, как и в старые времена, она наполняется оригинальными смыслами и образами, которые формируют особое личностное информационно-смысловое поле хозяйки костюма. Рассмотрим вопрос о том, как и в какой мере традиционные удмуртские сакральные образы применимы в современном женском костюме, когда «казавшаяся всегда сугубо утилитарной, работа создателей одежды... становится деятельностью, решающей задачи возрождения народной памяти, культурного просвещения новых поколений» [6].

В наши дни женские костюмные комплексы в основном кардинально отличаются от традиционных удмуртских нарядов, как по утилитарному функционалу и формообразованию, так и по материалам изготовления, а также технологиям декорирования. В этом заключается определенная культурологическая дилемма. С одной стороны, невозможно в современных одеждах абсолютно точно сохранить культурные традиции этноса в отрыве от аутентичных технологий изготовления. С другой стороны, новые проектно-технологические подходы открывают широкие возможности творческого переосмысления современными мастерами семантических основ материализации традиционного удмуртского сакрального образа Великой Матери, веками «жившего» в удмуртском женском наряде, с учетом имеющихся современных материальных и инструментальных возможностей, а также перспектив расширения спектра материальных носителей этно-информационного смыслового поля удмуртов в дополнение к традиционным аутентичным образцам.

Закключаем, что искусство проектирования современных изделий удмуртской (финно-угорской) тематики должно базироваться не только и не столько на имеющихся современных технологических возможностях и творческом авторском осмыслении удмуртской тематики, но и на глубоких знаниях характерных для финно-угров композиционно-смысловых характеристик этноинформационного поля. Только в этом случае можно будет с уверенностью говорить об этнокультурной преемственности современным вещным миром женщины удмуртских (финно-угорских) традиций.

Современная женская одежда чрезвычайно разнообразна, и в первую очередь по эстетически-декоративным свойствам. Интересно, что именно эти свойства всегда являлись материализованным семантическим языком формирования смысловых образов традиционного удмуртского (финно-угорского) костюма. Учитывая вышесказанное, можно принять условную классификацию современной одежды по степени использования (адаптации) традиционной семантической системы сакральных смыслов национальной одежды, что во многом определяет практические проектные подходы в каждом случае. Выделим в классификации четыре группы:

- аутентичные костюмные комплексы, созданные на основе результатов полного культурологического исследования оригинальных артефактов;
- сценические костюмы для фольклорных коллективов с сохранением основных визуальных эстетико-декоративных элементов;
- костюмные комплексы с использованием локализованных сакрально-смысловых акцентов;
- одежда с ярким художественным финно-угорским смысловым образом, созданным на основе авторского видения и толкования.

Аутентичные костюмные комплексы, созданные на основе результатов полного культурологического исследования оригинальных артефактов

Для оформления музейных экспозиций, нужд реставрации артефактов или театрализованных этнических представлений требуется проектировать костюмы с максимально полным соответствием традиционной этнокультурной практике (рис. 1, [3]). При их создании необходимо принимать в расчет тот факт, что «слепое» техническое копирование лишь визуально значимых (по мнению проектировщика) особенностей далеко не всегда приводит к сохранению этнически правильного и полного сакрально-смыслового ансамбля. Для обеспечения максимальной исторической достоверности необходимо не только воспроизвести всю полноту традиционной системы художественного декорирования женского костюма, но и постараться не отступать от практики использования аутентичных материалов (домотканые полотна), технологических приемов (ручные техноло-

Рис. 1. Костюм директора архитектурно-этнографического музея-заповедника «Лудорвай» Татьяны Шкляевой.

Выполнен по эскизу художника по костюму И. А. Сазыкиной

гии) и инструментов (иглы, нити и т. д.), поскольку все это также могло иметь глубокое магическое значение. В дополнение к этому необходимо отметить, что удмуртские женские наряды обычно характеризовались довольно сложной логико-смысловой семантической вариативностью, когда даже при помощи визуально неакцентированных элементов обозначались различия в возрастном и социальном статусе женщины.

Таким образом, очевидно, что современное проектирование и пошив традиционных удмуртских женских одежд представляет собой сложную задачу, которая обусловлена необходимостью поддержания высокого уровня использования информационно-смысловой парадигмы удмуртских (финно-угорских) нарядов.

Сценические костюмы для фольклорных коллективов с сохранением основных визуальных эстетико-декоративных элементов

Сценический костюм со своим ярким визуальным языком смысловых образов на настоящий момент является одним из немногих современных материальных носителей традиционной удмуртской финно-угорской культуры. Имеется множество факторов, присущих сцене, не позволяющих использовать на представлениях полностью аутентичные удмуртским костюмам наряды. Необходимость перемещаться, петь и танцевать под накалом множества софитов, варьирование света которых в значительной степени изменяет визуально-эмоциональное восприятие артистов зрителями, предполагает серьезную адаптацию традиционных нарядов к сценическому использованию. Все это как следствие приводит к снижению в костюмах для фольклорных коллективов уровня полноты этнической информационно-смысловой парадигмы, заложенной в канонических образцах национального костюма. Необходимо констатировать, что технологическое исполнение нарядов, а иногда и формообразование отдельных элементов, существенно отличаются от сакральных канонов, и артисты выходят на сцену в своеобразных этнотематических нарядах (рис. 2, [3]), которые лишь по визуальному семантическому декорированию подобны традиционным платьям.

В процессе разработки сценических костюмов для фольклорных коллективов художник по костюму решает сложную задачу формирования семантически традиционного, но абсолютно нового в конструкторском плане, визуально яркого информационно-образного континуума. Обычно в качестве искусствоведческой основы при разработке такого костюма принимается какой-либо этнический артефакт. После композиционно-семантического анализа на предмет выявления характерных визуальных характеристик системы сакрально-смысловых образов (композиция, ансамбль детализировки, цветовая гамма) выявляются те характерные элементы, которые зритель, находящийся на значительном расстоянии от сценического действия, может визуальным образом определить. Именно композиция этих образов и характеризуется как сценическая семантически значимая величина.

Рис. 2. Сценические костюмы артистов Государственного ансамбля песни и танца Удмуртской Республики «Италмас».

Автор: художник по костюму Ирина Анатольевна Сазыкина

При изготовлении сценического костюма, как правило, отказываются от обязательного использования традиционных технологических практик как не обеспечивающих необходимые функциональные характеристики сценических одежд. Предпочтение отдается технологиям и материалам, обеспечивающим комфорт исполнителя на сцене. В заключение необходимо отметить, что создаваемый артистом образ формируется не только костюмом, но всей сценической системой «произведение — исполнитель — костюм», которая и является тем новым целостным этноинформационным континуумом, соприкасаясь с которым зритель приобщается к традициям удмуртской финно-угорской культуры.

Костюмные комплексы с использованием локализованных сакрально-смысловых акцентов

Духовные традиции в обществе существуют при условии повседневного использования их материальных носителей. Только в этом случае формируется постоянное семантическое информационное поле этноса, наличие которого и определяет существование этнокультуры как таковой. В поиске путей адаптации к этому информационному полю стилевых, модных тенденций сегодняшнего дня необходимо очень внимательной подходить к авторской трактовке образа женского наряда, избегая нарушений устоявшейся структуры семантической организации сакральной символики.

Очевидно, что использование всей полноты семантики традиционного удмуртского женского наряда в современных изделиях является неуместным: наблюдается явно выраженный художественно-эстетический конфликт с понятиями красоты и совершенства женского платья наших дней. Организация традиционного мифологизированного образа в новых женских нарядах должна быть основана на авторском комбинаторном видении объекта проектирования с использованием ограниченного количества сакрального декорирования и аксессуаров. При допущении подобной стилизации, однако, общий семантический ансамбль костюмного комплекса должен неизменно коррелироваться с мировоззренческими догмами этноса. Костюм народной артистки Удмуртской Республики Галины Платоновой, разработанный художником по костюму И. А. Сазыкиной является ярким образчиком такого подхода. Композиционно простыми и лаконичными приемами автор формирует образ Великой Матери: на абсолютно белых ниспадающих полотнах наряда акцентированно выделяется нагрудное украшение, олицетворяющее Родовую Богиню в окружении зооморфных персонажей. Смысловую характеристику данного наряда можно представить следующим образом: «Подобно белой птице женщина способна взлетать к богам за их благословением и защитой для семьи и рода» [3]. Уровень использования художником по костюму удмуртской информационно-смысловой парадигмы в подобных нарядах может характеризоваться глубоким знанием удмуртской мифологии в сочетании со значительным объемом стилизации сакральной символики.

Одежда с ярким художественным финно-угорским смысловым образом, созданным на основе авторского видения и толкования

Современный молодежный женский костюм характеризуется ярким волнующим психоэмоциональным образом, с которым достаточно скупой в этом плане традиционной финно-угорской семантике сложно сформировать гармоничное эстетическое единство. Работы художников, пишущих на финно-угорскую тематику в стиле этнофутуризма, являются ценнейшей тематической цветографической поисковой базой художественных решений женских модных костюмов финно-угорской тематики. В их произведениях традиционная этносмысловая парадигма трансформируется и

Рис. 3. Концертный костюм народной артистки Удмуртской Республики, заслуженной артистки Российской Федерации Галины Платоновой (ансамбль «Шулдыр-Жыт»).

Автор эскизов — Ирина Анатольевна Сазыкина

Рис. 4. Театр моды «Сезоны-10»
с коллекцией по финно-угорским коми мотивам. Научный руководитель
проекта — художник по костюму И. А. Сазыкина

эволюционирует в яркий законченный психоэмоциональный образ, который художнику-проектировщику уже не нужно создавать, а лишь использовать и адаптировать к стилистике проектируемого наряда [4].

На основании вышеизложенного материала можно резюмировать следующее. Традиции вещного мира удмуртской финно-угорской культуры в своем каноническом варианте национальной женской одежды в настоящее время в большинстве случаев практически утратили свою жизнеспособность как объекты-генераторы самобытного информационно-смыслового пространства этноса. Предлагаемый адаптивный подход к созданию современной женской одежды, основанный на уровневом характере воплощения традиционной этно-смысловой парадигмы в костюмах, безусловно, способствует ее сохранению в предметно-пространственной среде современного вещного мира.

Библиографический список

1. Бортникова Н. В. Материальные носители традиционной удмуртской символики // Финно-угорский мир. Международный журнал. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. № 4 (17). С. 77—81.
2. Виноградов С. Н. Развитие традиционных изобразительных мотивов удмуртов // Вестник Удмуртского университета. 1994. № 5. С. 32—44.
3. Зыков С. Н. Ирина Анатольевна Сазыкина — художник по костюму: опыт творческой работы с финно-угорскими фольклорными коллективами // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, вып. 2. С. 171—177.
4. Зыков С. Н., Сазыкина И. А. Фольклорный художественный образ в дизайне костюма // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2015. Вып. 4. С. 195—201.
5. Молчанова Л. А. Удмуртский народный костюм (история и символика). Ижевск, 2006. 132 с.
6. Сиротина И. Л., Лысова Н. Ю. Трансформация народного финно-угорского костюма в современном социуме // Вестник Мордовского университета. 2014. Т. 24. № 4. С. 238—245.
7. Стасов В. В. Русский народный орнамент: Шитье, ткани, кружево. СПб., 1987. 215 с.

8. Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 304 с.

References

1. Bortnikova N. V. *Material'nye nositeli tradicionnoj udmurtskoj simboliki* [Material carriers of traditional Udmurt symbolism]. *Finno-ugorskij mir. Mezhdunarodnyj zhurnal — Finno-Ugric World. International Journal*. Saransk, Mordovian University Press, 2013, no. 4 (17), pp. 77—81. (In Russ.)
2. Vinogradov S. N. *Razvitie tradicionnyh izobrazitel'nyh motivov udmurtov* [The development of traditional pictorial motifs of Udmurts]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta — Bulletin of Udmurt University*. 1994, no. 5, pp. 32—44. (In Russ.)
3. Zykov S. N. *Irina Anatol'evna Sazykina — hudozhnik po kostyumu: opyt tvorcheskoy raboty s finno-ugorskimi fol'klornymi kollektivami* [Irina A. Sazykina — costume designer: experience of creative work with Finno-Ugric folk groups]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij — Yearbook of Finno-Ugric Studies*. Izhevsk, 2016, vol. 10, issue 2, pp. 171—177. (In Russ.)
4. Zykov S. N., Sazykina I. A. *Fol'klornyj hudozhestvennyj obraz v dizajne kostyuma* [Folklore artistic image in costume design]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij — Yearbook of Finno-Ugric Studies*. Izhevsk, 2015, vol. 4, pp. 195—201.
5. Molchanova L. A. *Udmurtskij narodnyj kostyum (istoriya i simbolika)* [Udmurt folk costume (history and symbolism)]. Izhevsk, 2006, 132 p. (In Russ.)
6. Sirotnina I. L., Lysova N. Yu. *Transformaciya narodnogo finno-ugorskogo kostyuma v sovremennom sociume* [Transformation of the national Finno-Ugric costume in modern society]. *Vestnik Mordovskogo universiteta — Bulletin of the University of Mordovia*, 2014, vol. 24, no. 4, pp. 238—245. (In Russ.)
7. Stasov V. V. *Russkij narodnyj ornament: Shit'e, tkani, kruzhevo* [Russian folk ornament: Sewing, fabrics, lace]. Saint-Petersburg, 1987, 215 p. (In Russ.)
8. Shutova N. I. *Dohristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoj religioznoj tradicii: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Pre-Christian religious monuments in the Udmurt religious tradition: the experience of a comprehensive study]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2001, 304 p. (In Russ.)

УДК 32.019.51

О. Н. Иванищева

Фейковые новости как новая форма пропаганды

Обозначены критерии новой формы пропаганды — фейковых новостей. Рассмотрены приемы пропаганды войны, представленные в статье Г. Ласвель «Техника пропаганды в мировой войне». Цель статьи — сопоставить критерии пропаганды в ее классическом представлении с фактами фейковых новостей.

Ключевые слова: журналистика, пропаганда, фейковые новости.

O. N. Ivanishcheva. Fake news as a new form of propaganda

The purpose of the article is to relate the criteria of propaganda in its classic view with the facts of fake news, considering the problem of the relationship between propaganda and fakes from another point of view. We discuss the methods of war propaganda, presented in the article «Propaganda technique in the world war» by H. Lasswell. The criteria for a new form of propaganda, fake news, are presented.

Keywords: journalism, propaganda, fake news.

Осмысление современного состояния медиапространства неизменно приводит к вопросу о важнейшем принципе теории журналистики — ее объективности. Понятно и общеизвестно, что соблюдение следующих позиций чрезвычайно актуально: важна информация; информация должна быть доступна; коммуникация будет эффективна тогда, когда есть реакция на информацию; массовая коммуникация должна позитивно влиять на общество. При этом совершенно ясно, что чем дальше, тем чаще возникают следующие вопросы: какая может быть реакция на информацию, если мы не знаем, насколько она истинна, не знаем, манипулируют нами или нет; каково может быть влияние СМИ на общество, если развитие новых информационных технологий усиливает дисперсность публичности?

Чтобы «собрать» публику, СМИ усиливают элемент давления, словесной бомбардировки, пропаганды, который приводит к появлению информационных войн. Поэтому обращение к истории пропаганды так актуально [8; 10].

По мнению У. Липмана, «для ведения пропаганды необходимо установить барьер между обществом и событием. Доступ к реальному событию должен быть ограничен до того, как обыватель начнет создавать разумную и комфортную, с его точки зрения, псевдообстановку» [3, с. 61—62].

Г. Ласвель, обобщив практику современного ему воздействия пропаганды, первым начал рассматривать ее как базовую составляющую массовых коммуникаций. Пропаганда для него в определенном смысле тождественна демократии, так как только на основе пропагандистского убеждения демократия может добиваться поддержки масс, не прибегая к насилию. В этом смысле пропаганда — значительно более экономный способ достижения целей.

В работе «Техника пропаганды в мировой войне» (1927) Г. Ласвель перечисляет приемы пропаганды войны: 1. Чтобы возбудить в народе ненависть против врага, изображайте противника алчным и жестоким зачинщиком войны. Изображайте неприятеля как препятствие к достижению лелеемых идеалов и мечтаний всего народа в целом и каждого составляющего его члена в отдельности. 2. Придавайте своему противнику сатанинские качества: он оскорбляет нравы нации и ее чувство самоуважения. А возбужденная таким образом ненависть должна поддерживаться уверениями, что алчный, жестокий, чинящий всюду препятствия и сатанински настроенный враг будет в конце концов побежден. 3. Главным способом поддержания дружеских отношений с союзником должны быть наши напряженные усилия в деле продолжения войны и выражение нашего искреннего одобрения тех целей войны, которые преследуются нашим союзником. 4. Для деморализации неприятеля замените старую вражду его населения к вашей стране какою-нибудь новой враждою [2, с. 166—167].

Мысли о пропаганде, высказанные учеными в начале XX века, оказываются, по нашему мнению, чрезвычайно актуальными, о чем свидетельствуют обращения современных исследователей медиа к вопросам правдивых и лживых сообщений (фейков). Фейки можно

считать новой формой пропаганды. Г. Ласвель в работе ставит «общий тактический вопрос — об отношении пропаганды к правде... пропаганда таит много обмана» [2, с. 175].

Так, в книге «The World News Prism» авторы В. Хэчтен и Дж. Скоттон утверждают, что в современном мире особенно размыта разница между правдой и пропагандой [9]. Рассуждая о границе между пропагандой и не-пропагандой, авторы книги показывают роль радиостанции «Голос Америки» в процессе окончания «холодной войны» и разрушения «железного занавеса». В современном мире ключевым вопросом становится вопрос о том, пропагандистским ли инструментом должен быть «Голос Америки» или надежным источником точных беспристрастных новостей. Появляются мнения, что обычные пропагандистские приемы могут быть с большей эффективностью заменены материалами, улучшающими имидж страны, что является долгосрочным, но важным способом формирования «власти идей» [9, с. 221]. Ситуация усугубилась с обретением Интернета статуса «места битвы». Пропаганда постепенно перешла и в эту область, хотя изначально Интернет воспринимался как место обмена свободными мыслями [9, с. 222].

В войне слов журналисты зачастую становятся заложниками своих принципов. Находясь в оппозиции, журналисты, например, арабских стран получают ярлык американских или антиамериканских пропагандистов. Как показано в исследовании, опубликованном в книге «Глобальный журналист в XXI веке», арабские журналисты просто не придерживаются ценностей журналистики США, во всяком случае теоретически. После десятилетий, когда арабские журналисты были орудием пропаганды своих правительств, они играют роль сродни модели, принятой в Юго-Восточной Азии, — модели «журналистики развития» (development journalism) [11, с. 439].

Что происходит в современном медиапространстве, почему фейки получили такое распространение, почему СМИ утратили доверие общества? Проблема современного медиапространства состоит, по нашему мнению, в медиадистрибуции информации, в дисперсной публике (пространственно разделенных людей). Кроме того, в условиях избытка информации ценностью становятся заметность и время. За это и борются средства массовой информации: быть заметными и супербыстрыми.

Заметность приводит к созданию собственной информации (фейки). Эта проблема уже настолько обозначилась, что о ней стали писать ведущие качественные медиа. На сайте BBC Russian на запрос «фейки» вышло 238 результатов, и это только за последние 4 года.

Наше время организация «Репортеры без границ» называет эрой постправды, дезинформации и фейковых новостей. В последнее время многие критиковали даже Facebook за неспособность разобраться с распространением фальшивых новостей. Были мнения, что победа Трампа зависела от сообщений Facebook.

В научной и учебной литературе, на форумах и съездах журналистов в последние годы обсуждается вопрос, как распознать фейки (см., например [7]).

Но недостаточно изученным является следующий аспект: как новое явление соответствует критериям «старой» пропаганды. Рассмотрим эти критерии по отношению к фейкам.

Критерий 1. Изобразить неприятеля как препятствие к достижению целей.

Тысячи мигрантов из Центральной Америки, идущие караваном из Гондураса в США, вызвали панику и фейковую новость о том, что движение каравана спонсируют демократы и Сорос. Нет ничего необычного в обвинениях Сороса: полагают, что 88-летний миллиардер приложил руку к организации «Женского марша», проведенного в знак протеста после инаугурации Трампа [1]. Цель такого фейка очевидна: опорочить республиканцев и администрацию Трампа.

Критерий 2. Придавать противнику отвратительные качества.

Фейковые фотографии, якобы подтверждающие brutality полиции в Каталонии, широко использовались сторонниками независимости Каталонии [4]. Противник в данном случае — правительство Испании.

Критерий 3. Поддерживать дружеские отношения с союзником.

3500 публикаций, содержащих «кремлевскую пропаганду», — столько сумели вычислить в газетах и интернете сотрудники веб-сайта EUvsDisinfo, в задачи которого входит отслеживание и разоблачение неверных сведений, распространяемых Москвой. Отсчет идет с 2015 года, когда Евросоюз начал специальную кампанию по борьбе с дезинформацией, распространяемой Кремлем. Ее ведет Европейская служба внешних связей. Борьба с кремлевской пропа-

гандой — дело важное, и в 2018 году сайт получил свой собственный бюджет в более миллиона евро. Однако в марте 2018 года EUvsDisinfo был вынужден отозвать из своей базы данных три публикации голландских СМИ, изначально признанных кремлевской пропагандой [5]. Такая борьба с пропагандой проводится при поддержке союзников. Каких — догадаться несложно.

Критерий 4. Заменить старую вражду на новую.

В центре предвыборных дискуссий в последнее время все чаще находится вопрос об иммиграции. Например, в Италии в ноябре 2017 года бывший коммунист, а ныне видный деятель входящей в коалицию Берлускони партии «Лига Севера» Маттео Сальвини и ряд его коллег распространили в своих аккаунтах сообщение о том, что проживающая в городе Падуя на северо-востоке Италии девятилетняя мусульманская девочка была выдана родственниками замуж за 35-летнего мужчину и в результате его действий попала в больницу. После официального опровержения корпуса карабинеров Сальвини признал, что ошибся, и удалил информацию [6].

Учитывая вышеизложенное, фейки можно считать новой формой пропаганды. Но не все так однозначно. Во-первых, надо различать фальшивые новости и то, что просто является плохой журналистикой. Во-вторых, не все фейки можно и нужно считать пропагандой. Так, одна из главных «уток», которые разоблачает сайт EUvsDisinfo, — это заметка издания Sputnik о том, что старейшему проголосовавшему на выборах президента России 122 года. Известно, что Sputnik поддерживает Кремль, но как именно эта новость (даже если она фальшива) распространяет ключевые пророссийские сигналы? [5].

Библиографический список

1. «Караван беженцев» из Гондураса, идущих в сторону США, вызвал волну фейковых новостей в соцсетях. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45967825> (дата обращения: 26.10.2018).

2. Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне / сокращенный перевод с английского в обработке Н. М. Потапова с предисловием М. Гуса. М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. военной лит., 1929. 199, [1] с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01008479520#?page=1> (дата обращения: 25.10.2018).

3. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

4. «Особая жестокость» полиции в Каталонии: правда или вымысел? URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41776585> (дата обращения: 26.10.2018).

5. Смотряев М. Что такое глубокие фейки и как с ними бороться. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43645446> (дата обращения: 24.10.2018).

6. Харрисон П. На избирателей в Италии обрушилась волна фейков и дезинформации. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43271724> (дата обращения: 26.10.2018).

7. Cooke N. A. Fake News and Alternative Facts. Information Literacy in a Post-Truth Era. Chicago: ALA Editions, 2018. 84 p.

8. Fake news: an exhibition on the importance of accurate journalism URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2018/aug/27/history-of-fake-news-journalism-exhibition-boone-county> (дата обращения: 26.10.2018).

9. Hachen W. A., Scotton J. F. The world news prism. Challenges of digital communication. 8th Edition Chichester: Wiley Blackwell, 2014. 249 p.

10. Posetti J., Matthews A. A short guide to the history of 'fake news' and disinformation. URL: https://www.icfj.org/sites/default/files/2018-07/A%20Short%20Guide%20to%20History%20of%20Fake%20News%20and%20Disinformation_ICFJ%20Final.pdf (дата обращения: 26.10.2018).

11. The Global Journalist in the 21-st Century. Ed. By Weaver D. H. & Willnat L. New York, London: Routledge, 2012. 585 p.

References

1. «*Karavan bezhentshev*» iz Gonduras, idushchikh v storonu SSHA, vyzval volnu feykovykh novostey v sotssetyakh [The «refugee caravan» from Honduras, heading for the United States, caused a wave of fake news on social networks]. (In Russ.). Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-45967825> (accessed 26.10.2018).

2. Lasvel' G. *Tekhnika propagandy v mirovoy voyne / sokrashchennyy perevod s angliyskogo v obrabotke N. M. Potapova s predisloviyem M. Gusa*. [Technique of propaganda in a world war, abridged translation from English in the treatment of N. M. Potapov with a preface by M. Gus]. Moscow; Leningrad: State. publishing house Separate military lit., 1929. 199, [1] p. (In Russ.). Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01008479520#?page=1> (accessed 25.10.2018).

3. Lippman U. *Obshchestvennoye mneniye* [Public opinion]. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation, 2004. (In Russ.).

4. «*Osobaya zhestokost'» politzii v Katalonii: pravda ili vymysel?* ["Special cruelty" of the police in Catalonia: truth or fiction?] (In Russ.). Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-41776585> (accessed 26.10.2018).

5. Smotryayev M. *Chto takoye glubokiye feyki i kak s nimi borot'sya* [What are deep fakes and how to deal with them]. (In Russ.). Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-43645446> (accessed 24.10.2018).

6. Kharrison P. *Na izbirateley v Italii obrushilas' volna feykov i dezinformatsii* [A wave of fakes and misinformation hit the voters in Italy. (In Russ.). Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-43271724> (accessed 26.10.2018).

7. Cooke N. A. Fake News and Alternative Facts. Information Literacy in a Post-Truth Era. Chicago: ALA Editions, 2018. 84 p.

8. Fake news: an exhibition on the importance of accurate journalism. (In Engl.). Available at: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2018/aug/27/history-of-fake-news-journalism-exhibition-boone-county> (accessed 26.10.2018).

9. Hachen W.A., Scotton J.F. The world news prism. Challenges of digital communication, 8th Edition. Chichester, Wiley-Blackwell, 2014, 249 p.

10. Posetti J., Matthews A. A short guide to the history of 'fake news' and disinformation. (In Engl.). Available at: https://www.icfj.org/sites/default/files/2018-07/A%20Short%20Guide%20to%20History%20of%20Fake%20News%20and%20Disinformation_ICFJ%20Final.pdf (accessed 26.10.2018).

11. The Global Journalist in the 21-st Century. Ed. By Weaver D.H. & Willnat L. New York, London, Routledge, 2012. 585 p.

УДК 930.2; 069; 008

Д. Д. Родионова, Г. В. Шинкаренко, В. В. Андреев

**Роль музеев Кемеровской области
в сохранении и трансляции регионального
историко-культурного наследия**

В статье рассматриваются перспективы развития музейной сети Кемеровской области на примере отдельных объектов музейного значения. Авторы обосновывают необходимость обеспечения современного уровня хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, модернизации материальной базы музеев, расширения экспозиционных и фондовых площадей для музеев области. Приводятся примеры выставочных проектов, направленных на популяризацию историко-культурного наследия Кемеровской области.

Ключевые слова: музейная сеть, сохранение, трансляция, актуализация, историко-культурное наследие, культура.

D. D. Rodionova, G. V. Shinkarenko, V. V. Andreev The role of the museums of the Kemerovo region in the preservation and translation of the regional historical and cultural heritage.

The article discusses the prospects for the development of the museum network of the Kemerovo region on the example of individual objects of museum value. The authors substantiate the need to provide a modern level of storage, study and public presentation of museum items and museum collections, modernization of the material base of museums, expansion of exposition and fund areas for museums of the region. Examples of exhibition projects aimed at popularizing the historical and cultural heritage of the Kemerovo region are given.

Keywords: museum network, preservation, broadcast, actualization, historical and cultural heritage, culture.

Культура как феномен является перманентной составляющей человеческой жизни, её существование не мыслится как автоном-

ное. Человек, его личность, формируется, прежде всего, в культурной среде, от качества которой зависит перспектива становления и нас самих, и наших детей, и так называемого коллективного портрета современного общества. В исторической ретроспективе культура непосредственно воспитывала, обогащала, служила базисом духовного опыта нации, прочной платформой консолидации нашего многонационального народа. Несомненно, что именно культура в своей многокомпонентной совокупности в значительной мере обеспечила высокий уровень мирового влияния России, объективно детерминировала статус великой державы. Актуализируя аксиологическую парадигму культуры, мы должны стремиться к эффективному использованию своего гуманитарного ресурса, к повышению уровня международного интереса к нашей истории, к традициям, к языку, к культурным ценностям. В таком аспекте доминирующую функцию начинают выполнять музеи.

Старейшие и крупнейшие музейные учреждения нашего региона сконцентрированы в городах Кемерово и Новокузнецк, они полноценно воспроизводят культурно-исторические особенности региона, осуществляя необходимый набор социокультурных функций: культурно-репрезентативную, функции осмысления и сохранения культурного наследия, информационно-просветительскую, коммуникативную, зрелищно-развлекательную.

Активно развивающимися центрами музейной жизни на севере Кемеровской области является г. Мариинск, на юге области — Таштагольский район. По инициативе учредителей — административных территорий — здесь созданы крупные муниципальные музейные объединения, «Мариинск исторический» и «Трёхречье».

Созданы и успешно функционируют этномузеи, музейные комнаты, этнические площадки, которые способствуют сохранению материальной духовной культуры народов, проживающих на территории Кемеровской области.

Сложившаяся структура государственных и муниципальных музеев Кузбасса характеризуется широким спектром типового разнообразия: 26 историко-краеведческих, 8 художественных, 3 литературно-мемориальных, 6 музеев-заповедников, всё это создает основу для социально ориентированного, динамичного развития музейной отрасли нашего региона [3, с. 9]. Кроме этого, музей в малых городах,

районных центрах, на селе берёт на себя задачу культурного воспроизводства и культурного центра.

Но, как свидетельствуют статистические отчеты последних лет, общее количество посетителей музеев Кемеровской области в сравнении с предыдущими годами возрастает несущественно, стабилизировавшись на уровне 1,2—1,3 миллиона человек [2]. Ежегодный прирост посещаемости достигается главным образом за счёт экспонирования музейных предметов вне стен музейных учреждений.

В среднем по России сегодня из тысячи жителей шестьсот человек ежегодно приходят в музей. В Кемеровской области прогноз составляет пятьсот пятьдесят человек, фактически — пятьсот тридцать [5].

Учитывая вышеперечисленные моменты, следует говорить о назревшей необходимости повышения уровня эффективности функционирования музеев, о выработке стратегии оптимальной востребованности и пропорциональности вклада в развитие культуры городов и населенных пунктов Кемеровской области.

Существующие проблемы в работе музеев, в потенции расширяющих свою роль в региональном пространстве, детерминируются их далеко не полным соответствием современной культуре, что коррелирует с недостаточной востребованностью музеев в среде молодежи. Это несоответствие условиям культуры массового информационного общества, касается и содержания музейных экспозиций, и характера трансляции информации: краеведческие, исторические музеи редко и несистемно используют формы современной электронной культуры в экспозиции, музеи-заповедники недостаточно включены в региональные и международные туристические маршруты, художественные музеи слабо работают с актуальным искусством и арт-практиками.

Объективно сильная сторона музейной сети Кемеровской области — наличие многообразных богатейших фондов (свыше 550 тысяч единиц хранения основных фондов), в том числе уникальных коллекций и предметов, наличие музеефицированных археологических памятников [3, с.155].

Для более успешной работы музеев необходимо повышение уровня эффективности программ и проектов, способствующих созданию на основе фондовых собраний и других потенциальных объ-

ектов показа конкурентоспособного музейного продукта, привлекательного как для кузбассовцев, так и для туристов — отечественных и иностранных.

Судя по материалам предыдущих исследований, до сих пор актуальным остаётся вопрос использования информационно-коммуникационных технологий в работе музеев. Как показывает практика, музеи Кузбасса уступают другим регионам по показателям эффективности оказания музейных услуг для посетителей. Это отражается в степени готовности персонала современного музея к использованию в своей деятельности информационных технологий. Доступ посетителей к культурным ценностям на сегодняшний день должен осуществляться не только традиционными способами, но и с привлечением информационно-коммуникационных технологий и быть представленным в электронном пространстве [9, с.13].

В рамках решения этих задач необходимо обеспечить современный уровень хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, модернизировать материальную базу музеев, расширить экспозиционные и фондовые площади, оснастить их современным оборудованием для хранения и представления музейных предметов, мультимедийной и оргтехники, современными средствами охраны и пожаротушения; создать локальную информационную сеть между музеями и единый электронный каталог музейного фонда Кемеровской области; продолжить работу по переводу в цифровой формат музейных коллекций для включения в базу данных Государственного электронного каталога Музейного фонда Российской Федерации; организовать проведение выставочных проектов, направленных на популяризацию историко-культурного наследия Кемеровской области.

Развитие региональной музейной сети, на наш взгляд, будет осуществляться по двум основным направлениям:

- совершенствование работы существующих музейных учреждений;
- создание новых музеев в «точках роста» деловой и культурной жизни.

Первое направление реализуется учредителями и коллективами музеев, объединённых в музейную сеть Кузбасса. Ориентирами в этой работе вплоть до 2025 года являются:

- повышение уровня компьютеризации и доступа муниципальных музеев к информационно-телекоммуникационной сети Интернет до 100 %;

- перевод 60 % предметов музейного фонда Кузбасса в цифровой аналог;

- обеспечение удаленного доступа к электронным фондам через веб-сайты 80 % музеев;

- увеличение количества посещений музеев до 2,2 млн человек в год;

- создание 4—6 крупных музейно-туристических центров, интегрированных в систему межрегионального и международного туризма [5, 7].

Следует обратить внимание и на то, что летом 2018 г. губернатором Кемеровской области был представлен проект Сибирского кластера искусств, направленный на создание единого комплекса разнообразных услуг в сфере культуры и искусства. Одним из направлений деятельности данного кластера станет создание музейно-выставочного комплекса с открытым фондохранилищем, что позволит решить серьезную проблему отсутствия на территории региона большого современного выставочного зала, а также фондохранилища, в котором остро нуждаются три государственных музея области — краеведческий музей, музей изобразительных искусств и музей-заповедник «Томская писаница» [10].

Вместе с тем в ближайшее десятилетие продолжится работа по организации деятельности музеев-заповедников, являющихся целостными историко-культурными и природными комплексами: так, например, с развитием историко-культурного туризма музеи-заповедники «Томская писаница», «Красная горка», «Кузнецкая крепость», «Мариинск исторический» станут наиболее привлекательными объектами для семейного посещения [4].

Среди перечня мероприятий отдельным направлением работы становится сфера промышленного туризма. В городе Ленинск-Кузнецкий разработан культурно-познавательный маршрут с посещением музея шахтерской славы Кольчугинского рудника, открытый в 2013 г. в честь 130-летия основания. Музей построен в надшахтном здании клетового ствола закрытой шахты им. Ярославского, здесь экскурсанты могут познакомиться не только с богатой истори-

ей освоения недр Ленинска-Кузнецкого, но и с сегодняшними буднями горняков, т.к. в настоящее время решается вопрос о возможности посещения туристами отдельных объектов угледобывающей компании «СУЭК». Город Калтан разработал экскурсионный маршрут на градообразующее предприятие, Южно-Кузбасскую ГРЭС, в рамках которого участники знакомятся с историей предприятия и особенностями труда энергетиков. В рамках обзорной экскурсии по городу Юрга запланировано посещение с параллельным рассказом об истории и современных достижениях Юргинского машиностроительного завода и завода «Технониколь-Сибирь».

Краеведческий музей Междуреченска предлагает гостям города посетить Мемориал шахтерской славы, ставший в России одним из первых памятников, посвященных шахтерскому труду: «храм памяти» под открытым небом, место памяти и скорби в связи с трагедией, произошедшей на шахте имени Л. Д. Шевякова 1 декабря 1992 года.

Историко-краеведческий музей города Белово предлагает посетителям экспозицию «История градообразующих предприятий города Белово»: в автобусной экскурсии по городу и окрестностям предполагается посещение смотровой площадки разреза «Бачатский», памятника первым угольным копам на территории области в с. Новобачаты, а также посещение музея шахтерской славы в пгт. Новый Городок.

В пгт. Краснобродский туристы могут посетить первое месторождение открытой угледобычи Кузбасса — разрез «Краснобродский» — и не только осмотреть его, но и прослушать лекцию об истории становления.

В маршрут по историческим и достопримечательным местам г. Топки и Топкинского района включены посещение и лекция об истории градообразующего предприятия, Топкинского цементного завода.

В Новокузнецке в рамках обзорной экскурсии по городу туристы могут познакомиться с местами трудовой славы города, в частности с памятником трудовому подвигу кузнецких металлургов в годы Великой Отечественной войны (танк «Т-34») на площади перед Кузнецким металлургическим комбинатом. Там же расположено здание заводууправления КМК, являющееся памятником архитектуры

федерального значения. Гости города узнают историю формирования выдающихся памятников архитектуры «нового города» во времена знаменитого «Кузнецкстроя», а также посетят Собор Рождества Христова, мемориал памяти погибшим шахтерам Кузбасса.

Презентации указанных маршрутов размещены на сайте Департамента культуры и национальной политики: кроме краткого описания в них содержится информация и контактные данные лиц, ответственных за организацию и проведение экскурсии в муниципальном образовании, чтобы любой заинтересованный посетитель сайта смог легко организовать для себя любую экскурсию. Такие маршруты активно дорабатываются с учётом потребностей различных категорий туристов, а также с учетом личных пожеланий, организаторами выступают муниципальные музеи Кузбасса [8].

Во исполнение п. 7 Протокола поручений, данных губернатором Кемеровской области на аппаратном совещании 19.05.2014 г. о создании музея военной техники, в сквере маршала Жукова (г. Новокузнецк) произведена установка бронетехники (2 танка, БТР, БМП, БРДМ, танк Т-34, самолёт ИЛ-16 и 45-миллиметровая пушка) и проведены работы по благоустройству территории, площадь которой составляет 5270 кв. метров. Работы по реконструкции и благоустройству сквера завершились к празднованию 70-летия Дня Победы [1]. На сегодняшний момент экскурсионное обслуживание площадки бронетехники осуществляют специалисты музея-заповедника «Кузнецкая крепость».

В рамках дальнейшего развития Шестаковского палеонтологического комплекса и включения его в международные и федеральные научные и туристические программы в с. Шестаково (Чебулинский район) будет создан филиал Кемеровского областного краеведческого музея [6].

Новый филиал — потенциальная «открытая научная площадка» для учёных всего мира, база для проведения полевых исследований палеонтологов, археологов, биологов, ботаников. Овеществлённые результаты этой работы в виде музейных коллекций и артефактов будут оставаться в Кузбассе, привлекая туристов в Чебулинский район.

Всё более востребованным источником развития музейной сети Кузбасса становится частно-государственное партнёрство: опыт

создания в Горной Шории Южного туристического кластера, в который активно интегрирован музей-заповедник «Трёхречье», может быть использован при создании Северного туристического кластера. Основу нового кластера составят музей-заповедник «Мариинск исторический», Чебулинский районный краеведческий музей, создаваемый филиал Кемеровского областного краеведческого музея, администрация Чебулинского муниципального района и активно работающий в районе крупный холдинг «СДС».

На современном этапе развития музейной сети Кемеровской области появилась возможность для выработки мер поддержки и совершенствования научно-культурной сферы, организации оптимального режима функционирования музейного мира, принятия научно обоснованных управленческих решений. При этом особое значение приобретает изучение процессов адаптации музейной сети Кемеровской области к условиям современной России, выявление и распространение успешного опыта работы.

Музейные объединения в Кемерове, Новокузнецке, Мариинске, Таштагольском районе демонстрируют хорошую динамику развития, являются инициаторами создания социально значимых инициатив в сфере культуры, «точками роста» культурно-познавательного туризма. Приоритетными задачами музейных учреждений Кузбасса на ближайшие годы являются сохранение и расширение музейной аудитории, увеличение информационного присутствия в сети Интернет, обновление экспозиций, совершенствование фондовой работы, активное участие в партнерских, социально значимых проектах патриотической направленности, повышение квалификации музейных сотрудников, системная работа с туроператорами. Важной культурной миссией музеев крупнейших городов Кузбасса станет создание передвижных выставок, которые будут показаны жителям Кемеровской области по их месту жительства: в малых городах, посёлках городского типа и сельских поселениях.

Однако не стоит забывать, что есть и другая сторона динамики развития музейных объединений Кемеровской области и других регионов, о которых речь шла выше. В качестве негативной динамики можно отметить то, что некоторые отдельные ориентиры работы по развитию региональной музейной сети до 2025 года могут реализоваться на практике гораздо быстрее. К ним относятся:

- повышение уровня компьютеризации и доступа муниципальных музеев к информационно-телекоммуникационной сети Интернет — до 100 %;

- перевод 60 % предметов музейного фонда Кузбасса в цифровой аналог;

- обеспечение удаленного доступа к электронным фондам через веб-сайты 80 % музеев.

Учитывая то, как развивается современное общество и как на него влияют процессы информатизации в XXI веке, на наш взгляд, эти ориентиры могут быть реализованы и выполнены в ближайшие пару лет. Безусловно, эти компоненты взаимосвязаны друг с другом и реализация на практике должна быть единовременной. Ко всему прочему это позволит и уделить внимание такому вопросу, как повышение квалификации современного музейного специалиста, в работу которого сегодня интегрируются информационные технологии. Но, к сожалению, уровень прогресса информационно-коммуникационных технологий достигается в различных регионах не повсеместно и не одновременно, что в действительности и является негативным фактором для реализации намеченных ориентиров.

Таким образом, увидеть продолжение развития позитивной динамики развития музейных объединений Кемеровской области и соседних регионов мы сможем уже в ближайшем будущем при условии реализации поставленных задач и достижения результатов в осуществлении намеченных ориентиров.

Библиографический список

1. Анонсы заседаний Коллегии Администрации Кемеровской области и принятые решения // Администрация Кемеровской области. Официальный сайт. URL: <https://ako.ru/organy-vlasti/collegium/povestki-i-protokoly-zasedaniy.php> (дата обращения: 24.08.2018).

2. Информационно-аналитический отчет о деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области за 2016 год. Кемерово, 2017. 184 с.

3. Информационно-аналитический отчет о деятельности государственных и муниципальных музеев Кемеровской области за 2016 год. Кемерово, 2018. 200 с.

4. Каплунов В. А., Родионова Д. Д., Насонов А. А. Роль комплексного археологического музея-заповедника в развитии внутреннего туризма // Человек и культура. 2016. № 4. С. 110—117.
5. Концепция развития культуры и искусства Кемеровской области на 2014—2025 / отв. ред. Л. Т. Заурвайн и др. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2013. 33 с.
6. Кулемзин А. М. Восьмое чудо Кузбасса. Шастаковский музей-заповедник. Кемерово, 2015. 107с.
7. Об утверждении Концепции развития культуры и искусства в Кемеровской области на период до 2025 года: Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 18.04.2014 № 287-р // Региональное законодательство Кемеровской области: Официальный сайт. URL: <http://communar.ru/index.php?docid=331275> (дата обращения: 14.08.2018).
8. Родионов С. Г., Андреев В. В., Родионова Д. Д. Практика продвижения музеев Кемеровской области в виртуальной среде // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 376—381.
9. Родионова Д. Д., Покровская А. Ф. Проблемы использования информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности музейных специалистов // Вестник КемГУКИ. 2014. № 28. С. 13—17.
10. Сибирский кластер искусств // Газета Кемерова: Официальный сайт. URL: <http://gazeta.a42.ru/lenta/news/v-kuzbasse-planiruyut-sozdat-kulturnyj-klaster> (дата обращения 24.08.2018).

References

1. *Anonsy zasedanij Kollegii Administracii Kemerovskoj oblasti i prinyatye resheniya* [Announcements of meetings of the Board of the Administration of the Kemerovo Region and decisions made]. *Administraciya Kemerovskoj oblasti* [Administration of the Kemerovo Region. The official site]. Available at: <https://ako.ru/organy-vlasti/collegium/povestki-i-protokoly-zasedaniy.php> (accessed 24.08.2018).
2. *Informacionno-analiticheskij otchet o deyatel'nosti gosudarstvennyh i municipal'nyh muzeev Kemerovskoj oblasti za 2016 god* [Information and analytical report on the activities of state and municipal museums of the Kemerovo region for 2016]. Кемерово, 2017. 184 p. (In Russ.).
3. *Informacionno-analiticheskij otchet o deyatel'nosti gosudarstvennyh i municipal'nyh muzeev Kemerovskoj oblasti za 2017 god* [Information and analytical

ical report on the activities of state and municipal museums of the Kemerovo region for 2017]. Kemerovo, 2018. 200 p. (In Russ.).

4. Kaplunov V. A., Rodionova N. D., Nasonov A. A. *Rol' kompleksnogo arheologicheskogo muzeya-zapovednika v razvitii vnutrennego turizma* [The role of the complex archaeological museum-reserve in the development of domestic tourism. *Chelovek i kul'tura — Man and Culture*, 2016, no. 4, pp. 110—117 (In Russ.).

5. *Koncepciya razvitiya kul'tury i iskusstva Kemerovskoj oblasti na 2014—2025* [The concept of development of culture and art of the Kemerovo region in 2014—2025 / resp. ed. L. T. Sauerwein]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2013, 33 p. (In Russ.).

6. Kulemzin A. M. *Vos'moe chudo Kuzbassa. Shastakovskij muzej-zapovednik* [The eighth miracle of Kuzbass. Shastakovsky Museum-Reserve]. Kemerovo, 2015, 107 p. (In Russ.).

7. *Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya kul'tury i iskusstva v Kemerovskoj oblasti na period do 2025 goda, Rasporyazhenie Kollegii Administracii Kemerovskoj oblasti ot 18.04.2014 N 287-r* [Order of the Board of the Administration of the Kemerovo Region dated April 18, 2014 No. 287-p “On Approval of the Concept of the Development of Culture and Art in the Kemerovo Region for the Period up to 2025”, Regional Legislation of the Kemerovo Region. The official site]. Available at: <http://commynar.ru/index.php?docid=331275> (accessed 24.08.2018).

8. Rodionov S. G., Andreev V. V., Rodionova D. D. *Praktika prodvizheniya muzeev Kemerovskoj oblasti v virtual'noj srede* [Practice of promoting the museums of the Kemerovo region in a virtual environment]. *Yaroslavsky peda-gogicheskyy Vestnik — Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2017, no. 6, pp. 376—381 (in Russ.).

9. Rodionova D. D., Pokrovskaya A. F. *Problemy ispol'zovaniya informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v professional'noj deyatel'nosti muzejnyh specialistov* [Problems of using information and communication technologies in the professional activities of museum specialists]. *Vestnik KemGUKI — Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2014, no. 28, pp. 13—17 (In Russ.).

10. *Sibirskij klaster iskusstv* [Siberian Cluster of Arts]. Kemerov newspaper. The official site. Available at: <http://gazeta.a42.ru/lenta/news/v-kuzbasse-planiruyut-sozdat-kulturnyj-klaster> (accessed 24.08.2018).

А. Н. Розов

Народный календарный праздник и православие

Цель статьи — ввести в научный оборот термины «народно-церковный календарь» и «народно-церковный праздник», которые подчеркивают большую роль православных святцев, церковных праздников главным образом для сельского населения. Введение этих терминов представляется весьма своевременным, так как в них подчеркивается единство и взаимное влияние народного и духовного начал в традиционной жизни русского народа.

Ключевые слова: православная церковь, праздник, календарь, священник, молитва, обрядность, духовность.

Rozov A. N. National calendar holiday and Orthodoxy.

The purpose of the article is to introduce into scientific use the terms «people's Church calendar» and «people's Church holiday», which emphasize the great role of Orthodox saints, Church holidays mainly for the rural population. The introduction of these terms seems to be very timely, as they emphasize the unity and mutual influence of the national and spiritual principles in the traditional culture of the Russian people.

Keywords: Orthodox Church, holiday, calendar, priest, prayer, rite, spirituality.

Как известно, из трех типов календарей (народного земледельческого, церковного и гражданского) наиболее древним является первый, возникший еще в дохристианский период. С принятием христианства произошло постепенное смешение аграрного календаря с церковными святцами. В результате этого возник народный календарь, зафиксированный собирателями в XVIII—XX вв. В нем наблюдается, по словам А. Ф. Некрыловой, «такое соединение языческого и христианского начал, которое правильнее было бы называть слиянием, а не двоеверием». «Народное православие, — про-

должает автор, — не есть механическое соединение двух мировоззрений, когда без особого труда вычленяются элементы языческие и христианские. Перед нами явление, скорее напоминающее необратимую химическую реакцию, где в результате соединения двух веществ получают третье, со своими, только ему присущими свойствами» [11, с. 7]. Как назвать такой календарь? И. П. Калинин в 1877 году назвал его «церковно-народным месяцесловом» [6], В. И. Чичеров спустя 80 лет, в эпоху государственного атеизма, использует термин «бытовые святцы», которые, по его мнению, имели мало общего со святыми церковными [20, с. 10]. В. И. Чичерова, как и многих других исследователей календарных обычаев и обрядов (В. Я. Пропп, В. К. Соколова и др.) прежде всего интересует архаичные, дохристианские мотивы в них.

В постсоветский период происходят существенные изменения в оценке исследователями народного календаря. Так, Т. А. Агапкина в своей монографии утверждает, что «славянский народный календарь в том виде, в каком он доступен нам по источникам XIX—XX вв., по своим внешним рамкам, есть, безусловно, календарь христианский. <...>. Именно *церковный христианский календарь задает ритм чередования будней и праздников, саму систему праздников, их последовательность и значительную часть названий*» [1, с. 701]. Далее Т. А. Агапкина отмечает роль больших христианских праздников для народного календаря. Именно они «*становятся опорными точками всей календарной системы, собирают вокруг себя огромное количество обычаев, магических практик, верований, мифологических рассказов, примет и паремий*» [1, с. 701]. Очень важен следующий вывод Т. А. Агапкиной: «В ряде случаев *церковные праздники и обряды по ряду причин аккумулируют в себе мифопоэтическую семантику народного праздника*. В результате этого в славянском календаре появляется праздник, соединяющий в себе народное начало с церковнохристианским» [1, с. 702]. В качестве примера исследователь приводит мотив обновления огня во время весеннего новолетия. Сначала этот огонь освящается в храме, а потом вносится в дом. Еще одним примером служит весенний обход полей, который в XIX—XX вв. представлял собой церковную процессию, заменившую архаические обходы полей. Часто в народный праздник и в календарную мифологию проникали христианские мотивы и символы (например, на Вознесение

крестьяне пекли лепешки в виде лесенки, для того, чтобы Иисус Христос поднялся на небо).

Наконец, часто сочетание христианского и народного календарей проявляется, по мнению Т. А. Агапкиной, в приписывании *«святому тех или иных календарных изменений, происходящих в природе»* [1, 703]. Святые становятся героями многих пословиц, поговорок, примет.

Но если так убедительно доказывается общность народного и церковного календарей, то почему не назвать такой календарь *народно-церковным* и праздники внутри календаря также *народно-церковными*? Т. А. Бернштам в монографии, посвященной религиозной жизни сельских прихожан, дважды использует термин *церковно-народный календарь* (главным образом праздничный), когда речь идет о его устойчивости в годы воинствующего атеизма в 1920—30 гг. [3, с. 54 и 55].

Представляется целесообразным ввести в научный оборот термины *народно-церковный календарь* и *народно-церковный праздник*. Введение именно этих терминов указывает на сущность взаимоотношения народа и церкви: они подчеркивают, что церковный календарь и церковный праздник стали важной, неотъемлемой частью народной культуры.

Конечно, следует согласиться с мнением Т. А. Бернштам, что церковные праздники почти в каждом приходе имели свой специфический «облик». В одних селах самыми чтимыми могли быть Пасха и Рождество Христово, в других — Троица, в третьих более чем любой двенадесятый праздник почитался местный престольный праздник, в четвертых воскресенья отмечались более торжественно, чем двенадесятые и престольные праздники; в некоторых приходах не работали и ходили друг к другу в гости в «Сороки», в дни Алексея человека Божьего, Кузьмы и Демьяна, архангела Гавриила и т. д. Церковные корреспонденты отмечали, что нередко крестьяне особо почитают таких святых, которым в церкви не полагается отдельная служба. Некоторые светские журналисты, доходя до крайности, утверждали, что народ якобы не чтит воскресные дни, а отмечает другие «недельные» праздники, например Покров, «второй Спас», «Семик» и т. д., поэтому следовало бы сделать воскресенья рабочим днем, а выходными сделать такие «недельные» праздники.

В других населенных пунктах существовали праздники, которые церковь называла вымышленными: «зеленый четверг», «десятая пятница» и т. д. Неоднократно в церковной периодике ставился вопрос, почему крестьяне часто предпочитают малые церковные праздники большим праздникам. Считалось, что это происходит не по религиозным побуждениям, а по житейским, а то и по эгоистическим расчетам, поэтому духовенство не должно защищать и оправдывать такие праздники. Наконец, были и чисто местные причины установления ряда праздников: избавление от эпидемии, падежа скота, возрождение населенного пункта после страшного пожара и т. д. Нередко такие праздники, которые обязательно сопровождались крестными ходами вокруг сел, деревень, полей и водосвятными молебнами, считались важнее великих праздников.

Однако, независимо от этого, любой церковный праздник, в первую очередь, конечно, великий, начинался с торжественного молебна в храме, куда приходило множество празднично одетых людей. Особо торжественные церковные обряды, праздничная одежда причетников, красивые песнопения, яркое освещение оказывало на всех присутствующих сильное эмоциональное воздействие, вызывало душевный подъем. Именно здесь, в доме Господнем, происходило общественное богослужение, которое спланивало всех прихожан, независимо от их возраста, пола, социального положения, степени религиозного чувства. Именно здесь возникал праздник духа, о котором христианство заявляло изначально, противопоставляя его языческому празднику тела. Об этом писал апостол Павел в своих посланиях коринфянам. Об этом в своих проповедях говорили позднее отцы и учителя Церкви (Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст). Так, Григорий Богослов призывал в слове против императора Юлиана, который восстановил языческие празднества (364 г.): «Заменим тимпаны духовными песнями, бесчинные крики и песни — псалмопением, зрелищное рукоплескание — рукоплесканием благодарственным и стройным движением рук, смех — размышлением, пьянство — мудрой беседой, шутливость — степенностью. Если же тебе, как любителю торжественных собраний и празднеств, нужно плясать — скажи, но не пляской бесстыдной Иродиады, делом которой была смерть Крестителя, а скаканием Давида, при установлении на место Киота» [5, с. 63].

С момента принятия Древней Русью православия и до сегодняшнего дня одной из важнейших задач священника также является разъяснение прихожанам сущности важнейших церковных праздников, их превосходства над праздниками мирскими. При этом церковь всегда опиралась и опирается на IV заповедь Закона Божия, согласно которой шесть дней нужно работать и заниматься своими личными делами, а седьмой день надо целиком посвятить Богу и на святые и богоугодные дела. «Святыми и угодными Богу делами, — сказано в одной из книг по православию, — являются: забота о спасении своей души, молитва в храме Божьем и дома, изучение Закона Божьего, просвещение ума и сердца полезными познаниями, чтение священного писания и других душеполезных книг, благочестивые разговоры, помощь бедным, посещение больных и заключенных в темнице, утешение печальных и другие добрые дела» [17, с. 575].

Одни священники в своих проповедях, внебогослужебных беседах неустанно настаивали на подлинно христианском проведении праздничных и воскресных дней без разных увеселений. Другие предупреждали прихожан, что те, кто не по-христиански проводит праздники, оскверняя их святость, ответит за это на Страшном суде. Третьи, менее категоричные, утверждали, что сначала праздники необходимо проводить духовно, а потом уже телесно.

На истинно христианский характер празднования воскресных и праздничных дней мог влиять, чаще всего усилиями местного священника, и сельский сход. Например, в Самарской епархии в 1884 г. крестьяне трех сел составили приговор схода, который, во-первых, запрещал работать в эти дни; во-вторых, устраивать помочи (разрешалось делать их только для остро нуждающихся, обязательно только после обедни, с разрешения сельского старосты, церковных попечителей и священника; причем эти помочи должны быть бескорыстными); в-третьих, исправно посещать церковь; в-четвертых, совершать богоугодные дела [29]. В Симбирской епархии в 1899 г. по приговору схода все крестьяне обязаны были свято соблюдать все церковные праздники, когда бывает богослужение со звоном. Не работать без благословения священника, заниматься лишь неотложными делами (только после обедни). В праздник всем ходить в церковь, вести себя по-христиански. Местный архиерей велел опубликовать текст данного приговора в «Симбирских епархиальных ведомостях»

к сведению других приходов и для подражания [19]. В приговоре, принятом в 1898 г. в одном из приходов Псковской епархии, было решено отмечать местный праздник без разгула и пьянства. Борясь с «гулянками» молодежи, разрешить ей «непредосудительные» игры в праздники днем и вечером, но не накануне праздников и не ночью. Запретить домохозяевам позволять молодежи устраивать сборища во все праздничные и предпраздничные дни в вечернее и ночное время. Родителям строго следить за детьми, в первую очередь за парнями, не отпуская их на ночные сборища. За нарушение приговора грозил большой штраф [14].

Рассмотрим, как органично сочетались церковные и народные верования в самый главный православный праздник — Пасху. Как известно, в полночь начинается пасхальная утренняя, на которой совершается торжественный крестный ход вокруг храма с зажженными свечами, всеобщим праздничным пением и колокольным звоном и общим христосованием. Затем причт и прихожане возвращались в церковь, где пелись пасхальные часы, а потом служилась литургия. Все это создает особую атмосферу самого радостного и светлого праздника, объединяет «людей в едином порыве благодати, доброты и всепрощения» [12, с. 680]. Как известно, у крестьян считалось большим грехом пропустить пасхальную службу, это сулило большие неприятности и неудачи во всех начинаниях. Существовал также обычай обливать водой или бросать в какой-то водоем тех, кто не был у заутрени.

В первый день Пасхи начиналось так называемое христославление, т. е. обход крестьянских домов причтом во главе со священником, икононосцами, участниками церковного хора, некоторыми наиболее благочестивыми прихожанами. Главной целью такого обхода, как и обхода рождественского, было «внести в дома прихожан святую радость, которая выражается во всем богослужении в эти дни, напомнить домочадцам, чтобы они и дома не забывали прославлять Господа за его бесчисленные благодеяния» [8]. Тем самым главное православное торжество, начавшееся в церкви, продолжалось в жилищах, уподобляемых храму. Пасха, как и Рождество Христово, становилась общесемейным праздником, в котором значительное место занимала общая со священником молитва всех поколений, живущих под одной крышей. К атмосфере светлого Воскресения Христова при-

общались и те, кто из-за старости, болезни не могли присутствовать на церковном богослужении.

Сам приход причта во главе с батюшкой, как и визит колядовщиков, сулили дому, его хозяевам удачу, счастье, здоровье, благополучие, столь необходимые накануне нового года (Рождество) и в начале сельскохозяйственных работ (Пасха). Все это имело определенное сакральное значение¹. В глазах набожных прихожан священнослужители уподоблялись ангелам — вестникам о воскресении Христа или самому Иисусу Христу. В своих поучениях, на воскресных беседах священники внушали прихожанам, что вносимая в избы икона Воскресения Христа означает то, «что Иисус Христос в лице этой иконы является посетить» данную семью [4, с. 46]. Существовало поверье, зафиксированное в одном из сибирских приходов, что сам воскресший Господь ходит в это время под окнами [10, с. 107].

Очень важен и обряд окропления домов святой водой. Церковь этим окроплением освящает жилища своих чад и напоминает им обязанность хранить себя чистыми и святыми для служения Господу.

Необходимо подчеркнуть, что рождественское и пасхальное славение настолько органично вошло в сельскую праздничную культуру, что отказ священника посетить тот или иной дом из-за какой-то провинности его жителей, воспринимался хозяевами как наказание [2, с. 275].

Обходы духовенства выполняли и назидательно-воспитательную роль: они должны были придать празднику христианский характер, как можно дольше удерживать прихожан от игр и с песнями, играми, плясками, от пьянства. Не случайно на Святки и Пасху в ряде приходов мирское веселье не начиналось до тех пор, пока не будут обойдены все дома. Подобные обходы дополняли предпасхальные церковные и внецерковные проповеди, чтения, беседы пасты-

¹ В конце XIX — в начале XXII в. многие церковные корреспонденты сетовали, что рождественское и пасхальное христославие постепенно утрачивает свое церковно-воспитательское значение, превращаясь лишь в сбор вознаграждения. Для изменения характера христославия необходимо, чтобы духовенство имело достаточное казенное жалованье. Кроме того, ряд приходов состоял из большого количества прихожан, подчас живших в отдаленных от церкви деревнях, поэтому, чтобы обойти все дома, надо было потратить много времени, подчас несколько дней, и из-за этого христославие в домах было очень непродолжительным.

ря, в которых большое место занимала тема истинно христианского препровождения праздничных и воскресных дней, тема борьбы с «богомерзскими, бесовскими» игрищами. Известны случаи, когда в ряде приходов молодежи в течение пасхальной недели разрешалось петь только церковные песнопения.

Таким образом, начало Пасхи является наиболее ярким примером именно народно-церковного праздника. Термин «народно-церковный праздник», на мой взгляд, более точен, чем «церковно-народный праздник», так как христианская догматика, сложная для простого человека, им существенно перерабатывалась. Так, крестьяне часто своеобразно трактовали смысл образов Бога, Иисуса Христа, Святой Троицы, святых, сам смысл церковного праздника и церковной атрибутики, назначение икон и т. д. Однако при этом они считали себя православными, почитали храм и церковные обряды.

Еще одним доводом в пользу термина «народно-церковный праздник» является влияние народной традиции на церковную обрядность. В Олонецкой губернии во многих приходах отмечались два праздника: так называемые «овечье» и «бычье» воскресенья. В эти дни животных закалывали у храма. Особенно торжественным было бычье воскресенье, празднуемое после Ильина дня. Священник после обедни кропил животное святой водой, потом сразу же после этого быка убивали. Часть мяса шла причту, остальное мясо приготовлялось и съедалось около церкви. Попытки некоторых пастырей бороться с этим древним, явно нехристианским обычаем, были безуспешными [7].

Все приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что введение в научный оборот терминов «народно-церковный календарь» и «народно-церковный праздник» относительно духовной жизни русского крестьянства до начала XX века представляется весьма целесообразным, так в них отражается единство народного и духовного начал.

Библиографический список

1. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002.

2. Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.

3. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни. Очерки по церковной этнографии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Петербургское Востоковедение, 2005.

4. Бирюков Е. (свящ. Екатеринбургской епархии). Поучение на воскресные и праздничные дни и разные случаи. Екатеринбург, 1898.

5. Ван Парейс Михаил. «Да празднуем божественно!». Праздник по учению святителя Григория Богослова // Праздник: благодарение, освобождение, единение / сост. К. Б. Сигов. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2011.

6. Калинин И. П. Народно-церковный месяцеслов на Руси / вступ. ст. В. П. Аникина. М.: Издательство АСТ, 1997.

7. Красновский К. Из Олонецкой епархии (Оригинальное празднование дня святого пророка Илии) // Церковный вестник. 1878. № 32. С. 4—5.

8. Краснянский Г. Заметка сельского священника (О хождении церковного причта в великие праздники со святою водою и крестом по домам прихожан) // Руководство для сельских пастырей. 1864. Т. 1. № 3. С. 92.

9. Луканин А. (прот.). Воскресные беседы // Руководство для сельских пастырей. 1870. Т. 2. № 29. С. 399.

10. Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении / Под ред. А. С. Ермолова. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма. 1993.

11. Некрылова А. Ф. Круглый год. Русский земледельческий календарь. М.: Правда, 1989.

12. Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. СПб.: Азбука-классика, 2007.

13. Праздничное времяпрепровождение // Церковный вестник. 1899. № 33. С. 1194.

14. Предложение священника и приговор прихожан о проведении праздничных дней // Церковный вестник. 1898. № 11. С. 396—397.

15. Предтеченский В. (свящ.). Значение христославения на Пасху // Церковный вестник. 1891. № 16. С. 254.

16. Сильченков Н. (свящ.). Практическое руководство при отправлении приходских служб. Воронеж, 1878. Изд. 2-е.

17. Слободской С. Закон Божий для семьи и школы со многими иллюстрациями. Составил прот. Серафим Слободской. Изд 4-е. Джорданвилл, 1987.

(цит. по репринтному изданию Московской патриархии. Ленинградского епархиального управления. М.: Молодая гвардия. 1990).

18. Соловьев Н. И. Бытовые очерки. I. Деревенские праздники // Владимирские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1898. № 35. С. 5.

19. Церковный вестник. 1884. № 2. С. 11.

20. Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков (Очерки по истории народных верований) // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Том XL.

References

1. Agapkina T. A. *Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendar-ia. Veseneletniy tsykl* [Mythopoetic basis of the Slavic folk calendar. Spring-summer cycle]. Moscow, Indriks Publ., 2002. (In Russ.)

2. Bernchtam T. A. *Molodost v simbolizme perekhodnykh obriadov vostochnykh slavian: utchenie i opyt Tserkvi v narodnom khristianstve* [Youth in the symbolism of the transitional rites of the Eastern Slavs: the Teaching and experience of the Church in folk Christianity]. Saint Petersburg, *Peterburgskoe vostokovedenie* Publ., 2000. (In Russ.)

3. Bernchtam T. A. *Prikhodskaya zhizn russkoy derevni. Ocherki po tserkovnoy etnografii* [Parish life of the Russian village. Essays on Church Ethnography]. Saint Petersburg, Publishing house of S.-Petersburg. university; Petersburg Oriental Studies, 2005, pp 54—55. (In Russ.)

4. Birukov E. (sviatch. Ekaterinburgskoy eparkhii). *Poytchenia na voskresnye i prazdnichnye dni i raznye slutchai* [Teaching on Sundays and holidays and various occasions]. Ekaterinburg, 1898.

5. Van Pareys Mikail. «*Da prazdnym bojestvenno!*» Prazdnik po ycheniu sviatitelia Grigoria Bogoslova [«Let us celebrate divinely!». Feast on the teachings of St. Gregory the theologian]. *Prazdnik: blagodarenie, osvobojdenie, edinienie* — Feast: thanksgiving, liberation, unity, comp. Sigov K. B. Kiev, DYKH I LITERA, 2011 (In Russ.)

6. Kalinsky I. P. *Narodno-tserkovnyi miasetslov na Rusi I. P. Kalinskogo* [People's Church Mesyatseslov in Russia I. P. Kalinsky]. Moscow, Ast Press, 1997.

7. Krasnovsky K. *Iz Olonezskoy Eparkhii (Originalnoe prazdnovanie dnia sviatogo proroka Ilii)* [From Olonets diocese (Original celebration of the day of the Holy prophet Elijah). *Tserkovnyi vestnik* — Church Herald, 1878, no. 32, pp. 4—5. (In Russ.)

8. Krasnyansky G. *Zametka selskogo sviatchenika (O khojdenii tserkovnogo pritcha v velokie prazdniki so sviatoy vodoy i krestom po domam prikhojan)* [Note

of a country priest (the walking Church clergy in the great festivals with Holy water and a cross on the homes of the parishioners)]. *Rukovodstvo dlia selskikh pastyrey*. 1864, vol. 1, no. 3, p. 92. (In Russ.)

9. Lukaknin A. *Voskresnye besedy* [Sunday talks]. *Rukovodstvo dlia selskikh pastyrei*, 1870, vol. 3, no. 29, p. 399. (In Russ.)

10. Makarenko A. A. *Sibirsky narodny kalendar v etnograficheskom otnoshenii* [Siberian folk calendar ethnographical attitude]. Edited by Ermolov A. S. Novosibirsk, Nauka Publ., 1993. (In Russ.)

11. Nekrylova A. F. *Krugliy god. Russky zemledelcheskiy kalendar* [All the year. Russian agricultural calendar]. Moscow, Pravda Publ., 1989, p.7. (In Russ.)

12. Nekrylova A. F. *Russkiy tradizionniy kalendar na kajdiy den i dlia kajdogo doma* [Russian traditional calendar for every day and for every home]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika, 2007. p.680. (In Russ.)

13. *Prazdnichnoe vremiapreprovozdienie* [Festive pastime]. *Tserkovnyi vestnik* — Church Herald, 1899, no. 33, p. 1194. (In Russ.)

14. *Predlozhenie sviatchenika i prigovor prikhojan o provoizdenii prazdnitchnykh dnei* [The proposal of the priest and the verdict of the parishioners to spend holidays]. *Tserkovnyi vestnik* — Church Herald, 1898, no. 11, pp. 396—397. (In Russ.)

15. Predtetchensky V. *Znatchenie khristoslavlennia na Paskhu* [The value of glorifying Christ for Easter]. *Tserkovnyi vestnik* — Church Herald, 1891, no. 16, p. 254. (In Russ.)

16. Siltchenkov N. (sviatch.) *Prakticheskoe rukovodstvo pri otpravlenii prikhodskikh slujb* [Practical guidance in the administration of parish services]. Voronej, 1878, p.2. (In Russ.)

17. Slobodsky S. *Zakon Bozhi dlia sem'i/i shkoly so mnogili ilustratziami* [God's law for family and school with many illustrations]. Djordanvill, 1987. (In Russ.)

18. Solovjev N. I. *Bytovye otcherki. I. Derevenskie prazdniki* [Household essays. I. Village holidays]. *Vladimirskie gubernskie vedomosti*, 1898, no. 35, p. 5. (In Russ.)

19. *Tserkovny vestnik* [Church Herald], 1884, no. 2, p. 11. (In Russ.)

20. Tchitcherov V. I. *Zimny period ruskogo narodnogo zemledel'tcheskogo kalendaria XVI—XIX vekov (otcherki po istorii narodnykh verovanij)* [Winter Russian national agricultural calendar XVI—XIX centuries (Essays on the history of folk beliefs)]. *Trudy Instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. Novaya serya* — Proceedings of the Institute of Ethnography named after N. N. Miklouho-Maclay. New series, vol. XL. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957, p. 10. (In Russ.)

Д. С. Сырыгин

**Музеи военно-промышленных предприятий:
фактор их актуализации и популяризации**

В работе рассматривается проблема сохранения индустриального наследия военной промышленности страны. Военно-промышленные предприятия не всегда придают должное значение музею как эффективному механизму развития и популяризации этого предприятия. Однако имеются прекрасные примеры долговременной и стабильной работы музеев при военно-промышленных предприятиях. На таких примерах, как Музей истории ОАО «Пролетарский завод», Тульский государственный музей оружия и Музей судостроительного предприятия «Севмаш» представлены действующие культурные механизмы, которые помогают проявить интерес к данному типу музеев. Основная идея статьи состоит в том, как музеи военно-промышленных предприятий могут помочь в сохранении военной промышленности, ее истории, трудовых и боевых традиций военного предприятия. Показано, что данный тип музеев выстраивает прочную связь между предприятием и обществом, а также содействует в продвижении его продукции, выступая как бренд и лицо компании.

Ключевые слова: военная промышленность, военно-промышленное предприятие, музей промышленного предприятия, промышленный музей, музеефикация промышленного объекта, индустриальное наследие.

D. S. Syrygin. Museums of military-industrial enterprises: the factor of their actualization and popularization

The article examines the problem of saving the industrial heritage of the country's military industry. Military-industrial enterprises don't always attach due importance to the museum as an effective mechanism for the development and popularization of this enterprise. However, there are excellent examples of long-term and stable work of museums in military-industrial enterprises. Such examples as the Museum of history of the JSC «Proletarsky Zavod», the Tula State

Museum of Arms and the museum of the shipbuilding enterprise «Sevmash» present active cultural mechanisms, which help to show interest in this type of museums. The main idea of the article is how museums of military-industrial enterprises can help in preserving the military industry, its history, labor and combat traditions of a military enterprise. It has shown that this type of museums builds a strong link between the enterprise and society, and assists in promoting its products, acting as the brand and face of the company.

Keywords: *military industry, arms-producing enterprise, museum of industrial enterprise, industrial museum, museumification of industrial object, industrial heritage.*

В настоящее время во многих странах мира принимаются активные меры по сохранению и музеефикации индустриального наследия. Начиная с 1973 года функционирует Международный комитет по сохранению индустриального наследия. В последующие годы в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО были включены более пятидесяти индустриальных памятников в различных частях света. С наступлением постиндустриальной эпохи в Европе и США формируется систематический подход к охране индустриальных памятников. В России же переход от индустриальной к постиндустриальной культуре нельзя считать полностью завершенным, вследствие чего индустриальные объекты считаются прежде всего функциональной, а не мемориальной составляющей социокультурной сферы общества [5].

Основная проблема музеефикации индустриального наследия состоит в том, что государство относится к нему как к руинированной материальной части индустрии, отслужившей свой век, музеефикация которой потребует значительных материальных затрат. Идея сохранения, охраны, консервации и реставрации крупных индустриальных комплексов кажется не совсем выгодной для России.

В реальности же потенциал индустриального наследия значительно более разнообразен и полезен и не ограничивается только презентацией истории промышленности. Данный тип памятников индустриального наследия и музеи промышленных предприятий могут способствовать активизации интереса к рабочим профессиям и мотивировать молодых специалистов, демонстрируя значимость их достижений, актуализируя историю трудовой и боевой славы

предприятия. Кроме того, значительная часть индустриальных объектов — это объекты военной промышленности. Популяризация данных объектов могла бы способствовать воспитанию национальной гордости, росту чувства стабильности, поднятию авторитета армии, то есть решению насущных проблем государства [2, с. 234].

На выполнение государственного оборонного заказа в 2017 году было выделено более 1,4 триллиона рублей. Основная доля, более 65 %, средств направлены на серийные закупки современных видов вооружений и техники. Сегодня эти колоссальные средства и цифры характеризуют не только военный потенциал России на международной арене, но и функционирование тысяч научно-исследовательских организаций и производственных предприятий [3]. Введение санкций в отношении России не снизило производственные обороты страны, а наоборот, стало импульсом для введения импортозамещения в разных сферах экономики, одной из которых является оборонно-промышленный комплекс. Нельзя сказать, что отечественная промышленность с легкостью и без осложнений смогла перестроиться на новые условия. Тем не менее возможности российского оборонно-промышленного комплекса подстроились к внешним условиям благодаря своей истории и программе поддержки, разработанной правительством. Стоит отметить, что многие заводы, которые пережили сокращение гособоронзаказа в 90-х, сегодня представляют собой современные предприятия. Они не только выпускают конкурентоспособную продукцию, но и модернизируют собственное производство, подстраиваясь под внешнеэкономические условия [8].

Несмотря на недоверие современного государства к советскому индустриальному наследию, в СССР почти каждый крупный завод имел свой музей. Принимая во внимание тот факт, что советские предприятия были наследниками первых российских мануфактур и промышленных выставок, которые создавались еще в эпоху Петра I, история, которую можно увидеть в стенах промышленных предприятий, насчитывает не одно столетие. Примером может послужить Пролетарский завод, некогда Александровский литейный, позже механический, далее паровозоремонтный. История завода насчитывает более 190 лет успешной работы. Именно в стенах данного предприятия строили первые отечественные пароходы и подводные лод-

ки, осваивали паровозостроение, а параллельно отливали решетку Смольного собора, конструкции петербургских мостов и многочисленных памятников [6].

Перед музеями военно-промышленных предприятий стоит несколько сложных задач, и в отличие от обычных музеев они должны решать их постоянно. От данных решений и выбора правильной политики развития нередко зависит их существование и развитие. Это ярко выражено в административной принадлежности данных музеев. Проблема создания, существования и развития состоит в том, что большинство музеев военно-промышленных предприятий подчиняются ведомствам или отдельным предприятиям. Военно-промышленные предприятия, имеющие собственные музеи, несут дополнительную финансовую нагрузку: предоставляют финансовые ресурсы и экспозиционную площадь, определяют штат сотрудников и приоритетные направления работы. Благодаря этому одной из важнейших задач такого музея становится создание имиджа предприятия. Следовательно, в экспозиции должно быть представлено, сколь важное место данная отрасль, учреждение или корпорация занимает в жизни современного общества.

На наш взгляд, музей оборонно-промышленного предприятия должен иметь такие возможности, как преемственность традиций на предприятии, уважение к труду и работникам, успешное сотрудничество с другими компаниями, качество выпускаемой продукции. Музеи военно-промышленных предприятий имеют еще одну отличительную черту. Кроме того что данные музеи являются важным связующим звеном между социально-культурными и экономическими сферами, они также могут выступать брендом предприятия и могут быть устроены как бизнес. Их экспозиции помогают при продвижении выпускаемой продукции. Создание экскурсии, при которой посетитель может попасть на производство, является прекрасной рекламной кампанией. Это тот вид рекламы, которую посетитель потребляет охотно, а иногда еще и сам платит за это. Такой способ открыться для потребителя демонстрирует честность и прозрачность управления, безукоризненность технологий.

Участники экскурсий получают возможность убедиться в том, что предприятие наилучшим образом выполняет заявленные требования к своей продукции. Примером могут послужить авиационный

завод имени Ю. А. Гагарина, выпускающий военные самолеты, и филиал ЗАО «Гражданские самолеты «Сухого», где происходит окончательная сборка Sukhoi SuperJet. Представители «Сухого» отмечали, что после волны критики SuperJet впервые решили показать завод общественности, в роли которой выступили известные блогеры. Положительные впечатления от увиденного помогли кардинально поменять точку зрения общественности [1].

Кроме того, просветительская, образовательная и любая другая деятельность музея военно-промышленного предприятия должны демонстрировать высокий уровень социальной ответственности организации в социокультурной среде.

Ярким примером данного направления работы выступает Тульский государственный музей оружия — один из старейших музеев России. Зарождение его коллекций относится к 1724 г., и по сегодняшний день Тульский государственный музей оружия ведет тесное сотрудничество с Тульским оружейным заводом, являясь его брендом и лицом. В штате музея числятся высококвалифицированные специалисты, а сам музей ведет активную образовательно-просветительскую работу, включающую в себя интерактивные программы и мастер-классы известных тульских мастеров. Также в музее запущен проект военно-исторического театра музея «Несокрушимые», цикл событийных мероприятий, посвященных героическим датам в истории Отечества. Организация международных конференций, вечеров, концертов, специальных программ для детей, семейных новогодних представлений стали неотъемлемой частью культурной и научной жизни Тульской области.

На базе музея даже существует Школа дуэльного и театрального фехтования. Даная школа помогает в изучении традиций дуэльных поединков и фехтовального искусства Европы эпохи Ренессанса и Нового времени и преподает активное владение клинком. Также одним из примеров интеграции музея и социума служит мастер-класс художественной обработки металла и дерева, где на занятиях рады видеть как школьников, так и пенсионеров [9].

К сожалению, не всегда в полной мере признается значение музея для имиджа военного предприятия. В СССР на многих заводах и фабриках музеи возникали в первую очередь как музеи «Боевой и трудовой славы», выступая центрами актуализации советской иде-

ологии. Современные руководители оценивают такое направление музея военно-промышленного предприятия как не востребуемый пережиток прошлого, что чревато отсутствием не только финансирования со стороны компании, но и мотивации самих сотрудников музея. Комплектование и учет в таких музеях ведется стихийно, экспозиции не всегда соответствуют нормам, а профессиональная работа с посетителями практически отсутствует. Из-за небольших площадей, отведенных предприятием, приходится «разбивать» индустриальный объект на экспонаты поменьше, вследствие чего теряются целые пласты информации и экспрессивные качества предмета. Также существуют серьезные проблемы для организации доступа посетителей в музей в связи с его непосредственным расположением на территории действующего охраняемого предприятия [2, с. 237].

К счастью, таких музеев военно-промышленных предприятий в России не так много. В большинстве своем наблюдается обратная тенденция. Военные предприятия гордятся своей трудовой историей, стараясь интересно и современно ее представить обществу. Замечательным примером служит музей судостроительного предприятия «Севмаш». Сам завод существует с 1939 года и на сегодняшний день является крупнейшим в России судостроительным комплексом и единственной верфью в стране, главная задача которой — строительство атомных подводных лодок для ВМФ.

Фонд музея насчитывает несколько тысяч единиц хранения. Музейные коллекции включают в себя материалы по истории и строительству завода и города. Кроме того, экспозиции рассказывают об истории военно-морского флота и строительстве надводных кораблей, судов и подводных лодок на заводе с 1942 года по настоящее время. Количество тем для выставок в музее многочисленно, они отражают такие вехи компании, как персоналии, трудовые династии, и рассказывают о ветеранах Великой Отечественной войны. Музей, как и завод, гордится своими советскими корнями и боевыми заслугами, поэтому память о СССР на предприятии чтят и охраняют очень ревностно.

Музей насчитывает 4 зала: истории, трудовой славы, судостроения и военно-технического сотрудничества. Отдельный зал — для просмотра видеофильмов по истории флота и «Севмаша», проведе-

ния встреч учащихся с ветеранами войны и труда, и других различных мероприятий [4].

Следует отметить то, что в нашей стране с богатой боевой историей на военную промышленность всегда выделялось хорошее финансирование. Многие военно-промышленные предприятия имеют лучшее современное оборудование, что также немаловажно для нынешнего технического общества, т. к. данные предприятия выпускают не только военную, но и гражданскую продукцию. Заводам оборонно-промышленного комплекса запрещено выпускать товар невысокого качества, ориентируясь в первую очередь на потребности передовых, наукоемких отраслей. Данное направление в развитие позволяет ориентироваться на потребности таких сфер, как медицина, энергетика, авиа- и судостроение, космос, информационные технологии. Несмотря на военную направленность, промышленные предприятия оборонно-промышленного комплекса поддерживают наше общество на высоком научно-техническом уровне. А музеи военно-промышленных предприятий активно помогают это популяризировать [7].

В заключение всего вышесказанного можно с уверенностью заявить, что музеи военно-промышленных предприятий играют не последнюю роль для развития военных заводов и фабрик. Благодаря деятельности музеев сами военно-промышленные предприятия становятся ближе к социокультурной среде. Проводя научную, просветительскую и образовательную деятельность, они показывают, насколько важна их отрасль и продукт в жизни современного общества. Военно-промышленные предприятия, используя самые современные технологии, дают импульс для развития многих других производств мирной продукции. Именно данный тип промышленных предприятий ревностно оберегает свои трудовые традиции, вкладываясь в развитие своих работников.

Военное дело всегда было финансово выгодно, поэтому конкуренция среди военной промышленности очень высока. Предприятиям требуются высококвалифицированные специалисты, успешные сотрудничества с другими лидирующими военно-промышленными компаниями и высокое качество выпускаемой продукции. Поэтому именно здесь для музеев открываются новые возможности, а также малоизученные роли бизнес-объекта и бренда компании, которые

способны не только презентовать и актуализировать историю предприятия, но и продать выпускаемый продукт. Кроме того, данное направление способствует поиску высококвалифицированных специалистов и инвесторов, созданию успешного конкурентоспособного имиджа не только для своего предприятия, но и для региона и в целом для страны.

Библиографический список

1. Белоусов А. Турист в каске // Эксперт Урал. 1995—2018. № 28. URL: <http://expert.ru/ural/2015/28/turist-v-kaske/> (дата обращения: 22.02.2018).
2. Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт: [коллектив. моногр.] / авт., сост., ред. Н. А. Кривич, ред. В. А. Рабош, ред. Л. В. Никифорова. СПб.: Астерион, 2011. 383 с.
3. Минобороны раскрыло объем гособоронзаказа на 2017 год // элек. пер. изд. «Лента.Ру». 1999—2018. URL: <https://lenta.ru/news/2017/02/21/oboronzakaz/> (дата обращения: 21.02.2018).
4. Музей судостроительного предприятия «Севмаш» // соц. портал «LiveJournal». 1999—2018. URL: <https://kuleshovoleg.livejournal.com/402904.html> (дата обращения: 23.02.2018).
5. Переход к постиндустриальной цивилизации // История книги. 2018. URL: <http://maxbooks.ru/worhi1/histos73.htm> (дата обращения: 22.02.2018).
6. Промышленные музеи как особенности культурной среды Петербурга // инф. портал «Первый Канал — Санкт-Петербург». 2003—2018. URL: http://www.1tvspb.ru/event/Promishlennye_muzei_kak_osobennosti_kulturnoj_sredi_Peterburga/ (дата обращения: 22.02.2018).
7. Путин запретил «делать скovorodki» на военных предприятиях // Информационный портал «Кубань 24». 2016—2018. URL: <http://kuban24.tv/item/putin-zapretil-delat-skovorodki-na-oboronno-promyshlennyh-predpriyatiyah-157295> (дата обращения: 22.02.2018).
8. Рычагов М. Оборонка на подъеме: российские военные заводы модернизируют производство // ТРК ВС РФ «Звезда». 2014—2018. URL: <https://tvzvezda.ru/news/opk/content/201603021133-wnqn.htm> (дата обращения: 21.02.2018).
9. Тульский государственный музей оружия // Тульский государственный музей оружия. 2013—2018. URL: <http://www.museum-arms.ru/> (дата обращения: 22.02.2018).

References

1. Belousov A. *Turist v kaske* [Tourist in the helmet]. *Expert Ural*. 1995—2018, no. 28. Available at: <http://expert.ru/ural/2015/28/turist-v-kaske/> (accessed 22.02.2018).
2. *Kul'turologicheskaya ekspertiza: teoreticheskiye modeli i prakticheskiy opyt: kollektiv. monogr.* [Cultural expertise: theoretical models and practical experience, collective. monogr.], aut., comp., ed. N.A. Krivich, ed. V.A. Rabosh, ed. L.V. Nikiforova. St. Petersburg, Asterion, 2011, 383 p. (in Russ.).
3. *Minoborony raskrylo ob»yem gosoboronzakaza na 2017 god* [The Ministry of Defense disclosed the volume of state defense order for 2017]. «Lenta.Ru», 1999—2018. Available at: <http://lenta.ru/news/2017/02/21/oboronzakaz/> (accessed: 21.02.2018).
4. *Muзей sudostroitel'nogo predpriyatiya «Sevmash»* [Museum of the ship-building enterprise «Sevmash»]. «LiveJournal». 1999—2018. Available at: <http://kuleshovoleg.livejournal.com/402904.html> (accessed 23.02. 2018).
5. *Perekhod k postindustrial'noy tsivilizatsii* [Transition to post-industrial civilization]. *Istoriya knigi — History of the book*. 2018. Available at: <http://max-books.ru/worhi1/histos73.htm> (accessed 22.02.2018).
6. *Promyshlennyye muzei kak osobennosti kul'turnoy sredy Peterburga* [Industrial museums as features of the cultural environment of St. Petersburg]. Inform. portal «The First Channel — St. Petersburg». 2003—2018. Available at: http://www.1tvspb.ru/event/Promishlennye_muzei_kak_osobennosti_kul_turnoj_sredi_Peterburga/ (accessed 22.02.2018).
7. *Putin zapretil «delat' skovorodki» na voyennykh predpriyatiyakh* [Putin forbade «making pans» at military enterprises]. Information portal «Kuban 24». 2016—2018. Available at: <http://kuban24.tv/item/putin-zapretil-delat-skovorodki-na-oboronno-promyshlennykh-predpriyatiyah-157295> (accessed 22.02.2018).
8. Rychagov M. *Oboronka na pod»yeme: rossiyskiye voyennyye zavody moderniziruyut proizvodstvo* [Defense on growth: Russian military factories modernize production]. TRK VS RF «ZVEZDA». 2014—2018. Available at: <https://tvzvezda.ru/news/opk/content/201603021133-wnqn.htm> (accessed 21.02. 2018).
9. *Tul'skiy gosudarstvennyy muzey oruzhiya* [Tula State Museum of Weapons]. Tula State Museum of Arms. 2013—2018. Available at: <http://www.museum-arms.ru/> (accessed 22.02. 2018).

Примечание: работа выполнена под руководством доктора культурологии, профессора А. М. Кулемзина.

УДК 75.03

Н. А. Хренов**Синтез искусств как синтез культур
в художественном авангарде
Часть 3 (окончание)**

В данной статье предпринята попытка рассмотреть некоторые особенности эстетики авангарда, и прежде всего эстетических воззрений В. Кандинского, с философской точки зрения. В частности, доказывається, что художественные эксперименты В. Кандинского можно рассматривать с точки зрения гегелевского концепта Духа. Как известно, в основу своей концепции эстетики Гегель, не избежавший влияния восточной философии, положил взаимоотношения между внутренним и внешним. В каждом периоде истории, а их Гегель насчитывал три, это соотношение между внутренним и внешним специфично. Если в первом периоде становления Духа в истории внешнее, т. е. предметно-чувственный мир не может полностью выразить идею, то во втором периоде между внутренним и внешним имеет место гармония. Но эксперименты В. Кандинского выражают скорее то, что Гегель подразумевал под третьим и последним периодом — романтическим, когда Дух тяготеет к внешнему выражению и стремится стать самоценным. Это обстоятельство, как ничто другое, характеризует стихию беспредметности, что является главным в творчестве В. Кандинского. Беспредметность возникает в силу разрушения того эстетического принципа, который еще Аристотелем был назван мимесисом. Творчество В. Кандинского — свидетельство распада прежней системы видения и начала становления не просто новой системы видения, а вообще новой культуры, которая, например, П. Сорокиным была названа культурой идеационального типа.

Ключевые слова: художественный авангард, праязык, космизм, беспредметное искусство, мимесис, поэтика, русский формализм, архетип, аристотелевская традиция, платоновская традиция, платонизм, неоплатонизм, синтез искусств, архаика, символическая фаза, романтиче-

ская фаза, эйдос, система видения, символизм, сверхчувственное, примитив, геометрический стиль, теософия, Дух, история искусства.

N. A. Khrenov. Synthesis of arts as the synthesis of cultures in the artistic avant-garde

This article attempts to consider some features of the aesthetics of the avant-garde and above all the aesthetic views of V. Kandinsky from a philosophical point of view. In particular, the author proves that V. Kandinsky's artistic experiments can be considered from the point of view of Hegel's concept of spirit. As you know, Hegel, who did not escape the influence of Eastern philosophy, laid the Foundation of his concept of aesthetics on the relationship between internal and external. In each period of history, and there were three of them according to Hegel, this relationship between internal and external is specific. If in the first period of the spirit formation in history the external, i. e. the subject-sensual world cannot fully express the idea, then in the second period between the internal and external there is a harmony. But the experiments of V. Kandinsky express rather what Hegel meant by the third and last period — romantic, when the Spirit is burdened by external expression and seeks to become self-valuable. This circumstance, like nothing else, characterizes the element of non-objectivity, which is the main thing in the works of V. Kandinsky. Non-objectivity arises from the destruction of aesthetic principle, that Aristotle called mimesis. The works of Kandinsky are evidence of the collapse of the old system of vision and the beginning of the formation of not just a new system of vision, but in General a new culture, that P. Sorokin called the culture of the ideational type.

Keywords: the artistic avant-garde, proto-language, space art, figurative art, mimesis, poetics, Russian formalism, the archetype of the Aristotelian tradition, the Platonic tradition, Platonism, Neoplatonism, a synthesis of arts, the archaic, the symbolic phase, the romantic phase, Eidos, vision system, symbolism, superstition, primitive, geometric style, theosophy, Spirit art, art history.

Творчество как творчество Духа: теория В. Кандинского как вариант феноменологии Гегеля

В. Кандинский лишь мыслил возможность создания фундаментальной рефлексии или теории об искусстве, что, конечно, объясняется переходной эпохой и сменой в начале XX века эстетических ориентаций. Однако сам художник все-таки исходил из теоретической,

даже философской концепции, более того, модернистской философии. В данном случае под модернистской философией мы подразумеваем тот смысл, который вкладывает в философию Просвещения Ю. Хабермас. До сих пор этот аспект теоретических суждений В. Кандинского остается необъясненным. И коль скоро у нас речь идет о теории, попробуем и этот аспект осмыслить. Придется снова вспомнить Г. Вельфлина, с именем которого, как известно, и связана формула «история искусства без имен».

Выясняется, что истоком такой формулировки, в авторстве которой сам Г. Вельфлин не сомневался, он все же не является. По этому поводу он высказывался так: «Специалистов больше всего взволновал принцип «история искусства без имен». Не знаю, где я подхватил это выражение, но в ту пору оно висело в воздухе» [1, с. 136]. Как отметила научный сотрудник Лувра Ж. Базен, истоки этой формулы связаны с философией, и в частности с Гегелем [Там же]. Вообще-то, до того, как добраться до исходной точки возникновения этой вельфлиновской формулы, т. е. гегелевской, Ж. Базен констатирует, что истоком рождения принципа «история искусства без имен» явился тезис О. Конта «история без имен великих людей и даже без имен народов» (75). Но это социологическая интерпретация доромантического варианта вельфлиновской формулы. На самом деле первичным истоком формулы явилась феноменология Духа Гегеля [Там же, с. 136].

Здесь мы сталкиваемся с проблемой, а точнее, с конфликтом интерпретации эстетики авангарда. Как мы уже показали, в суждениях В. Кандинского, касающихся понимания и творчества, и образа творца, и творческого акта улавливается скорее западное, чем восточное начало. Сам художник не склонен навязывать свое «я» творению. Творит Дух, а не человек. Человек, т. е. гений, способен свой порыв к творчеству лишь соотносить с логикой движения Духа. Эта деперсонализация творчества, не предполагающего активности «я» художника, отчасти воспроизводит восточный безличный комплекс, отчасти соотносит поиски В. Кандинского с неоплатонизмом, активизация которого, несомненно, характерна для рубежа XIX—XX веков, что, видимо, проявляется и в творчестве, и в рефлексии В. Кандинского. В данном случае между восточным комплексом и неоплатонизмом расхождения нет. Нет потому, что, как утверждает Н. Бердяев, в неоплатонизме тоже угадывается дух Востока, ведь в эллинистический

период античности, когда появляется неоплатонизм, Восток необычайно активизируется, что, конечно, не прошло мимо испытывавшего его влияние Плотина. Это влияние сказалось в отрицании индивидуального начала, что для истории Запада, развивающегося на христианской основе, нехарактерно. «Мистика Индии вся безличная, не видит личности человеческой в ее метафизической самобытности и прибыльности для жизни самого Бога, — пишет Н. Бердяев, — она все еще до откровения Человека в Боге, откровения лика через Сына Божьего» [2, с. 504].

Однако ведь мы пытаемся понять рефлексию В. Кандинского не с помощью Плотина, а с помощью одного из лидеров философии модерна — Гегеля, что, казалось бы, разрушает наше намерение, поскольку модерн ассоциируется и с разумом, и с утверждением «я» личности и, в конце концов, с Западом. Может быть, наше желание понять рефлексию В. Кандинского сквозь призму феноменологии Гегеля не имеет никакого основания? Тем не менее мы убеждены, что в данном случае без Гегеля не обойтись. Удивительно, но ни в одной из своих работ В. Кандинский Гегеля не цитирует и на него не ссылается. Но так получается, что в своей теории он предстает философом. Во всех его статьях и теоретических высказываниях лейтмотивом звучит основная мысль гегелевской эстетики, связанная с тем, что в этом случае единственным творцом предстает вовсе не художник, не Бог, как считалось в Средние века, и даже не народ, которого художник представляет, что было бы близко В. Кандинскому как последнему из романтиков (а близость его романтизму констатируют исследователи его творчества), а Дух. Так, собственно, Гегелем формулируется главный концепт всей его философии искусства.

Гегелем продемонстрирован и принцип историзма в творчестве Духа. Как известно, всю историю творчества, а следовательно, взаимоотношений между внутренним и внешним в творчестве Гегель делил на несколько фаз. Для него каждая фаза демонстрировала специфический вариант взаимоотношений между видимым и невидимым, внутренним и внешним, духовным и материальным. Собственно, смысл перехода, который в начале XX века развертывался, В. Кандинский тоже осмыслял в соответствии с этим подходом к творчеству как творчеству, совершаемому Духом. Он считал, что XX век — это эпоха возникновения принципиально новой куль-

туры, в которой взаимоотношения между внутренним и внешним радикально изменяются. Внешнее, т. е. видимое, чувственное, предметное, телесное отступает на задний план, оказываясь второстепенным, менее значимым, а духовное выступает на первый план. Отсюда и обозначение возникающей эпохи как эпохи великой духовности [5, т. 1, с. 86].

Было ли это заключение В. Кандинского его собственным заключением? Видимо, в начале XX века оно носилось в воздухе, что, собственно, констатирует и Г. Вельфлин. Ведь писал же, например, С. Булгаков об погруженности человека этой эпохи во внешние стихии, под воздействием которых он утрачивал смысл внутренней жизни. «В современном человечестве, — писал он, — не только у нас, но и на Западе произошел какой-то выход из себя вовне, упразднение внутреннего человека, преобладание в жизни личности внешних впечатлений и внешних событий, главным образом политических и социальных. Отсюда такая потребность суеты, внешних впечатлений. Современный человек стремится жить, как бы не бывая дома наедине с собою: сознание заполнено, но достаточно приостановиться этому калейдоскопу внешних впечатлений, и можно видеть, как бедна или пуста его жизнь собственным содержанием» [3, с. 259].

Сказанное религиозным философом В. Кандинский почти повторяет. «Наибольшее накопление этих [материальных] благ, — пишет он, — для себя стало единственной целью жизни для большинства людей. Наибольшее накопление этих благ с наименьшей затратой энергии (принцип экономической науки) стало идеалом человеческой деятельности, жизни... А снаружи чем дальше, тем больше забывалась, терялась внутренняя ценность жизни. Оставалась явной на поверхности внешняя. И потому, как только человек терял эту внешнюю ценность, так немедленно он оказывался перед пустым местом» [5, т. 1, с. 88]. Как вытекает из данного суждения, для В. Кандинского чрезвычайную значимость приобретает оппозиция внутреннего и внешнего. Смысл его экспериментов он видит в выходе за пределы внешнего, телесного и материального. Но внутреннее для него является беспредметным.

Из этих суждений как религиозного философа, так и художника-авангардиста как раз вытекает смысл той самой последней фазы становления Духа, которую Гегель называет романтической фазой.

Именно на этой фазе Дух разочаровывается во всех попытках выразить себя через внешнее. Возникает потребность уйти от предметности, преодолеть ее. Так возникает новая ситуация, которая в общем-то Гегелем намечена. Таким образом, процессы творчества, как они представляются В. Кандинскому, могут быть интерпретированы именно в духе Гегеля.

Мы уже отмечали, что у В. Кандинского передача творческого импульса от личности художника к безличному Духу объясняется обращением его времени к учению Плотина. Именно с помощью Плотина и можно объяснить жертвование индивидуальной стихией творчества, что и привилось в рефлексии В. Кандинского. Ну, а как же тогда быть с Гегелем? Но ведь для Гегеля творит тоже дух, а не человек. Для Гегеля, как и для восточных мыслителей, на первом плане оказывается стихия безличности, в чем, собственно, его и упрекают. В индивидуалистическую эпоху Гегель демонстрировал надындивидуальную стихию истории. Так, может быть, Гегель, а не только Шопенгауэр уже испытал на себе влияние Востока? Уж не проявилось ли в его надындивидуальной логике истории тоже восточное начало? Если бы удалось это доказать, наша гипотеза о гегелевской основе рефлексии В. Кандинского не повисла бы в воздухе.

Для того, чтобы снять этот конфликт интерпретаций, мы обращаемся к Н. Бердяеву, уловившему эту связь феноменологии Гегеля с Востоком, но не развившему свою мысль о том, что философию Гегеля и в самом деле можно осмыслять в соответствии с восточной традицией, что его имперсонализм связан с этой традицией. Касаясь имперсонализма Плотина, Н. Бердяев утверждает, что немецкий мистик Экхардт близок и Плотину, с одной стороны, и восточной мистике, усвоенной Платином, с другой. Вот скупая, но чрезвычайно любопытная в этом смысле фраза Н. Бердяева, проливающая свет на имперсонализм Гегеля, откуда вышла знаменитая формула Г. Вельфлина. «Все своеобразие германской культуры предопределено Экхардтом, — пишет он. — В нем был уже и Гегель» [2, с. 507]. Это суждение помогает в новациях В. Кандинского уловить одновременно воздействие и Востока, и Плотина, и Экхардта, и Гегеля. Такое совмещение воздействия разных культур и философских идей лишь свидетельствует о том, каким грандиозным интертекстом явилась культура начала XX века, готовая перейти на новый уровень развития.

Но, разрешив связанное с интерпретацией творческого процесса противоречие, мы сталкиваемся с еще одной проблемой. Из понимания творчества Гегелем как творчества Духа, казалось бы, невозможно вывести эксперименты авангарда. Ведь рефлексия Гегеля выстраивается на основе аристотелевской традиции, т. е. мимесиса. Судя по всему, рефлексия Гегеля, в которой центральными понятиями оказались понятия «внутреннее» и «внешнее», не отклонялась от элементарного смысла, обычно вкладываемого в то, что древние понимали под мимесисом. Но вчитаемся внимательно в суждения Гегеля. Согласно Гегелю, на романтической фазе творящий Дух больше уже не утверждает себя рефлексией по поводу предметности, без которой он до сих пор не мог выразить свои внутренние смыслы. Он уже убежден, что является самоценным и для выражения внутренних смыслов телесные формы ему не всегда нужны.

Сближаясь в своей рефлексии с концептом Гегеля, В. Кандинский обосновывает культ в новом искусстве беспредметности, чего, разумеется, Гегель не касался. Поэтому если иметь в виду установки художественного авангарда и его эстетику, ориентированную на беспредметность, и если пытаться эту новую эстетику рассматривать в духе классической западной эстетики, то эта последняя нуждается в творческой интерпретации. Ведь по Гегелю романтическая фаза — это вся длительная история западного, а следовательно, и христианского искусства, включая и Средневековье. Гегель ощущает личностный потенциал христианства и при определении романтической фазы в истории исходит именно из него. Но ведь в пределах самой этой фазы, растянувшейся на столетие, видимо, тоже можно выделить эпохи или, в соответствии с Г. Вельфлиным, системы видения. На романтической фазе личностный потенциал достигает таких форм развития, что Дух начинает тяготиться пластическими, телесными формами выражения. История искусства начинает двигаться в сторону от аполлоновских образов и культивировать дух Диониса, т. е., в соответствии с Ф. Ницше, дух музыки. Ф. Ницше первому показалось, что возникает заря новой культуры, с точки зрения которой следует переоценить все существующие ценности.

К началу XX века музыка заметно становится определяющим видом в системе искусства. Казалось, идея Р. Вагнера о синтезе искусств и в самом деле осуществляется на основе музыки. Музыкальность

становится универсальным признаком, о чем свидетельствовали остальные виды искусства, на которых ощущается печать музыкальности. Собственно, на эту тему размышляет и В. Кандинский. Музыкальная стихия проникает и в живопись. Композиции В. Кандинского выстраиваются в соответствии с принципом музыки. Может быть, смысл гегелевской эстетики, и в частности сущность романтической фазы, и в самом деле нельзя выводить исключительно из религиозных установок. Ведь свобода Духа от чувственного и телесного, как и вообще от мимесиса, от изобразительности, по сути, свое истинное проявление получает лишь в беспредметных формах. Но пластическая или изобразительная беспредметность и есть трансформация живописи в музыку. По сути дела, лишь с возникновением авангарда по-настоящему прочитывается и тот смысл, которым Гегель снабдил свой концепт творящего Духа.

Ведь беспредметность — это и есть то состояние Духа, когда он разочаровывается в видимом и телесном, предметном и чувственном, демонстрируя убежденность в своей самоценности. Поэтому можно сказать так: об авангарде Гегель, конечно, писать не мог по причине его отсутствия, но суть авангарда, его возможность Гегель, представляющий мировосприятие модерна, уже ощутил, аргументируя появление романтической фазы в истории Духа. Именно эта мысль Гегеля и определяет понимание философом последней фазы истории творчества как истории творящего Духа, т. е. фазы романтической.

Здесь самое время процитировать другого представителя авангарда — К. Малевича, которому эту мысль удалось сформулировать лучше. Реагируя на критику беспредметного искусства, он парировал, обращаясь опять-таки к гегелевской терминологии. «Обвинители горько ошибаются, — пишет он, — разложение предметного мира еще не значит разложение духа, наоборот, оно вскрыло его действительно. Оно устанавливает дух в своих правах и возводит его в беспредметную истину новой действительности жизни. Когда дух свободного действия пытается выйти из границ предмета, оставляет форму предметной практической культуры, выявляя беспредметность как освобожденное ничто от катастрофы форм, видов, сознания, культуры, совершенства законов и т. д.» [7, с. 92].

Так что же все-таки открывает авангард в лице таких художников, как В. Кандинский и С. Эйзенштейн? Является ли XX век той

эпохой, в которой наконец-то по-настоящему становится понятной мысль Гегеля о сущности романтической фазы, т. е. о том, что Дух утверждается в своей самоценности, приходя к убеждению в том, что предметность не только помогает выявлению внутренних смыслов, но и является барьером на пути их выражения? Или же опыт авангарда уже позволяет подойти к переоценке концепции Гегеля, к выходу из предложенной философом схемы? Иначе говоря, может быть, мировосприятие модерна сыграло с философом шутку, включая его мысль в ту матрицу, которая пришла в мир и окончательно утвердилось в эпоху модерна. Но в XX веке эпоха модерна закончилась.

Вторжение массы в историю и возникновение на этой основе катастрофы в виде революций, террора и мировых войн продемонстрировали вовсе не реализацию разумных проектов, а возвращение в варварство, что в истории еще в XVIII веке допускал Д. Вико. Но если философская матрица модерна оказалась разрушенной, то, может быть, и на концепцию философии искусства в ее гегелевском варианте тоже можно посмотреть критически? Или просто ее отвергнуть. Может быть, опыт авангарда — это не самое полное и не самое точное выражение романтической фазы, а непредусмотренная и неучтенная Гегелем принципиально новая ситуация. Иначе говоря, в XX веке мир оказался в ситуации, которую с помощью философии модерна осмыслить невозможно, и следует к ее объяснению подбирать какие-то особые ключи.

Можно ли в этом смысле опираться на опыт наук — гуманитарных и естественных? Ведь уповали же представители авангарда на науку. Так, может быть, и в самом деле обратиться к науке, например к физике. Ведь не случайно и В. Кандинский вспоминает о науке, когда пытается объяснить свои беспредметные композиции, которые хотя и не воссоздавали катастрофы XX века в духе мимесиса, как это, например, происходит в кино, но все же позволяли улавливать в них апокалиптический смысл. Употребляет же сам В. Кандинский применительно к своей шестой композиции, в которой отсутствует и сюжет, и предметность вообще, понятие «потопа» [5, т. 1, с. 325]. Так, он подробно описал, как в этой композиции отходил от предметного изображения идеи потопа и переводил ее на уровень абстракции [5, т. 1, с. 305].

Хотя невозможно утверждать, что В. Кандинскому чужда идея создания метода, тем не менее в его теоретических тестах мы нахо-

дим суждения и о методе, и о конструкции как значимом элементе такого метода. Судя по следующему высказыванию, В. Кандинский — сторонник не только интуитивного творчества, но и создания метода творчества. «Краха, к которому могла бы легко привести эмоция сама по себе, — пишет он, — можно избежать только с помощью точного анализа работы. Правильный метод удержит нас от ложного пути» [5, т. 2, с. 160]. С пониманием метода связано и представление о конструкции воспроизводимого природного явления. Говоря о конструкции, В. Кандинский связывает ее не только с конкретным произведением, но с открытием конструктивной формы эпохи. В качестве иллюстрации В. Кандинский ссылается на кубизм, в котором природная форма подчиняется конструктивной цели [5, т. 1, с. 191].

Проблема новой культуры как проблема ее языка

В. Кандинского и С. Эйзенштейна объединяет то, что они отреагировали на переходность эпохи, но не в политическом, а в культурологическом смысле этого слова. Они ответили на «запрос», что исходил из переживающей в этот период радикальную трансформацию культуры. Если, как можно констатировать, потребность в теории обостряется, и она оказывается необходимой, а ее все же не существует, то в этом случае неизбежно обращение к философии. Причем иногда осознанное, а иногда неосознанное. Так, в тестах В. Кандинского отсутствует упоминание о Шопенгауэре. Между тем понимание и процесса, в который он вовлечен, и образа художника в соотнесенности с этим процессом у него шопенгаэровское.

С другой стороны, как мы уже показали, рефлексия В. Кандинского полностью соответствует той философской традиции, смысл которой со времен Гегеля формулируется так. История искусства, с точки зрения Гегеля, предстает историей становления Духа. Не историей стилей, как считают искусствоведы, не историей смены систем видения, не историей шедевров и не историей художников, как было представлено в известных жизнеописаниях отца истории искусства Д. Вазари, а именно историей той безличной стихии, которая и является историей Духа. Конечно, в истории искусства не всегда прибегают к этой гегелевской традиции, хотя известно, что, например, М. Дворжак из этой традиции исходил [4].

Что касается В. Кандинского, то, не делая в своих тестах сносок на Гегеля, В. Кандинский тем не менее исходил именно из гегелевской традиции. Даже наступающую эпоху он обозначает эпохой великой духовности. О чем бы художник ни говорил и каких художественных форм ни касался, для него соотношение внутреннего и внешнего как главное в системе Гегеля определяет все, что происходит в искусстве. Это исходная точка в его воззрениях на искусство сохраняется на протяжении всей его жизни. Гегелевская формула помогает В. Кандинскому понять тот слом, что происходит в его время, тот переход от предметности традиционного искусства к беспредметным формам. Ведь все старое искусство функционировало так, что внешнее в нем доминировало, препятствуя наиболее полному выражению внутреннего. Освобождение внутреннего, что для Гегеля выражает смысл третьей фазы в становлении Духа. Для самого Гегеля освобождение разворачивается с момента заката язычества и с восхождением христианства. Именно в христианской культуре, представленной Западом, Дух уже тяготится даже той гармонией, что имела место в классических формах искусства.

Не зная Гегеля, В. Кандинский провозглашает, что подлинное освобождение Духа предстает вовсе не в готике, не в классицизме и не в барокко, а с началом возникновения беспредметности. В тех формах искусства, в которых доминировала предметность, а следовательно, торжествовал античный мимесис, полной свободы внутреннего не было и не могло быть. Такая свобода пришла с авангардом. Именно с этого времени дух призывается к стихии беспредметности и впервые становится самоценным. Предметы фрагментируются и растворяются, лишаются четкой видимости. Эта операция и есть сбрасывание с реальности «покрывала Майи». Позитивизм уже не действует. «С другой стороны, — пишет В. Кандинский, — множится число людей, которые не возлагают никаких надежд на методы материалистической науки в вопросах, касающихся «нематерии» или той материи, которая недоступна нашим органам чувств. И подобно искусству, которое ищет помощи у примитивов, эти люди обращаются к полузабытым временам с их полузабытыми методами, чтобы там найти помощь. Эти методы, однако, еще живы у народов, на которые мы с высоты наших знаний привыкли смотреть с жалостью и презрением. К числу таких народов относятся, например, индусы, ко-

которые время от времени преподносят ученым нашей культуры загадочные факты, на которые или не обращали внимания или от которых, как от назойливых мух, пытались отмахнуться поверхностными словами и объяснениями» [5, т. 1, с. 165].

В качестве иллюстрации обращения к примитивам В. Кандинский называет Пикассо, открытия которого во многом обязаны искусству негров. «В своих последних вещах, — пишет В. Кандинский, — с 1911 г. он [Пикассо] приходит логически к разложению материи, но не путем ее уничтожения, а при помощи своего рода расчленения отдельных органических частей и их конструктивного рассеяния по картине: органическая раздробленность, служащая целям конструктивного единства» [5, т. 1, с. 175]. Собственно, из наблюдений над другими художниками В. Кандинский делает такое признание о себе: «И вот предметы на моих картинах стали постепенно, шаг за шагом, растворяться. Это можно видеть практически во всех картинах, начиная с 1910 года» [5, т. 1, с. 321].

Таким образом, авангард, конечно, вышел из столь нетерпимого к позитивизму символизма. Тем не менее в контексте авангарда с его космическими притязаниями и понижением социологических установок позитивизм вновь поднял голову. Если это еще не столь очевидно применительно к формалистам, трансформировавшим опыт футуризма в формальную эстетику, то, очевидно, применительно к пропповской методологии анализа волшебной сказки. Здесь мы сталкиваемся с противоречием внутри авангарда — с активизацией позитивизма и с его отторжением. К первой позиции близка оживляемая формалистами аристотелевская традиция, что констатирует О. Ханзен-Леве. «Поэтика Аристотеля не случайно была одним из наиболее читаемых и обсуждаемых произведений в области теории литературы в 10—20-е годы XX века (в России в том числе), — пишет исследователь, — более того, можно говорить о ренессансе аристотелевского наследия в современном искусствознании и эстетике, правда, приведшем к достаточно различным новым оценкам. Так, русских формалистов интересовала не столько теория мимесиса, сколько его признание конструктивной автономии поэзии и следующей из этого необходимости имманентного анализа, который бы разбирал, подобно логике и риторике, поэтические произведения в их условности и цельности на предмет соответствующих технических приемов» [9, с. 17].

Однако хотя эта аристотелевская традиция и оказалась на протяжении всего XX века весьма устойчивой, что позднее стало очевидным в связи с возникновением структурализма и модой на него в 60-е годы, в том числе и в России, тем не менее она всей эстетики авангарда не определяет. С этим связано, пожалуй, самое неразгаданное в авангарде, да, собственно, до сих пор остается неразгаданным, как и сам авангард. Выявление платоновского комплекса в культуре обязывает осознать поиск в возникающей культуре языка. Не случайно уже формализм активно обращается к лингвистике.

При характеристике переживаемой культурой этой эпохи трансформации попробуем исходить из идеи Ю. Лотмана о существовании в истории двух типов культуры. Существуют культуры, в которых длительное время не происходило резких сломов и скачков. Многое в них происходящее задавалось существующими образцами или текстами и их перманентным повторением в истории. Культуры, исходящие из таких текстов, как образцов, Ю. Лотман относит к культурам текста. Но есть культуры другого рода, в которых перемены и сдвиги, иногда довольно радикальные, случаются постоянно. В них получают развитие формы, не имеющие прецедентов. Поэтому в своем развитии они уже не могут опираться на образцы и тексты. На первый план в них выходит грамматика или свод норм и правил, в соответствии с которыми создаются, новые тексты [6, с. 168]. Такие культуры можно назвать культурами грамматики.

Но эту схему можно использовать при характеристике не только разных культур, но и разных периодов в одной и той же культуре, скажем русской. В самом деле, эпоха авангарда, или начало XX века, как раз и является такой эпохой, в которой происходит трансформация ее как культуры текстов в культуру грамматики. Эпоха В. Кандинского и С. Эйзенштейна — это эпоха движения к новым формам языка. Но это движение парадоксальным образом возвращало к исходной точке — к праязыку. Именно в этом заключается загадка интереса к примитиву. Именно поэтому в начале XX века такую актуальность приобретает проблема языка искусства и, еще точнее, языка каждого вида искусства. Это касается в первую очередь кинематографа, который как вид искусства лишь рождался. Но это в неменьшей степени касается и живописи, радикально обновляющей свой язык.

Это становилось проблемой, которую стремились решать и В. Кандинский в живописи, и С. Эйзенштейн в кино. Так, грамматику новых форм искусства В. Кандинский ставит в зависимость от внутреннего содержания как доминанты в той культуре, которая рождается. «Сейчас можно только предчувствовать подобную грамматику живописи, а когда искусство до нее, наконец, дорастет, то она окажется построенной не столько на физических законах (как уже и пробовали сделать), а на законах внутренней необходимости, которые я спокойно и обозначаю именем душевных» [5, т. 1, с. 122]. Такой грамматики еще нет, но она должна появиться. «Успехи, вызванные систематической работой, — пишет художник, — вдохнут жизнь в словарь элементов, который в дальнейшем мог бы привести к созданию «грамматики» и в конце концов вывести нас к учению о композиции, которое перешагивает границы отдельных искусств и занимается «искусством в целом» [5, т. 2, с. 160]. Так решается В. Кандинским проблема синтеза. Все свидетельствует о том, что русская культура начала XX века становится культурой с ориентацией на грамматику. Это в полной мере выражает опыт и В. Кандинского, и С. Эйзенштейна.

Демииургический пафос авангарда в культурологической интерпретации. Культ беспредметности как признак культуры идеационального типа

Улавливая в суждениях В. Кандинского заимствованную у Гегеля философскую логику, мы, конечно, как нам представляется, в его концепции творчества кое-что объяснили. Это позволило точнее представить и ту новую творческую эпоху, какой она представлялась рыцарям авангарда. Однако, видимо, гегелевские идеи еще не позволяют адекватно осмыслить суждения В. Кандинского. Дело, пожалуй, здесь заключается в том, что сегодня авангард нуждается в культурологическом прочтении, а концепция Гегеля не только этому способствует, но, пожалуй, и противоречит. Такое прочтение, по сути, является продолжением идей, которые пытались сформулировать В. Кандинский и С. Эйзенштейн.

Все дело в том, что мировосприятие модерна, предоставив свободу разуму, в то же время в качестве следствия своего утверждения

имело жертвоприношение в виде разрушения культуры. Ведь разрушение в ходе революций традиционных обществ не могло быть нейтральным по отношению к культуре. Открыв свободу личных инициатив, что получило развитие и в политике, и в экономике, модерн, освящая разрушение традиционных обществ, бессознательно подкладывал бомбу под многие традиции прошлого, которые и есть культура, функционирующая в больших длительностях. Этот разрушительный процесс, однако, способствовал пониманию необходимости осознания культуры, что в эпоху раннего модерна не имело места.

Действительно ли возникающая новая культура отправляет в небытие уже существующие формы и ценности или же все же к этому вопросу не следует подходить столь радикально? Может быть, отвергаемые формы и ценности не должны быть разрушены. Может быть, они лишь вытесняются в подсознание культуры, чтобы ждать возможной их актуализации в другое время. Дело в том, что в искусстве переход от предметности к беспредметности, вокруг чего, собственно, и рефлексировал В. Кандинский, является лишь частным моментом того универсального процесса, который порождает авангард. Если вернуться к аристотелевской традиции, реабилитируемой «формальной» школой, то ведь эта традиция, близкая позитивизму (как продемонстрировал В. Пропп, анализируя текст сказки, воспользовавшись методологией, извлеченной из естественных наук), по сути дела, вырвана из диалога, точнее, оппозиции, которая реальна для всей истории искусства.

Аристотелевская традиция является лишь одним из составляющих эту оппозицию образований. Другая составляющая связана не с Аристотелем, а с Платоном. Смысл этой оппозиции в эстетике осознан в истории теорий искусства, в частности в варианте Э. Панофского [8]. Как утверждает Э. Панофский, рождение такой оппозиции в искусстве произошло еще в XV веке. Э. Панофский выстраивает логику истории теорий искусства, исходя из постоянно в ходе истории изменяющейся оппозиции между платоновской, с одной стороны, и аристотелевской, с другой стороны, традициями. Естественно, что хотя Э. Панофский эту историю и не довел до XX века, но заданная им логика может быть продолжена для интерпретации опыта авангарда.

Касаясь практического и теоретического опыта В. Кандинского и С. Эйзенштейна, мы в XX веке улавливаем актуализацию не только

аристотелевской, но и платоновской традиции, без которой, видимо, эстетику авангарда понять невозможно. С точки зрения этой еще одной интерпретации новаций авангарда и шопенгауэровская, и восточная, и даже гегелевская традиции оказываются недостаточными, не позволяющими еще понять новации авангарда. Ведь эти новации — следствие возникающей альтернативной культуры. Чтобы понять эстетику авангарда, следует осознать духовное ядро этой культуры.

Посмотрим на тексты В. Кандинского под тем углом зрения, который подразумевает актуальность в первых десятилетиях XX века платоновской традиции. Выявляя смысл этой традиции, мы, пожалуй, наконец-то приоткрываем и смысл экспериментов авангарда, которые до сих пор осмыслились под разными углами зрения, но преимущественно лишь частично. Прежде всего, мы откроем смысл авангарда не только как творчества искусства, но как творчества культуры. Для начала присмотримся к употребляемой В. Кандинским терминологии. Не часто, но все же художник употребляет понятие «сверхчувственное». Так, рассуждая о воздействии синего цвета, он пишет: «Чем глубже становится синее, тем больше зовет оно человека к бесконечному, будит в нем голод к чистоте и, наконец, к сверхчувственному» [5, т. 1, с. 128].

Причем у него это сверхчувственное является синонимом беспредметного, а беспредметное у него, как мы убедились, — синоним внутреннего, т. е. в соответствии с Гегелем, сущности творящего Духа. В качестве примера употребления понятия «сверхчувственное» у В. Кандинского мы обратимся к его чрезвычайно любопытному комментированию драматургии М. Метерлинка. У М. Метерлинка В. Кандинский подмечает особое обращение со словом, когда оно расходится с предметным содержанием и приобретает абстрактное представление, дематериализованный предмет. Процесс освобождения от мимесиса в его элементарном понимании в эпоху В. Кандинского разворачивался ведь и в поэзии. «Целесообразное (соответственно чувству поэта) применение слова, внутренне необходимое повторению его два раза, три раза, много раз друг за другом, — пишет он, — может иметь своим последствием не только возрастание внутреннего звука, но и вызвать еще другие, до тех пор скрытые духовные свойства слова. Наконец, при многократном по-

вторении слова (излюбленная, впоследствии забываемая игра детских лет) оно теряет внешний смысл обозначения предмета; таким путем теряется ставший даже отвлеченным смысл называемого предмета и остается обнаженным от внешности исключительно чистый звук слова. Быть может, бессознательно слышим мы этот «чистый звук» в сочетании его с реальным, а также ставшим впоследствии отвлеченным предметом. Но в случае его обнажения этот чистый звук выступает на первый план и оказывает непосредственное давление на душу. Душа потрясается беспредметной вибрацией, еще более сложной, еще более, если можно так выразиться, «сверхчувственной», чем душевная вибрация, возникающая от удара колокола, от звучащей струны, от упавшей доски и т. д. Здесь открываются широкие перспективы для литературы будущего, которая увеличит арсенал своих средств также и такими словами, которые, не обозначая никакого предмета и будучи практически нецелесообразными, будут употребляться как абстрактно целесообразный внутренний звук» [5, т. 1, с. 168].

Сверхчувственное для В. Кандинского также — синоним невидимого, что так культивировалось символистами. У художника такое же отторжение позитивизма, как и у символистов. «Не все можно увидеть или потрогать, или, лучше сказать, под видимым и материальным находится невидимое и нематериальное. Сегодня мы стоим на пороге времени, к которому ведет одна — лишь одна — постоянно идущая все больше в глубину ступень. Во всяком случае, сегодня мы можем только догадываться, в какую сторону поставить ногу, чтобы наступить следующую ступень. И это является спасением. Несмотря на, казалось бы, непреодолеваемые противоречия, современный человек не довольствуется больше внешним. Его взгляд оттачивается, его слух обостряется, и его желание за внешним увидеть и услышать внутреннее растет» [5, т. 2, с. 207].

Таким образом, для В. Кандинского сверхчувственное — это существенный признак того духовного, из которого художник пытается исходить, когда он касается разных эпох в истории искусства или пытается прогнозировать в будущем и выявлять в хаосе художественной жизни первых десятилетий XX века какую-то логику. Конечно, такой терминологии в теоретическом наследии С. Эйзенштейна нет. Но это совсем еще не значит, что эксперименты С. Эйзенштейна раз-

вертываются вне становления культуры нового типа. Да, в своей концепции метода С. Эйзенштейн оказывается близким представителям «формальной» школы, как, собственно, и аристотелевской традиции в целом, из которой выходят представители «формальной» школы.

Но это не означает, что ему платоновская традиция совершенно чужда. Если в его творчестве можно констатировать влияние символизма, то мы не можем не уловить эха платоновской традиции. Неслучайно С. Эйзенштейн так внимателен к архаическим и мифологическим формам искусства. Несмотря на рационализм мастера, в его революционных фильмах улавливается мистический и, еще более точно, хилиастический комплекс, который К. Манхейм находит в той разновидности утопии, которую он называет хилиастической. Несмотря на то, что С. Эйзенштейна скорее можно отнести к коммунистической утопии, тем не менее, хилизм все же у него улавливается, а следовательно, стихия сверхчувственного тоже ему не чужда. Как и В. Кандинский, С. Эйзенштейн вписывается в рождающуюся культуру, в которой сверхчувственное окажется значимым, даже определяющим признаком.

В связи с тем, что у В. Кандинского беспредметное уже не просто исключает предметное и телесное, а предполагает особое, пока еще не называемое и отсутствующее у Гегеля качество, а именно сверхчувственное, у нас возникает возможность интерпретации его практического и теоретического опыта в духе тех философских и культурологических концепций, в которых взаимоотношения между чувственным и сверхчувственным при определении типологии культуры получают универсальный смысл. Здесь прежде всего, конечно, следует говорить о возможности интерпретации идей В. Кандинского и авангарда в духе циклической концепции истории культуры П. Сорокина [10].

Для П. Сорокина цикл в истории культуры, для которого характерно чувственное как доминанта, связан прежде всего с предметным и телесным, что, как утверждает В. Кандинский, постепенно уходит на задний план. Рождающаяся культура, приходящая на смену культуре, в которой чувственное и предметное было доминантой, — это культура, в которой активизируется сверхчувственная стихия. Сверхчувственное — это то внутреннее, которое для В. Кандинского важнее внешнего. Но у В. Кандинского сверхчув-

ственное — это то, что с помощью предметности представить трудно. Чтобы его достичь, необходимо выйти в пространство беспредметности. Следовательно, такой переход возможен лишь в культуре, в которой чувственное и предметное отступает перед сверхчувственным и невидимым, что оказывалось в центре внимания еще символистов. Это они, прогнозируя возникновение новой культуры, уже ощущали ее сверхчувственное ядро, а его нельзя увидеть, а можно лишь помыслить.

Как этот тип культуры можно назвать? П. Сорокин назвал его культурой идеационального типа. Что значит идеационального? Это значит, что ее ядром является «идея». Но ведь «идея» у Платона является основным философским концептом. Иногда этот концепт он называет «эйдосом», или «первообразом». Вот и получается, что та культура, которая приходит в эпоху, называемую В. Кандинским эпохой великой духовности, есть культура, в которой Аристотель снова отступает перед Платоном. А вместе с аристотелевской традицией уходит в тень и весь тот культ научности и рациональности, который оказывается в основе всей альтернативной, по П. Сорокину, культуры. Эту культуру ученый называет культурой чувственного типа. Но культура чувственного типа — это та культура, в которой чувственное, предметное, телесное начало являлось доминантой.

Так, с помощью Платона, а точнее с помощью П. Сорокина, возвращающего к парадигме Платона, можно точнее понять, какой тип культуры пригрезился В. Кандинскому, и вообще, какой тип культуры обещали художественные эксперименты авангарда. Да, это та культура, в которой сверхчувственное начало будет доминировать. Следовательно, если использовать принцип маятника, который помогает Э. Панофскому констатировать смену в понимании реальности разных философских традиций, то В. Кандинскому, как и авангарду в целом, оказывается ближе платоновская традиция. Эта традиция — основа возникновения и развития альтернативной культуры. Взрыв беспредметности и возврат к исходной точке в истории искусства, о чем свидетельствует тяготение к примитиву, — это признаки как раз той культуры, которую представители авангарда предчувствовали и которую они с помощью своих экспериментов приближали.

Это обстоятельство — главное для понимания и проекта новой культуры у В. Кандинского, и смысла культуры идеационального ти-

па у П. Сорокина — позволяет снова вернуться к идее синтеза, как его видит В. Кандинский. Ведь эта переоценка ценностей, что разворачивается в начале XX века, предполагает вовсе не культ индивидуального, угрожающего перерасти во вседозволенность индивидуализма, а, наоборот, культ коллективного. Монументальное искусство как аналог вагнеровского *gesamtkunstwerk* предполагает коллективный смысл. Нет, совсем не случайно в 1910-е годы в России уже начинают творить такие гиганты авангардного искусства, как В. Кандинский и К. Малевич. Не случайно Россия не проходит мимо всплеска авангарда в мировой культуре. Ведь авангард — предвосхищение культуры идеационального типа с присущими ей коллективными установками. Но в какой культуре, кроме русской, эта установка выражена наиболее отчетливо?

Именно под этим углом зрения и представлялся В. Кандинскому синтез искусств, в котором, согласно концепции художника, архитектура окажется в центре. Так, комментируя замечания немецкого архитектора В. Гропиуса к программе русских художников, в которой архитектура оказывается в центре искусств, В. Кандинский пишет: «Разрозненные направления могут объединяться только под сенью новой архитектуры, так, чтобы каждое из них могло участвовать в общем строительстве» [5, т. 2, с. 44]. Но почему же архитектура оказывается в центре других видов и определяет особое понимание синтеза? Потому что ей присущ коллективный дух, выражением которого она является. «Здание — это непосредственный носитель духовных сил, создающий формы переживаний коллектива, ныне еще дремлющих, но готовых пробудиться. Лишь полная духовная революция создает такое здание. Но сама по себе не придет эта революция, и здание такое не появится. Должна появиться воля к ним — современные зодчие должны подготовить это здание» [Там же]. Однако тут же В. Кандинский пишет, что архитектуре присущ не только коллективный, народный дух, но и космический характер. Почему коллективный дух выходит на передний план, вытесняя столь культивируемый XIX веком дух индивидуальный? Да потому что, как доказывает П. Сорокин, культура идеационального типа культивирует коллективный дух вместо духа индивидуального. В этом заключается специфика культуры этого типа, которую прозрели художники авангарда — пророки культуры идеационального типа.

Библиографический список

1. Базен Ж. История истории искусства от Вазари до наших дней. М.: Прогресс-Культура, 1994. 528 с.
2. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
3. Булгаков С. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997.
4. Дворжак М. История искусства как история духа. СПб.: Академический проект, 2001. 333 с.
5. Кандинский В. Избранные труды по теории искусства: в 2-х т. М.: Гилея, 2001. Т. 1. 391 с.; Т. 2. 343 с.
6. Лотман Ю. Проблема «обучения культуре» как ее типологическая характеристика // Труды по знаковым системам. Выпуск 5, Тарту, 1971.
7. Малевич К. Собрание сочинений: в 5 т. М., 2000. Т. 3.
8. Панофский Э. IDEA: К истории понятия в теориях искусства. От античности до классицизма. СПб.: Axioma. 1999. 226 с.
9. Ханзен-Леве О. Русский символизм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М.: Языки русской культуры, 2001. 672 с.
10. Хренов Н. История искусства в ракурсе социодинамики культуры // Вопросы культурологии. 2015. № 4—6.

References

1. Bazin J. *Istoriya istorii iskusstva ot Vazari do nashikh dnei* [History of art history from Vasari to the present day]. Moscow, Progress-Culture Publ., 1994, 528 p. (In Russ.)
2. Berdyaev N. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow, Pravda Publ., 1989, 607 p. (In Russ.)
3. Bulgakov S. *Dva grada. Issledovaniye o prirode obshchestvennykh idealov* [Two hail. Research on the nature of social ideals]. Saint-Petersburg, 1997. (In Russ.)
4. Dvořák M. *Istoriya iskusstva kak istoriya dukha* [History of art as a history of the spirit]. Saint-Petersburg, Academic project Publ., 2001, 333 p. (In Russ.)
5. Kandinsky V. *Izbrannyye trudy po teorii iskusstva* [Selected works on the theory of art]. In 2 vol. Moscow, Gileya Publ., 2001. Vol. 1. 391 p.; Vol. 2, 343 p. (In Russ.)

6. Lotman Yu. *Problema «obucheniya kul'ture» kak yeye tipologicheskaya kharakteristika* [The problem of «learning culture» as its typological characteristic]. *Trudy po znakovym sistemam — Works on Sign Systems*, Tartu, 1971, vol. 5. (In Russ.)
7. Malevich K. Collected works. In 5 vol. Of vol. 3. Moscow, 2000. (In Russ.)
8. Panofsky E. *IDEA: K istorii ponyatiya v teoriyakh iskusstva. Ot antichnosti do klassitsizma* [IDEA : history of the concept in theories of art. From antiquity to classicism]. Saint-Petersburg, Axioma Publ., 1999, 226 p. (In Russ.)
9. Hansen-Leve O. *Russkiy simvolizm. Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian symbolism. Methodological reconstruction of development based on the principle of exclusion]. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 2001, 672 p. (In Russ.)
10. Khrenov N. *Istoriya iskusstva v rakurse sotsiodinamiki kul'tury* [The history of art from the perspective of the sociodynamics of culture]. *Voprosy kul'turologii — Questions of Cultural Studies*, 2015, vol. 4—6. (In Russ.)

Материалы, публикуемые в рамках конференции
**«Семioзис и культура: человек в современном
коммуникативном пространстве»**
(13—15 декабря 2018 года, г. Сыктывкар)

УДК 008

С. Н. Иконникова, И. В. Леонов

**Основные модели и «когнитивные ловушки»
биографических исследований**

В статье дается характеристика биографики как направления, основу которого составляет реконструкция жизненного и творческого пути личностей. Затрагиваются некоторые формы биографий, обусловленные историко-контекстуальными обстоятельствами. Дается обзор основных моделей биографических исследований, среди которых хронологическая, социологическая, психологическая, культурологическая, историческая, художественная и автобиографическая. Анализируется вопрос различных степеней авторских искажений биографий, наличие которых в подобного рода исследованиях неизбежно, а порой необходимо. Затрагиваются диалогические аспекты биографического метода, обусловленные взаимодействием исследовательских и историко-контекстуальных факторов. В рамках фиксации отдельных биографических направлений, таких как «пушкиниана», «ахматоведение», «ериховедение» и т. д., ставится проблема множественности биографических прочтений, порой противоречащих друг другу. Отмечается знаковая природа биографических исследований, включая проблему подбора, компоновки и интерпретации знаков.

Ключевые слова: биографика, биографический метод, историческая культурология, культуральная история, воображаемое, интерпретация, диалог.

S. N. Ikonnikova, I. V. Leonov. Basic models and «cognitive traps» of biographical research

The article gives the characteristic of biographics as a direction, the basis of which is the reconstruction of life and creative path of individuals. Some forms of biographies due to historical and contextual circumstances are touched upon. The review of the main models of biographical research, including chronological, sociological, psychological, cultural, historical, artistic and autobiographical. The question of various degrees of author's biographies distortions, the presence of which in this kind of research is inevitable and sometimes necessary, is analyzed. The dialogical aspects of the biographical method due to the interaction of research and historical and contextual factors are touched upon. In the framework of the fixation of the individual biographical fields, such as «Pushkiniana», «Akhmatology», «Roerichology», etc., raises the problem of the multiplicity of biographical interpretations, sometimes contradictory. The symbolic nature of biographical research, including the problem of selection, arrangement and interpretation of signs, is noted.

Keywords: *biographics, biographical method, historical culturology, cultural history, imaginary, interpretation, dialogue.*

В современной науке растет интерес к исторической культурологии, культуральной истории и другим смежным исследовательским области, направленным на изучение различных аспектов историогенеза культуры. Одной из «точек притяжения» в данной сфере исследований является биографика — отрасль гуманитарного знания, предметом которой является реконструкция жизненного и творческого пути личности. Широкое применение биографического метода в современной науке, включая множество его дисциплинарных конкретизаций, определяет важность дальнейшей разработки и обоснования его эвристического потенциала в культурологии, истории, социологии, искусствоведении и других сферах знания.

Биографическая литература, включающая жизнеописания, мемуары, автобиографии, дневники и переписку, пользуется большим спросом у читателей. Все больше людей интересуются своими историческими корнями, реконструируют историю своих семей. В мире открывается множество центров изучения биографии и реконструкции генеалогии, биографическая проблематика находит отражение в деятельности многих средств массовой информации и литературных сериях.

Реальная жизнь человека многомерна, неповторима, противоречива. Галереи известных личностей и деятелей всегда являлись не-

обходимым дополнением и важной частью духовной культуры общества. Все творческие произведения рождаются из глубины личного бытия, зависят от эмоционального и интеллектуального состояния человека, социального климата поддержки талантов и дарований в обществе.

В биографиях не только представлены индивидуальные характеристики личностей, но и дается отношение к культурно-исторической ситуации, к событиям и другим людям. Биографическое портретирование — это своеобразное «удвоение» реальности, реконструкция, «воскрешение» образа человека. Жанр биографии позволяет представить разнообразие жизненных стратегий, альтернативные варианты жизненного пути, отношение к успеху и провалу, финансовым трудностям и политическим компромиссам.

Биографические повествования носят разнообразный характер, который во многом определяется контекстуальными историко-культурными условиями их написания.

Так, в недавнем советском прошлом данный жанр исследований подчинялся идеологическим и парадигмальным требованиям. Основой жизни человека считалась «трудовая биография», достижение поставленных целей, политическая преданность и надежность. Согласно этой идеологической основе было создано немало «псевдобιοграфий», сознательно искаженных и представляющих ту или иную личность в свете идеологического фона. В результате возникали «мраморные двойники», отдаленно напоминающие реальных прототипов. Однако данного рода искажения выполняли функцию инструмента трансляции определенной идентичности, включая ее политико-идеологический аспект, формируя основу для воспитания подрастающего поколения в рамках общества, строящего коммунистическое будущее. Кроме того, не стоит забывать о том, что большое число похожих биографий советских людей, искренне веривших в идеалы советского времени и совершавших во имя их достижения трудовые и военные подвиги, не являлись вымышленными и идеологически выправленными.

В данном случае проявляется особый вектор биографических исследований, направленный на привитие идеалов, ценностей и образцов поведения, которые оказывают несомненное воздействие на человека, читающего биографию личности, которая его интересует

и которая может выступать для него кумиром. *Отмеченный потенциал биографики используется во многих странах, а «гуманитарные технологии» его применения должны изучаться и внедряться в интересах сохранения ценностных основ и гуманистической направленности культуры.*

Еще одной особенностью биографического жанра, ставшей популярной в нашей стране после распада СССР, является чрезмерное увлечение бытовыми подробностями, перечислениями измен, ссор, конфликтов, долгов и т. п. Такого рода «исследования» хоть и представляют определенный интерес, ведут к снижению мнения о неповторимой индивидуальности личности, вызывают снисходительное, а иногда презрительное отношение, распространяющееся и на творчество. Без четких ценностных или идеологических ориентаций культуры в ней появляется склонность к разобщению биографий. Люди начинают жить сами по себе, в своей повседневности, в большинстве своем склоняясь к феноменологическому многообразию биографий и нередко к смакованию inferнальных сторон жизни интересующих персонажей.

Другой крен биографических исследований иллюстрирует философия постмодернизма, для которой было характерно преобладание скептического отношения к информационной значимости биографических повествований. К примеру, М. Фуко считал реальными лишь произведения писателя, художника. Описание жизни — это «след на песке», который деформируется и исчезает от прикосновения биографа. Не менее категорична точка зрения Р. Барта, утвердившего «смерть автора», жизнь которого тривиальна и обыденна, а поэтому не представляет интереса.

Помимо названных существуют и другие образцы, или паттерны, биографических повествований, характерные для различных культур и периодов истории. Эволюция данных паттернов представляет собой отдельный аспект биографики.

Приведенные суждения о роли и характере биографических исследований, сопровождаемые постоянным интересом читателей к данному жанру, говорят о социальной значимости этой проблемы, имеющей высокий коэффициент воздействия на социокультурную реальность, а также являющейся ее своеобразным маркером.

Перечень существующих моделей биографического исследова-

ния на протяжении развития знания обогащается как в сфере общенаучных теоретико-методологических достижений, так и в рамках развития отраслевого знания. Обозначим некоторые из них:

1. *Хронологическая модель* состоит из перечня дат наиболее значимых жизненных этапов, встреч и событий, движущихся друг за другом по «стреле времени».

2. *Социологическая модель* определяет последовательность профессионального становления и социальной мобильности личности, определяет степень ее участия в социокультурной реальности.

3. *Психологическая модель* выносит в центр исследования мотивы сознания и поведения, причины поступков, описание намерений, поиски принятия решений, влияние друзей и знакомых, опыт самореализации.

4. *Культурологическая модель* сосредотачивает внимание на духовном облике человека, его ценностных ориентациях, политических интересах и художественных предпочтениях, нравственных нормах и религиозных верованиях, определяет критерии жизненного успеха и творческой популярности¹.

5. *Историческая модель* направлена на изучение взаимосвязей жизненного пути личности, ее внутреннего мира и результатов деятельности с конкретной исторической эпохой.

6. *Художественная модель* выявляет наиболее значимые черты внешнего облика человека, их корреляцию с духовным миром, воплощение жизненных событий в творчестве.

7. *Автобиографическая модель* представляет жизненный опыт самопознания, самооценки и самореализации личности. В этом проявляется значение субъективного взгляда на собственную жизнь и творчество, эмоциональное отношение к окружающему миру.

Можно продолжить моделирование биографических жизнеописаний по другим основаниям, которые в чистом виде встречаются редко, обычно образуя синтетические теоретико-методологические формы. И каждая модель будет раскрывать определенные грани в понимании сложного и таинственного мира исторической, творческой индивидуальности личности.

¹ В данном ракурсе речь идет в первую очередь об аксиологической традиции понимания культуры и культурологии.

Тем не менее биографическое исследование, будучи направлено на раскрытие жизненного пути человека с целью понять его внутренний мир и результаты деятельности, увидеть личность через эпоху или, напротив, эпоху через личность, не лишено «когнитивных ловушек», рождаемых субъективной сферой, оно таит в себе опасность ментальных провалов и отклонений. В первую очередь речь идет о воображаемых аспектах биографического исследования.

Тема воображаемого является многогранной и сложной, распространяясь на сферу самых разных областей знания. Воображаемое представляет собой необходимый элемент процесса взаимодействия человека с реальностью и выступает как особый «посредник» между миром и человеком в процессе культуротворчества. Учитывая, что с течением истории культуры симуляции реальности обретают все более сложный характер, постепенно освобождая воображение от обусловленности внешними условиями культуры, воображаемое постепенно замещает реальность, поглощая человека в виртуальных мирах, рожденных и существующих в ментальной сфере. Данное обстоятельство, с учетом фрагментарного уровня анализа отмеченной проблематики, ограниченного оригинальными работами О. Шпенглера, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяра и Г. Д. Гачева, делает изучение сферы воображаемого как феномена культуры актуальным и востребованным.

В рамках философского и культурологического осмысления различных аспектов воображаемого обращает на себя внимание ряд статей, а также фундаментальная монография Н. Н. Суворова «Воображаемое как феномен культуры» [1; 2; 3]. Так, в указанной монографии сформулирован и проанализирован практически весь спектр различных граней проблемы воображаемого, выступающего в качестве ментальной конструкции, одновременно имеющей и не имеющей отношения к объективному миру вещей; раскрывается вопрос обусловленности ментальной сферы человека самой реальностью; анализируется роль воображаемого в отражении бытия в сознании человека; рассматривается влияние воображаемого на процесс взаимодействия человека с реальностью, в частности способность воображаемого подготавливать и порождать новые события; анализируется вопрос реальности виртуального и т. д.

Представленный аспект занимает в историко-биографических исследованиях особое место. Без него биографии превратились бы в документированную хроноструктуру дат, событий и поступков. То же самое касается и характеристик человека, связанных с воспоминаниями современников, оценками потомков, а также личным отношением автора. На всех этих уровнях биография «отфильтровывается», преобразуется и дополняется воображением и личным участием всех участников исследования.

Как следствие, биограф сталкивается с рядом «соблазнов», выраженных в опасности чрезмерного ментального погружения во внутренний мир героя. Реконструируя и изучая чужую биографию, исследователь воображает и преломляет ее по своему подобию, согласно своим убеждениям, ценностям и вкусовым пристрастиям. Биографу трудно остаться отвлеченным наблюдателем, он невольно становится участником событий, формируя свое мнение обо всем и невольно навязывая его герою своего исследования. В результате биография сознательно или непроизвольно трансформируется согласно видению исследователя. *И вряд ли можно найти биографию, полностью лишенную данной авторской составляющей.*

Названные «игры разума», точнее «воображаемого», расширяют пределы изучаемого материала. В своей крайности такой крен может порождать своеобразный «биографический толкиенизм», окутанный ореолом романтизации или демонизации героя, включая его эпоху.

Однако увеличение личного участия исследователя в реконструкции и изучении биографии не всегда носит явно критический характер. Одной из сфер знания, где подобного рода исследования находят свое место, является культуральная история. Речь идет о написании биографий на основании малой степени источников, отсутствие которых компенсирует исследователь, додумывая и моделируя жизненный путь человека.

Примером такой историко-культурной реконструкции биографии является книга итальянского историка К. Гинзбурга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.» [4]. В этом исследовании на основании анализа рассекреченных Ватиканом протоколов инквизиционного процесса XVI века ученый осуществляет реконструкцию мировоззрения и жизненного пути фриульского

мельника Доменико Сканделла, прозванного Меноккио, жившего на севере Италии и приговоренного к смерти за свои еретические убеждения. Данные протоколы, будучи вполне состоятельными документами, включали массу высказываний Меноккио, а также отрывочную информацию о книгах, которые он мог прочитать на протяжении жизни и под влиянием которых формировались его убеждения. Интерес К. Гинзбурга к личности мельника был вызван тем, что, исходя из сохранившихся документов, ему удалось создать на первый взгляд странную и нетипичную для своего времени картину мира, представляющую собой некий синтез идей, постренессансной культуры Европы в ее сословных и хронологических измерениях. В результате, опираясь на сохранившиеся протоколы, К. Гинзбург осуществил реконструкцию жизни и убеждений фриульского крестьянина, представив особый тип биографического исследования в рамках культуральной истории, содержащий высокую степень авторской реконструкции по мотивам документированных «улик». Остается добавить, что данный тип исследования находится в предметной сфере, которая отрывается от строго научной классической традиции, однако вполне вписывается в рамки культуральной истории и постнеклассической традиции в целом.

Биографии, включая автобиографии, всегда пишутся кем-то, для кого-то и в определенном историко-культурном контексте. Подобные тексты могут сознательно искажаться автором, ориентированным на определенного читателя и представляющего его вниманию дозированную и отфильтрованную информацию, сопровождаемую соответствующими интерпретациями. В результате биографии могут поведать многое не только о главном персонаже, но и о биографах, а также об историческом контексте, в котором они писались и прочитывались. Все эти и многие другие составляющие накладываются друг на друга, образуя сложную систему смысловых взаимодействий, «складок» и «расширений», размывающих и усложняющих поле биографического исследования. В данном случае, полемизируя с идеей о «смерти автора», можно коснуться проблемы «послания биографа», видящего чью-то биографию именно так, а не иначе. И при наличии множества биографий определенного персонажа можно вести речь о специфике и эвристической значимости данных прочтений.

В сфере изучения биографий известных личностей возникают самостоятельные направления, получающие соответствующие названия — «пушкиниана», «ахматоведение», «рериховедение» и т. д. Суть этих направлений не всегда сводится к созданию некой правильной и исчерпывающей биографии; их специфика выражается в *диалоге прочтений*, обогащающих палитру знания о некоем персонаже. В качестве примера можно привести изобилие биографий Леонардо до Винчи, созданных как в России, так и за рубежом. Данные биографии, от Дж. Вазари до А. Л. Волынского, Д. С. Мережковского, С. М. Стама и многих других исследователей, создавались и дополнялись в контексте разных культур, рождая диалог исторических интерпретаций личности Леонардо и его наследия, а также биографов и эпох, обращавших внимание на итальянского гения.

Результатом такого многообразия становится жизнь персонажа в нескольких вариантах биографий, что служит основой некоторых разочарований в возможности воспроизвести чью-то жизнь адекватно. В данном случае показательно мнение Фаины Георгиевны Раневской, ответившей на предложение написать воспоминания об Ахматовой: «Есть еще и посмертная казнь, это воспоминание о ней ее “лучших” друзей», имея в виду различные спекуляции и искажения памяти. Интересен также упоминаемый Раневской сон, в котором она решила не говорить явившейся к ней Анне Андреевне о посвященных ей посмертных стихах «Памяти Ахматовой», написанных Евтушенко [5, гл. 3, 6]. Итогом стал отказ Раневской писать отдельные мемуары об Ахматовой, за исключением сохранившихся обрывочных воспоминаний, по всей видимости, обусловленный нежеланием участвовать в упомянутой «казни».

Также нельзя упускать из виду семиотические аспекты биографии, поскольку все, что мы знаем о жизни того или иного человека, во многом основано на *знаках*. Соответственно, «мир биографии» попадает в зависимость от процесса подбора, компоновки и интерпретации данных знаков. В отмеченном аспекте показательное мнение Г. Г. Шпета о реконструкции исторической реальности, воссоздавая которую исследователи пользуются лишь знаками прошлого, по-своему группируя и интерпретируя их [6]. В таком аспекте основу любого биографического исследования составляют знаки прошлого, выбранные и упорядоченные исследователем в структурированный

жизненный путь человека. Причем отбор соответствующих знаков и способы их структурирования нередко связаны с устоявшимися клише и паттернами, которые доминируют на тот или иной момент времени, например: год и город рождения, номер школы, вуз, работа, брак, дети, основные достижения, произведения и т. д. Такие паттерны хоть и носят общепринятый характер, как правило, имеют ограниченный потенциал, а потому они не способны отразить все стороны жизни человека.

Перечисленные аспекты биографии показывают, что субъективная сторона данных исследований представляет собой значимую проблемную область, дальнейшая разработка которой вполне перспективна и востребована.

Библиографический список

1. Суворов Н. Н. Воображаемое как феномен культуры. СПб.: СПбГИК, 2018. 300 с.
2. Суворов Н. Н. Наступление воображаемого: воображаемое как феномен культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 73—81.
3. Суворов Н. Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4 (33). С. 76—80.
4. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / Пер. с итал. М. Л. Андреева, М. Н. Архангельской. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 272 с.
5. Гейзер М. М. Фаина Раневская. Москва: Молодая гвардия, 2010. 308 с. (Жизнь замечательных людей: Малая серия).
6. Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Изд. 3-е. Москва: ЛИБРОКОМ, 2011. 488 с.

References

1. Suvorov N. N. *Voobrazhayemoye kak fenomen kul'tury* [Imaginary as a phenomenon of culture]. St.-Petersburg, SPbGik, 2018. 300 (in Russ.).
2. Suvorov N. N. *Nastupleniye voobrazhayemogo: voobrazhayemoye kak fenomen kul'tury* [The offensive of the imaginary: the imaginary as a phenome-

non of culture]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv — Herald of the St. Petersburg State University of Culture and Arts, 2016, no. 2 (27), pp. 73—81 (in Russ.).

3. Suvorov N. N. *Pamyatnik kul'tury kak voobrazhayemaya real'nost'* [Monument of culture as an imaginary reality]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv — Herald of the St. Petersburg State University of Culture and Arts, 2017, no 4 (33), pp. 76—80 (in Russ.).

4. Ginzburg C. *Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI v.* [Cheese and worms. Picture of the world of one miller, who lived in the XVI cent., transl. from Ital. M. L. Andreeva, M. N. Arkhangelskoy]. Moscow, Russian political encyclopedia Publ., 2000, 272 p. (in Russ.).

5. Geyser M. M. *Faina Ranevskaya* [Faina Ranevskaya]. Moscow, Young guard Publ., 2010, 308 p. (Life of remarkable people: Small series) (in Russ.).

6. Shpet G. G. *Istoriya kak problema logiki: Kriticheskiye i metodologicheskiye issledovaniya* [History as a problem of logics: Critical and methodological research]. Vol. 3-d. Moscow, LIBROCOM Publ., 2011. 488 p. (in Russ.).

УДК 1:93

Г. Л. Тульчинский**Оценочно-эмоциональные факторы смыслообразования:
нормативно-ценностные паттерны нарративов культуры***

Нарративы играют ключевую роль в смыслообразовании, социально-культурных практиках, формировании идентичности личности. Статья содержит ценностно-нормативную модель нарративного смыслообразования. Предложенная модель позволяет систематически представить темы культуральной наррации относительно эмоционально-оценочных переживаний, которые выражаются в нарративах и порождаются ими. Это открывает возможности построения аналитических профилей нарративных практик различного уровня и масштаба.

Ключевые слова: культура, наррация, оценка, повторы, ритм, смыслообразование, ценностно-нормативные системы, эмоции.

G. L. Tulchinskii. Estimating and emotional factors for meanings generation: normative-value patterns of cultural narratives

Narratives play a key role in the meaning formation, socio-cultural practices, the personal identity formation. The article contains a value-normative model of narrative meaning formation. The proposed model allows us to present systematically the themes of cultural narration regarding emotional and evaluative experiences, which generated by narratives. This opens up the possibility of building analytical profiles of narrative practices of various levels and scales.

Keywords: culture, emotions, estimating, meanings generation, narration, repetitions, rhythm, value-normative systems.

Семиозис: сысловая структура социального опыта

Ч. У. Моррис был не так уж далек от истины, когда утверждал, что «понятие знака может оказаться таким же фундаментальным для науки о человеке, как понятие атома для физики, химии, а по-

нятие клетки для биологии» [20, с. 42]. Эта роль знака заключается в его посредующей роли в освоении и осмыслении человеком действительности: специфическую детерминацию человеческого бытия составляет роль знаковых систем в сохранении и трансляции социально-культурного опыта, формировании смысловой картины мира, связанной с этим опытом.

Будучи связанными с определенными программами социально-практической деятельности, любые элементы культуры носят знаковый характер. Знаком оказывается «всякий искусственно созданный человеком условный стимул, являющийся средством овладения поведением — чужим или собственным» [4, с. 111—112]. Одежда, постройки, утварь, украшения, мебель, в принципе любая вещь обладают целым спектром значений (функций), определяемых видом практики, в которой они фигурируют. Передача социального опыта осуществляется прежде всего путем прямого вовлечения в совместную деятельность. Однако по мере усложнения и дифференциации общественной практики возникает необходимость в объектах-заместителях. Появляются знаки, по которым судят о других, находящихся с ними в причинной связи: жесты, признаки и т. п. Кроме этих — индексных — знаков, начинают использоваться также знаки иконические, не имеющие реальной связи с обозначаемым, но внешне подобные им: рисунки, схемы, подражательные звуки¹.

Полный разрыв замещаемого и замещающего происходит в языке, где эти стороны знака становятся «независимыми». Обусловлено это тем, что языковые знаки являются знаками вторичными, знаками знаков. Любой язык — путеводитель по смысловой куртине мира в рамках конкретной культуры, войти в которую можно только освоив ее язык. Поэтому осмысление природы языкового знака явля-

¹ С индексными и иконическими знаками связаны соответствующие основные виды магии: контагиозная и гомеопатическая. Первая апеллирует к отношениям части и целого, причины и следствия. Например, когда пытаются, воздействуя на часть предмета или тела (осколок, ноготь, волос, пища), добиться определенных целей относительно самого предмета. Вторая апеллирует к отношению подобия, когда манипуляции с изображением, рисунком, фотографией предполагают воздействие на изображаемый предмет. В принципе, эти фундаментальные отношения сохраняются и в современной науке. Так, прямым аналогом контагиозной магии является эксперимент, а моделирование — прямой аналог магии гомеопатической.

ется ключом к знаковому анализу в других сферах практики. Кроме того, в языке в силу «несобственности» значения языковых знаков наиболее явно, эксплицитно различение означающего и означаемого по сравнению с другими знаковыми системами. Именно этим объясняется феномен большей изученности языковых знаковых систем по сравнению с другими.

Вещи, поступки, явления природы в контексте определенных культур обладают семиотичностью не меньшей, чем языковые тексты, но наиболее полно раскрыть их смысловое содержание можно с помощью текстовизации — построения соответствующих языковых (речевых) конструкций. Словесный текст является лишь частным случаем реализации модели мира наряду с другими знаковыми системами (жилищами, орудиями труда, бытовыми предметами и т. д.), но только с помощью наррации можно эти частные смысловые конструкции вплести в целостную смысловую картину определенной культуры.

В предыдущих работах был экстрактирован инвариант идей Г. Фреге, Б. Паскаля, Ф. де Соссюра, В. Гумбольдта, Г. Г. Шпета, П. А. Флоренского, А. Н. Леонтьева и других относительно содержания смысловой структуры и уровней осмысления [15]. Исходным является различение в любом элементе культуры, рассматриваемом как знак, двух сторон: означаемого, то есть содержания той деятельности, того опыта, с которым связан и к которому отсылает данный знак, и означающего — собственно материальной формы знака, с помощью которой он выполняет свою знаковую функцию. Такой формой может быть материал, из которого изготовлен предмет, пятна краски, звук, телодвижения, электромагнитная запись и т. д.

В структуре означаемого, в свою очередь, можно вычленировать два основных компонента: во-первых, социальное значение — собственно социально-культурную программу, некий культурный инвариант, и во-вторых, личностный смысл, значение этого социального значения для конкретной личности. Соотношение материальной формы знака, социального значения и личностного смысла можно уподобить соотношению в двух треугольниках, образованных от пересечения двух прямых (рис. 1).

Эти два треугольника имеют общую вершину и общий угол при этой вершине. Все остальное — конфигурация, площадь и т. д. у этих

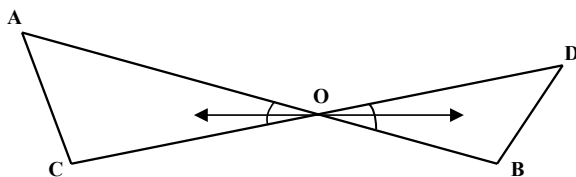

Рис. 1. Соотношение материальной формы знака, социального значения и личного смысла

треугольников могут быть самыми разными. Личностный смысл подобен этим треугольникам. Люди общаются ради смыслов. Но возможно это только при двух условиях: наличии материальной формы знака (общей вершины) и инварианта социального осмысления — социального значения (общей величины угла при общей вершине). Например, слово «лето» у каждого вызовет свой поток ассоциаций (личностный смысл): у кого-то это будет отдых на море, у кого-то — лес, грибы, ягоды, а у кого-то — огород, огород, огород... Но все понимают, что речь идет о некоем словарном инварианте социального значения, самом теплом времени года в северном полушарии.

В социальном значении можно вычлени́ть два аспекта: предметное значение (предметное содержание опыта) и функциональное социальное значение знака (особенности «программы» деятельности с этим предметом)¹. В общем случае предметное социальное значение может быть собственным, отсылать к материальной форме знака (например, стол имеет самого себя в качестве предметного значения), и несобственным (например, слово «стол»). Языковые знаки в своем обычном употреблении имеют несобственные предметные значения.

В личностном смысле также можно вычлени́ть два аспекта: оценочное отношение личности к данному значению и переживание этого отношения, непосредственный опыт ощущений и восприятий.

Итоговую систематизацию можно представить в виде схемы (рис. 2).

¹ В принципе, различие предметного и функционального социального значения соответствует различию объема и содержания понятия — эти логические характеристики являются точным концептуальным выражением данного различия.

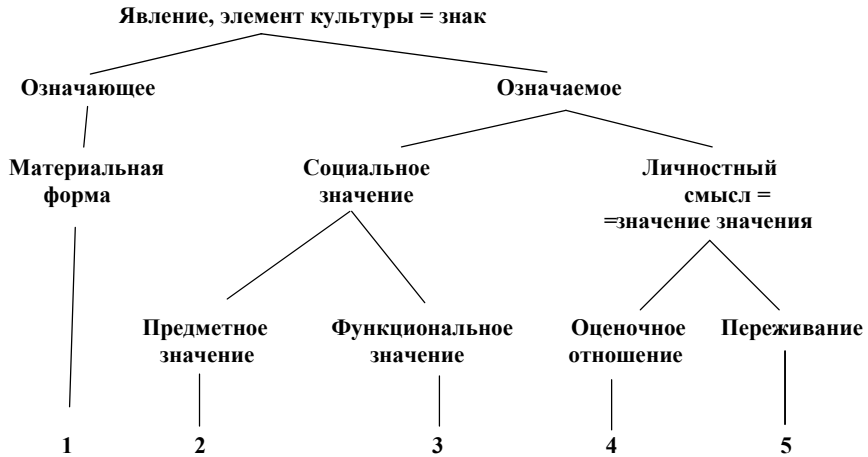

Рис. 2. Смысловая структура социального опыта

Эти компоненты могут быть выстроены в структуру, подобную детской «матрешке» (рис. 3).

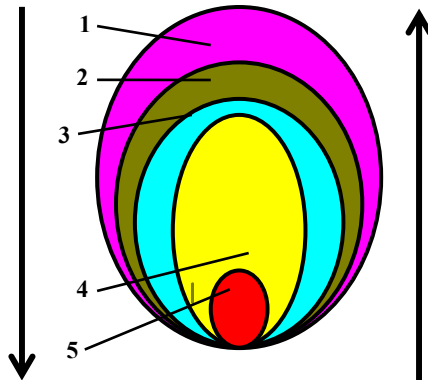

Рис. 3. Структура смыслового содержания социального опыта

Выделенные аспекты фактически подчеркивают единую деятельностьную природу смыслового содержания опыта: предмет деятельности (предметное значение), способ деятельности (функциональное смысловое значение), отношение к этой деятельности (оценка) и ее переживание.

Смысловое содержание социального опыта предстает, таким образом, как целостная система, элементы которой суть уровни осмысления и смыслообразования. Прохождение компонентов смысловой структуры от материальной формы (ее идентификации в восприятии) через социальное значение вплоть до глубин личностного смысла предстает как поэтапное погружение в смысловое содержание опыта, его субъективацию (распредмечивание, понимание). Обратное прохождение этих уровней дает представление о поэтапном воплощении, опредмечивании и объективации социального опыта. Компоненты смысловой структуры предстают также уровнями осмысления: идентификацией, референцией, интерпретацией, оценкой и эмпатией (сопереживанием, вчувствованием).

Центральную роль в смысловой структуре и в осмыслении играет функциональное социальное значение, которое задается соответствующими нормативно-ценностными системами общественной практики, от обыденной практики и производства до научно-технических, художественных и идеологических.

Однако источником и средством смыслообразования является личностный смысл. Личностный смысл не просто наслаивается на социальное значение, выражая индивидуальное отношение к надындивидуальному значению [8]. Его содержанием является ценностное отношение к деятельности и ее предмету, а также переживание этой деятельности.

Нарративная природа смыслообразования

При раскрытии их содержания, презентации и трансляции этого содержания и социальные значения (от статей в справочниках до проблемных аналитик) и личностные смыслы (как оценочные отношения и описания эмоциональных переживаний) нарративны, повествовательны.

Фактически нарративы¹ — способ выражения и построения смысловых структур. А смысл — порождение конечной в пространстве и времени системы, каковой является человек. Ему недоступ-

¹ Нарратив (от лат. *narrare* — рассказывать) — языковая, дискурсивная практика повествования.

на вся полнота знания бесконечного разнообразия мира. Поэтому он постигает это разнообразие всегда с какой-то позиции, с какой-то точки зрения, в каком-то смысле. И способом актуализации осмысления является его «текстовизация» в конкретных нарративах — в обыденной жизни, религии, экономике, науке, искусстве, политике, военном деле и т. д.

Нарративы играют важнейшую роль в формировании обыденного сознания и традиционного знания. Сказки, легенды, хроники, былины, житийные истории, эпос, биографии известных людей — все они формируют и транслируют представления о происхождении окружающего мира, данного социума, важнейших событиях, задают образцы нравственного поведения. В этом плане нарративы символизируют действительность, наполняя ее смыслом, задают шаблоны и образцы интерпретации действительности, выступая эффективным средством формирования смысловой картины мира и социализации [21]. Со временем к традиционным нарративным средствам социализации добавились система средств массовой информации, искусства, система образования, гуманитарные науки.

В терминах наррации, построения дискурсивных разъяснений, знание предстает системой трех типов или уровней нарративов:

- 1) эмпирической фактологии, предъявления описаний, данных. Этот нарратив подразумевает ответ на вопрос «что/кто?»;
- 2) каузальных связей, взаимосвязей и детерминаций между фактами — как ответ на вопрос «почему?»;
- 3) целевого контекста, раскрывающего замысел построения и использования целостного конструкта (ответ на вопрос «зачем?»)¹.

Все три уровня наррации имеют место во всех науках, вплоть до точных и естественных, где замысел, интенциональность, перформативность выносятся в целевой контекст исследования — его обоснования (актуальность, решаемая проблема, цели, задачи) и интерпретации результатов (их новизна, практическая значимость). Но в гуманитарном знании третий тип наррации непосред-

¹ Для пояснения уместно уподобление уровней нарративности структуре детектива: презентация ситуаций дополняется агрегацией пазла, в котором могут обнаруживаться смысловые, каузальные нестыковки целого. А завершает осмысление этого целого рефлексия, достраивающая осмысление до выявления мотиваций (в духе рассказа Э. Пуаро, мисс Марпл в финале).

ственно участвует в выстраивании предмета и содержания знания. Исходный посыл научного познания бифокален: с одной стороны, выявление объективной детерминированности явлений, каузальности, с другой — интенциональность, установки, выражающиеся уже в наблюдении, вычленении и распознавании предмета рассмотрения. Естественным наукам свойственно стремление элиминировать интенциональность, достичь максимально возможной объективности. В гуманитарных же, да и в социальных науках тоже, интенциональность проявляется в обоих фокусах: это не только познающий субъект, но и участники исследуемой предметности, обладающие намерениями, стремлениями, надеждами, планами, волей к их реализации. Иначе их чаяния, стремления, надежды редуцируются к абстрактным схемам, а сами они уподобляются автоматам в мире каузальности.

Ценностно-нормативная модель паттернов смыслообразующей наррации

Многими исследователями неоднократно обращалось внимание на то, что набор механизмов наррации ограничен и поддается систематизации. Более того, эти схемы наррации оказываются универсальными для смыслообразования практически в любых сферах социально-культурной деятельности. Так, выявленные В. Я. Проппом на материале афанасьевского корпуса русских сказок чуть больше 30 элементов сюжетосложения (названных им «функциями») [11], оказались релевантными для моделирования искусственного интеллекта. Традиционные жанры эпоса были применены В. Цымбурским для описания специфики культурно-цивилизационных идентичностей [16]. Обобщение этого круга идей позволяет выявить некий экстракт — своеобразное пространство смыслообразования (рис. 4).

Исходной идеей этой модели является роль смысла в попытках конструктивного преодоления неопределенности, порождающей экзистенциальный и когнитивный дискомфорт. Выстраивая осмысляющие нормативы, человек преодолевает эти дискомфорты, связанные с ними неоднозначности, тревоги, страхи. При этом факторы личного опыта и эмоций, связанных с переживанием этого опыта,

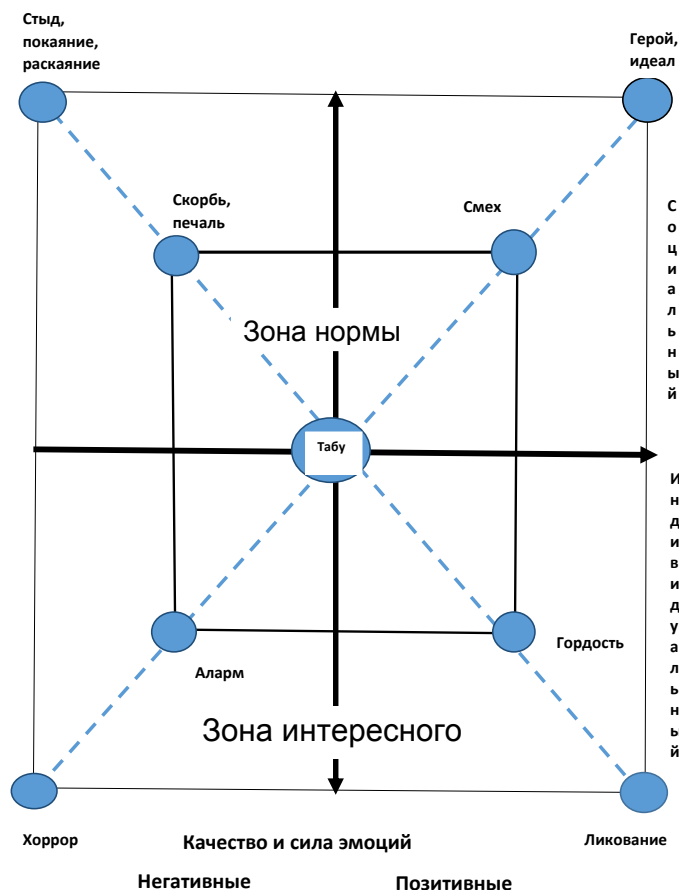

Рис. 4. Ценностно-нормативная модель нарративного смыслообразования

например угроз выживанию, предшествуют факторам рационально-когнитивным [7, с. 42—45]. В строящихся нарративах объяснения вторичны, играют роль поздней (или защитной) рационализации эмоционально-окрашенных переживаний. Дети до трех лет — как и домашние животные — не очень понимая референциональность, реагируют на интонации. С этой оценочно окрашенной эмоциональности (=интенциональности) и начинается осмысление. Как в сказке про Алису: сначала появляется улыбка Чеширского кота, потом

к улыбке прорисовывается кот. Потом кот исчезает, а улыбка некоторое время остается. Впрочем, и у стариков то же самое — сначала угасает референциональность, последней — интонация.

Без эмоций нет и не может быть решений, стремлений к их реализации. Без человека мир амбивалентен, лишен смысла, который возникает только с человеком как носителем сознания и свободы. В. В. Налимов говорил о мире как семантическом вакууме, проводя аналогию с моделью строения материи как физического вакуума, при энергетическом воздействии на который возникают элементарные частицы. Так и семантический вакуум порождает смысловые структуры при воздействии на него человека (μ -функции В. В. Налимова), энергетикой своей жизни порождающего смыслы. Будучи, как уже отмечалось, существом конечным, он, помещая себя в этот смысловой континуум, позиционирует себя в нем, относится к нему, оценивает его, действует в нем, пытается изменить существующее, увиденное, что невозможно без эмоций.

В искусстве русского авангарда истоком творческой деятельности также полагалась эмоция, чувственная аффектация переживаний автора, передаваемая через художественную форму. Так, применительно к живописи — через совмещение фигуры и цвета, различные комбинации которых порождают определенные типы эмоциональных реакций зрителей. В этой связи даже предпринимались попытки разработать эмпирически обоснованную своего рода грамматику чувственности [17].

Важно подчеркнуть, что модель представлена в виде не диаграммы, а именно пространства, определяемого двумя осями, это пространство задающими, что позволяет квалифицировать сюжетосложение, проследивать его динамику. Горизонтальная ось представленной модели связана с ключевой ролью эмоционально-оценочных факторов смыслообразования. Согласно известной концепции П. В. Симонова [13], качество и сила эмоций ($\mathcal{E}$) зависят от потребности решить некую проблему (Π) и разности информационного (знаниевого) потенциала — между имеющейся информацией (Ии) и информацией, необходимой для решения проблемы, снимающей неопределенность (Ин):

$$\mathcal{E} = \Pi (\text{Ии} - \text{Ин}).$$

Чем сильнее потребность, тем сильнее эмоциональное переживание. И если имеющегося знания достаточно, то эмоция положительна, а если недостаточна, то эмоция негативна (от дискомфорта и тревожности до страха, ужаса и паники).

Вертикальная ось связана с соотношением индивидуального и социально-группового уровня оценки и переживания.

В свою очередь, диагонали позволяют проследить перформативные установки наррации. Диагональ «левый низ — правый верх» представляет «когнитивную» линию установки на противостояние неопределенности, борьбу с нею, крайним проявлением чего является насилие. Герой, защитник в этом противостоянии способен проявить сверхнормативное насилие. Другой — разрушительной — крайностью выступает хоррор, ужас бессилия перед разрушительной силой. Крайние точки этой диагонали демонстрируют отношение к такому сверхнормативному насилию: позитивно-конструктивному со стороны героя и негативно-разрушительному со стороны стихии или врага. Диагональ «левый верх — правый низ» прослеживает моральные установки на выражение ответственности социализированной личности: от стыда и раскаяния до гордости за торжество желаемого должного и ликующей сопричастности.

Выделенные в модели узлы позволяют обозначить определенные формы наррации, их основную тематику, а также зону нормативности (внутренний квадрат) — свою для каждой конкретной культуры, сферы деятельности и связанного с ними социума. Одновременно фиксируется и «зона интересного» — нарраций, порождающих повышенный интерес (новости, слухи, эпатаж), поскольку их тематизация выходит за рамки нормативного, которое обычно интерес не вызывает [5].

Как координатные оси, так и диагонали пересекаются в точке отсчета любой культуры — системы запретов. Ограничения, табуирование задают первичное социальное нормирование, свойственное культуре как определенному способу жизни конкретного социума, отличающего его от других. Эмоционально негативные отклонения от нормы связаны с переживаниями и соответствующими нарративами на социальном уровне — от скорби и печали до стыда и покаяния, а на индивидуальном — от тревоги до ужаса. Позитивные эмоции связаны с торжеством разделяемых представлений о желаемом

должном: на социальном уровне от смеховой радости этого торжества до прославления идеального героя, а на индивидуальном — до гордости за сопричастность.

Главное же в данном контексте то, что представленная модель увязывает в целостной картине традиционные культурно-исторические темы, определяющие осмысление социальной реальности, историческое наследие и культурную идентичность. Более того, данная модель открывает возможности построения аналитических профилей нарративных практик различного уровня и масштаба: национальных, этнических, профессиональных культур и субкультур, их сопоставления. Действительно, традиционные тематические компоненты культурных идентичностей, исторической памяти хорошо известны: отцы-основатели, герои, жертвы, события и места, с ними связанные, важные для памяти гордости и скорби. Связанные с ними нарративы занимают свои вполне определенные места в пространстве предложенной модели.

Так, уже предварительные исследования показывают, что российской культуре, осмыслению ее истории в большей степени свойственны торжествующие исторические нарративы, чем нарративы скорби, печали раскаяния [14; 19], как, например, в германской [2], что требует обоснования анализа выявления факторов такой акцентуации. В первом приближении за такой акцентуацией стоит исторический опыт выживания в критических ситуациях, требующий экстраординарных усилий: героическое и сакральное сверхнормативно. В этом плане нравственный максимализм и страстотерпение в применении к власти приводят к ультрапарадоксальному единству взаимоисключающих характеристик. Профанные нормы не распространяются на власть. Поэтому, с одной стороны, она непререкаемо сакральна, а с другой — ее можно обманывать, не выполнять обязательства, красть. Не случайно на Руси самодержец — предмет искреннего поклонения, помазанник Божий, отец родной и почти одновременно — проклинаемый всеми злодей, а то и Антихрист. «Сама по себе власть, по крайней мере власть самодержавная, — это нечто, находящееся либо вне человеческого мира, либо ниже его, но во всяком случае в него как бы и не входящее. Благословение здесь очень трудно отделить от проклятия», — писал С. С. Аверинцев [1, с. 235].

Роль повторов эмоционального переживания

Практика наррации, выстраивающей смысловую картину мира, предполагает закрепление соответствующих эмоций на уровне переживаний соответствующего эмоционального состояния. Эту функцию выполняет практика повторов опыта таких переживаний. «Повторяются, возвращаются не смысловые аспекты в их предметности (т. е. отвлеченные от личностной активности), а моменты живого ощущения деятельности, активности. Деятельность не теряет себя в предмете, а снова и снова чувствует единство в себе самой, в напряжении души и тела» [3, с. 64]. Такое единство есть единство личностного переживания деятельности. Речь идет о сфере телесного опыта, расположенной между ощущением тела как части объектного мира и потоком частных телесных ощущений, собираемых в некое психосоматическое единство. Содержание атрефакта культуры — не столько в его предметном значении, сколько в форме его сделанности и презентации, порождающих определенное переживание опыта.

Причем особую роль в сохранении и возврате чувства единства деятельности играет ритм [12]. На этом основана роль ритма в организации трудового процесса, поэтической речи, в изобразительном, пластическом искусстве. Повторы, ритмика, рифмы в поэзии обеспечивают возвращение, повторение переживаний, эмоций. На этом базируется грандиозная роль музыки в стимулировании и закреплении эмоций — от армейских маршей до лирической песни и классической музыки. Переживания и сопереживания этих эмоциональных повторов и определяют смысловое содержание художественных образов и произведений и коммуникации в целом.

Очевидно, можно говорить о фундаментальной смыслообразующей функции повторов — именно с их помощью закрепляются нейронные сети, формируя память, которая, в свою очередь, почти эффе-мизм сознания, вменяемости. Повтор, повторение опыта формируют и закрепляют память: все приемы запоминания (мнемотехники) основаны на повторах. Не лишне напомнить, что критериями сознания, вменяемости (в суде, экспертизе) является способность назвать свое имя, адрес проживания, даты и т. п. А в немецком языке глаголы думать (мыслить) и помнить — однокоренные: *denken* и *andenken*. Память — суть и критерий самосознания. «Опомниться» означает «вспомнить себя», «прийти в себя» «вернуться к себе», «повторить себя». Собственно,

сама возможность мышления, когнитивные процессы — от распознавания до мифопоэтических образов и научных рассуждений — строятся на возможности отождествления, в логических терминах — на законе тождества ($A = A$). Другими словами, начало и возможность сознания, его выражение — суть та или иная степени устойчивости, инвариантности, что возможно только при условии повторяемости.

Повторы акцентированно используются не только в обучении, но и в пропаганде, попытках внушения, являются одним из эффективных приемов манипуляции в массовой коммуникации. Они широко практикуются в художественной культуре массового общества, «повторной», даже сериальной по самой своей природе. Маскулыт пользуется повторным, неоднократным ага-узнаванием хорошо известного, привычного, транслируя стандартную нормативность. Собственно, в этом и состоит его участие в социализации. Такое акцентированное педалирование нарративных повторов порождает инфантильность стилистики массового искусства. Помимо нацеленности на коммерческие результаты артефактов массовой культуры, что, как и их маркетинг, невозможно без простого узнавания сюжетов и образов, это связано с апелляцией к глубоко архаичным слоям смыслообразования и сознания: с точки зрения психоанализа, речь идет об апелляции к регрессивным психическим состояниям.

Артхаус, «авангард», тоже участвует в социализации, но иначе — не транслируя норму, а провоцируя ее, тестируя и проверяя ее границы, порождая — в терминах предложенной модели — «интересное». Площадки современного искусства становятся площадками аномативности, смыкаясь с политическим протестом, освобождаясь от институтов, разума, морали, подавляющих нас. Новое в искусстве — это что-то неповторимое, неузнаваемое, необычное. Это может быть необычный образ, принципиально новый концепт, а может быть необычный взгляд на хорошо известное, привычное. То, что происходит на сценах, в выставочных залах, на экранах, страницах книг — недопустимо в норме. Но для такой провокативности, гипеространения нормы нужна сама норма, нужно привычное, узнаваемое, чтобы его повторить и преодолеть.

Однако, как представляется, маскулыт и артхаус в главном едины — различия между ними только в рыночном позиционировании. В массовом искусстве, в силу имманентной самодостаточности об-

щества массового потребления, утраты им образа будущего, настоящего, современное есть не переход от прошлого к будущему, а пролиферация нарративов о прошлом¹. Настоящее не ведет к будущему, не инвестируется в него, а постоянно самовоспроизводится. Это искусство самоповторения и самопродуцирования. Б. Гройс характеризует это как неуверенность в истине, но уверенность в пересмотрах [6]. Поэтому и нынешний «авангард» по самые брови в настоящем, его повседневности и обыденности, когда новое подменяется накоплением различий за счет острашения старого, известного: сериалы, сиквелы, приквелы, пародии и прочие перепевы «старых песен о главном». Символом этой новизны и уникальности как «вечного, бесконечного настоящего» [6, с. 86] является редимейд (ready made) в качестве артефакта, когда автором, художником, используются и представляются не им созданные предметы, вещи, тексты: от кирпича и консервной банки до предметов ширпотреба и старого писсуара. Масскульт легко переходит в артхаус, а тот (в случае попадания в модный тренд) — в масскульт и тиражирование. А попадание артефакта в музей означает его попадание в архив для новых проектов, каковым музей, собственно, и оказывается.

Однако дело не ограничивается сериализацией искусства. Политика, спорт, новости, войны, телешоу, Инстаграм, Фейсбук, ВКонтакте порождают столько образов, что конкурируют с искусством и даже его превосходят. Это множество легко узнаваемых образов, брендов задает, по сути дела, типологию мифов, порождающих определенные эмоции, направлен на стимулирование этих эмоций, желаний. Повторы обеспечивают стандартизированность эмоциональных состояний аудитории, массовых коммуникаций, обращение к ее эмоциональной памяти. Как писал Х. Ортега-и-Гассет: «...кто хочет на нее (массу) влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое» [10, с. 220].

Повторяемость — главное условие мифологизации. Миф и есть вечно воспроизводящийся нарратив и образ [18], придающий смысл происходящему. Он больше, чем реальность, он то, что делает реаль-

¹ Такая потеря исторической перспективы способна обернуться непродуктивно потраченным временем настоящего [9, с. 57—58, 82—85].

ное реальным, узнаваемым и понятным. Ритуалы, обряды, культурные традиции в целом закрепляют повторы с помощью памятных знаков, монументов, охранных зон, задающих пространственно-вещественные маркеры культурной памяти. Празднование знаменательных дат, юбилеев, других праздников, обычно связываемых с этими местами, локациями, задают темпоральность повторов, закрепляющих смысловую картину мира. Но ключевым моментом таких хронотопов выступают именно нарративы, конкретизируемые этими пространственными и временными привязками к реальности.

Кажущееся довольно комичным правило начальной школы — «повторение — мать учения» — оказывается выражающим принципиально важный и глубокий механизм смыслообразования. Более того, именно повторы, закрепляющие нарративы в культуре, становятся перформативами поведения и мотивации. Особенно ярким примером являются мораль и ее формализация в праве, когда неоднократное применение нарратива превращает его в правило оценки, контроля и стимулирования поведения.

Реальность нарративна и зависит от ценностно-нормативных операторов, задающих контекст осмысления, сводящих личностные переживания в фокус социальных значений, закрепляя это повторами. По сути, речь идет об упорядочении хаоса, преодолении неопределенности и связанных с ними фобий, аларма, сводя различные точки зрения (распределенное знание индивидуальных монад [9, с. 185]) к общему порядку осмысленной картины мира. Именно смысловая наррация обеспечивает содержание (контент) действия культуры как «машины» смыслообразования и формирования определенных типов идентичности.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 9. С.227—339.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.
4. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М.: Изд. Акад. педаг. наук, 1960. 304 с.

5. Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
6. Гройс Б. О новом. Опыт экономики культуры. М.: Ад Маргинем пресс, 2015. 240 с.
7. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.
8. Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 2003. 488 с.
9. Малышкин Е. В. Две метафоры памяти. СПб.: СПб ГУ, 2011. 246 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2001. 509 с.
11. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
12. Ритмология культуры / под ред. Ю. Ю. Ветютнева, А. И. Макарова, Д. Р. Яворского. СПб.: Алетейя, 2012. 280 с.
13. Симонов П. В. Лекции о работе головного мозга. Потребностно-информационная теория высшей нервной деятельности. М.: Ин-т психологии РАН, 1998. 98 с.
14. Тульчинский Г. Л. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 10—14.
15. Тульчинский Г. Л. Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006. С. 196—428.
16. Цымбурский В. Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные исследования. М.: Европа, 2011. 370 с.
17. Чубаров И. Коллективная чувственность. Теории и практики левого авангарда. М.: ИД ВШЭ, 2016. 344 с.
18. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетейя, 1998. 250 с.
19. Etkind A. Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied. Stanford: Stanford Univ. Press, 2013. 326 p.
20. Morris Ch. W. Foundation of the Theory of Signs. (International encyclopedia of unified science, vol. 1, No. 2) The University of Chicago Press, Chicago 1938, vii + 59 p.
21. Sommers M. R. The Narrative Constitution of Identity: a Relational and Network Approach // Theory and Society. 1994. Vol. 23, No. 5, p. 606—649.

References

1. Averintsev S. S. *Visantija i Rus': dva tipa dukhovnosti* [Byzantium and Rus: two types of spirituality]. *Novyj mir — New world*, 1988, no. 9, pp. 2278—339. [In Russ.].

2. Assman A. *Dlinnaja ten' proshlogo: memorialnaja kul'turai i istoricheskaja politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik], trans. by B. Khlebnikov. Moscow, NLO Publ., 2014, 328 p. (In Russ.).

3. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovanija raznykh let* [Questions of literature and aesthetics: Studies of different years]. Moscow, Khudozhestvennaja literature Publ., 1975, 504 p. (In Russ.).

4. Vygotsky L. S. *Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsij* [The development of higher mental functions]. Moscow, Publ. Akad. pedagog. nauk, 1960, 304 p. (In Russ.).

5. Golosovker Ya. E. *Izbrannoe. Logika mifa* [Favorites. The logic of the myth]. Moscow; St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, 2010, 496 p. (In Russ.).

6. Groys B. *O novom. Opyt ekonomiki kul'tury* [About the new. Experience the economy of culture]. Moscow: Ad Marginem Publ., 2015, 240 p. (In Russ.).

7. Inglehart R. F. *Kulturnaja evolutsija* [Cultural Evolution]. Moscow, Mysl Publ., 2018, 347 p. (In Russ.).

8. Leontiev D. A. *Psikhologija smysla* [Psychology of sense]. Moscow, Smysl Publ., 2003, 488 p. (In Russ.).

9. Malyshkin E. V. *Dve metaforj pamjati* [Two metaphors of memory]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2011, 246 p. (In Russ.).

10. Ortega i Gasset H. *Vosstanie mass* [Rise of the Masses.] Moscow, AST Publ., 2001, 509 p. (In Russ.).

11. Propp V. Ya. *Morfologija volshebnoj skazki* [The morphology of a fairy tale]. Moscow, Labyrinth Publ., 1998, 512 p. (In Russ.).

12. *Ritmologija kul'tury* [Rhythmology of culture], ed. by Yu. Yu. Vetyutnev, A. I. Makarov, D. R. Yavorsky. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2012, 280 p. (In Russ.).

13. Simonov P. V. *Lektsii o rabote golovnogo mozga. Potrebnostno-informatsionnaja teorija vysshej nervnoj dejtelnosti* [Lectures on the work of the brain. Need-Information Theory of Higher Nervous Activity]. Moscow, Institute of Psychology RAS, 1998, 98 p. (In Russ.).

14. Tulchinskii G. L. *Sootnoshenie istoricheskoy i kulturnoj pamjati: praktiki zabvenija* [The rationalization of the historical and cultural memory: the practice of oblivion]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki — Social-Political Sciences*, 2016, no. 4, pp. 10—14. (In Russ.).

15. Tulchinsky G. L. *Telo svobody* [Body of freedom]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2006, pp. 196—428. (In Russ.).

16. Tsymbursky V. L. *Konjunktury Zemli i Vremeni. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie intellektualnye issledovanija* [Conjuncture of Earth and Time.

Geopolitical and chronopolitical intellectual research]. Moscow, Europe, 2011, 370 p. (In Russ.).

17. Chubarov I. *Collectivnaja chuvstvennost': teorii i praktiki levogo avangarda* [The Collective Sensibility: Theories and Practices of the Left Avant-Garde]. Moscow, HSE Publishing House, 2016, 344 p. (in Russ.).

18. Eliade M. *Mif o vechnom vozvratsshenii* [Myth of the eternal return]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 1998, 250 p. (In Russ.).

19. Etkind A. Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied. Stanford, Stanford Univ. Press, 2013, 326 p.

20. Morris Ch. W. Foundation of the Theory of Signs. (International encyclopedia of unified science, vol. 1, no. 2). The University of Chicago Press, Chicago 1938, vii + 59 p.

21. Sommers M. R. The Narrative Constitution of Identity: a Relational and Network Approach. *Theory and Society*, 1994, vol.23, no. 5, pp. 606—649.

ПЕДАГОГИКА

УДК 372.881.1

Т. П. Королева

Формирование лингвокультурологической компетенции школьников при изучении грамматики русского и коми (родного) языков

Статья посвящена определению некоторых аспектов содержания программы межпредметного элективного курса, основанного на вопросах грамматики русского и коми (родного) языков, предполагающего развитие лингвокультурологической компетенции школьников.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, языковая картина мира, сопоставительный анализ, глагол, микроисследования.

T. P. Koroleva. Development of linguoculturological competence of schoolchildren in the process of studying the grammar of the Russian and native (the Komi) languages.

The article is devoted to defining some aspects of the contents of the program of interlingual metadisciplinary elective course which is based on the questions of the grammar of the Russian and native (the Komi) languages, and which is meant to develop the linguoculturological competence of schoolchildren.

Keywords: linguoculturological competence, linguistic world-image, comparative analysis, verbal categories, microanalysis.

Школьные программы по русскому и коми языкам [8], разработанные по Федеральным государственным стандартам общего и среднего образования [11], предполагают формирование целого комплекса компетенций, в состав которого входит и культуроведческая, предусматривающая освоение культуры изучаемого языка в процессе овладения им, осознание родного языка как формы выражения национальной культуры, знакомство с историей и культурой народа, говорящего на изучаемом языке. В Примерной программе по коми (родному) языку для 5—9 классов подчеркивается необходимость формирования «основы для понимания особенностей разных культур и воспитания уважения к ним; формирование базовых умений, обеспечивающих возможность дальнейшего изучения языков, с установкой на билингвизм» [8].

Наиболее благоприятной основой для формирования культуроведческой компетенции является, разумеется, процесс овладения лексикой и фразеологией. Именно поэтому создание данной компетенции рассматривается в научно-методической литературе преимущественно на материале лексики и фразеологии изучаемого языка. Основным средством обучения при этом, естественно, выступают связные тексты, посвященные истории и культуре народа. Однако для успешного лингвистического развития школьников и осуществления речевой деятельности необходимо формирование, наряду с культуроведческой, и лингвокультурологической компетенции. В процессе изучения языков есть возможность не только познать историю, культуру, обычаи народа изучаемого языка, но и погрузиться в сферу **самого** языка и увидеть **в нём**, в его структуре, формах, взаимосвязях, особенности отражения языковой картины мира, поскольку, как утверждают исследователи, «лингвистика, выражающая культурологические понятия, проявляется во всех своих понятиях» [12, с. 35].

Под лингвокультурологической компетенцией учащихся в методике понимается совокупность «знаний и умений, позволяющих ребенку воспринимать и интерпретировать языковые факты как факты культуры на вербально-семантическом, тезаурусном и мотивационно-прагматическом уровнях» [5, с.135].

В методике обучения русской грамматике этот аспект разработан недостаточно, а в процессе изучения русского языка в услови-

ях коми-русского двуязычия, на наш взгляд, практически не изучен, тогда как согласованное, соотнесённое изучение грамматик русского и коми (родного) языков, а также иностранного позволило бы формировать поликультурную компетентность, обогатить представления учащихся о картинах мира, отражаемых **различными** языками, а также предупредить интерферентные ошибки в речи детей, обеспечивать успешную коммуникацию.

Особенно плодотворно, на наш взгляд, эта работа может осуществляться в старших **профильных гуманитарных** классах при изучении базовых языковых дисциплин, а также на **элективных** занятиях, поскольку они предполагают обобщение и систематизацию материала, рассмотрение не только отдельных языковых единиц и конструкций, но и грамматических категорий и характер их выражения. Развитие лингвистического мировоззрения в условиях двуязычия связано также с формированием метапредметных системных знаний о языке, представлений о своеобразии языков как явлении культуры.

Рассмотрим некоторые аспекты содержания и методики проведения **межпредметного элективного** курса, основанного на вопросах грамматики русского и коми (родного) языков.

Для разработки методической системы формирования лингвокультурологической компетенции в полиэтнических классах необходимо определить то, что составляет общее в структуре изучаемых языков, и то, что отличает их друг от друга, особенно с точки зрения лексической и грамматической семантики, создающей «национально-специфическое видение мира в языке этноса» [9, с. 66].

Можно определить весьма обширный материал для выявления общих моментов в выражении смысловых и грамматических значений в русском и коми языках. Например, для выражения состояния окружающей среды, состояния человека в обоих языках используются слова категории состояния, выступающие в одинаковой синтаксической функции сказуемого в односоставных предложениях, например: *Тепло. — Шоньд. Темно. — Пемыд. Тяжело. — Съёкыд. Грустно. — Гажтӧм.*

Однако большее внимание необходимо уделить языковому материалу, различающемуся в изучаемых языках, часто вызывающему интерферентные ошибки в речи учащихся: отсутствие катего-

рии рода в коми языке; своеобразие глагольных категорий; наличие понудительного залога в коми языке (*вурӦДны платтьӧ — попросить кого-то сшить платье*); особенности грамматических правил построения предложений с деепричастиями (в русском языке главное и зависимое сказуемые относятся к одному субъекту: *С беспокойной совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидаться* (А. С. Пушкин), в коми — это правило менее строгое) и др. В результате сопоставлений учащиеся убеждаются в различном выражении универсальной категории притяжательности в русском и коми языках: в русском языке она выражается с помощью словосочетаний (*моя книга, твоя книга, его книга*), в коми языке такая структура также представлена (*мена́м книга*), но существует и другой способ, суффиксальный (*книгаӦЙ, книгаЫД, книгаЫС, книгаНЫМ, книгаНЫД, книгаНЫС*). В программу наблюдений включается образование коми глаголов, имеющих отношение к действию, связанному с одеждой, от существительных с помощью суффиксов: *сапӧг (сапог) — сапӧгАСьны (надеть сапоги), вӧнь (пояс) — вӧнЯСьны (подпоясаться), шапка (шапка) — шапкаАСьны (надеть шапку), пальто (пальто) — пальтоАСьны (надеть пальто), шарп (шарф) — шарпАСьны (надеть шарф), кӧм (обувь) — кӧмАСьны (обуться), чышъян (платок) — чышъянАСьны (надеть платок)* и др. В русском языке, пожалуй, можно привести в качестве подобного примера только следующее префиксально-суффиксальное образование: *пояс — подпоясать, подпоясаться*; и увидеть противоположный процесс — образование существительного от глагола: *обуть — обувать — обувь; одеть — одежда*. В коми языке данные действия передаются конкретнее, чем обобщённые в русском.

Рассмотрим своеобразное отражение картины мира в языках в процессе изучения **глагола**. Глагольные категории и формы изучаются как на уроках коми (родного) языка, так и на уроках русского. При этом формирование представлений о глагольных категориях происходит, к сожалению, без соотнесения даже периода времени изучения программного материала в соответствующих классах.

По программе элективного курса целесообразно предусмотреть продолжение изучения программного материала, запланировав сопоставительный анализ языковых категорий и средств их выра-

жения, который поможет учащимся определить особенности грамматических систем изучаемых языков, увидеть наличие общих категорий, а также определенных нюансов в выражении смысловых отношений, общее и различное представление картины мира, отраженной в языках; выявить национальную специфику в грамматике; поразмышлять об особенностях ментальности людей, говорящих на разных языках. Все это позволит школьникам лучше ориентироваться не только в русском языке, но и в родном.

Рассматривая универсальные категории русских и коми глаголов (лицо, число, наклонение, время, залог), учащиеся убедятся в том, что их выражение имеет особенности, в том числе связанные и с национальным своеобразием с точки зрения содержания и его представления (9, с. 136—157). Так, например, изучение категории грамматического времени на уроках русского и коми языков может завершиться сопоставлением, которое покажет наличие в обоих современных языках форм глаголов настоящего, будущего и прошедшего времени, но также и отличие в языках: присутствие в коми языке двух многозначных форм прошедшего времени: первого и второго (сравним: *«Усислым»* и *«Усьома лым»* — в переводе соответственно *«Выпал снег»* и *«Оказывается, выпал снег»*). Второе прошедшее («аддзывтӧм колян кад») обозначает завершенное до момента речи, результативное действие, с включением компонента значения неочевидности (действие произошло без присутствия автора высказывания и знания им об этом действии, это знание получено через что-то или через кого-то). То есть в этой глагольной форме с суффиксом передается не только временное значение, но и модальное значение, и в ней отражается личностный фактор. В русском языке соответствующее значение передается с помощью вводного компонента. Учащиеся приходят к выводу об общих моментах во временных системах глагола, а также подчеркивают различие в языковых средствах их выражения. Таким образом, изучение временных форм в различных языках расширяет и углубляет представления детей о философском концепте «время».

Наиболее трудной категорией для коми школьника является усвоение русских видовых глагольных форм, поскольку средства выражения способов осуществления действия в русском и коми языках различны и не имеют прямой соотнесенности. Именно это обстоятельство вызывает большие сложности при усвоении и использова-

нии глагольных видовых форм коми учащимися, порождает ошибки на смешение видовых форм глагола в русской речи и требует разработки особой системы предупреждения интерферентного влияния родного языка при изучении русского, тем более что, как показывает анализ учебника коми языка, способы глагольного действия описываются в нем весьма упрощенно [3, с. 216].

В элективном курсе старшеклассники могут познакомиться с **различными** точками зрения лингвистов в исследовании категорий вида и залога, которое осуществляется с разных позиций [14]. В описании способов действия на коми языке исследователи учитывают целый ряд факторов и нюансов. Предлагаем учащимся сопоставить некоторые из них.

В. И. Лыткин и Д. А. Тимушев в «Очерке грамматики коми языка» называют способы совершения действий видами глаголов и называют следующие: временный, уменьшительный, однократный, многократный, разбросанный, начинательный, законченный, длительный [7].

В. М. Лудыкова отмечает в коми языке выражение следующих способов протекания действия: многократное действие, непродолжительное, мгновенное, регулярно повторяемое, кратковременное, длительное; распространяемое в разные стороны, по разным объектам и др. [6, с. 15, 39—41].

Е. А. Цыпанов, характеризуя способы действия, даёт им дополнительную характеристику по степени совершения действия, различая нейтральную, уменьшительную и усилительную степени, передаваемые с помощью суффиксов [13, с. 244—254].

Предлагаем учащимся соотнести средства выражения способов действия в коми языке (суффиксы) с видовыми формами русских глаголов. При этом должен учитываться и контекст высказывания, так как при переводе один и тот же коми глагол может соответствовать русскому глаголу и совершенного, и несовершенного вида: *(Кужасны ѓмӧй этайӓяс гӓгӓрвоны пӓрысь мортӓс? (И. Белых) — Могут ли эти понять/понимать старого человека; Кодкӧ кулӧ. Кодкӧ чужӓ (И. Белых) — Кто-то умрет/умирает. Кто-то родится/рождается.*

Задание. Охарактеризуйте характер протекания действия в данных предложениях, выразите его на русском языке и определите вид русских глаголов.

*Пуксис туй бокин сулалысь коз улö **шойчыштны** (И. Белых) — Сел под стоящей у обочины ёлкой немного отдохнуть. Пекла гöтырыс **шулывліс** же эськö негораа броткигтырйи: бара нин, пöрысьöй, ыв-ла ывлö петан? Кынман öд (И. Белых) — Хоть жена Фекла время от времени негромко ворча говаривала: опять уже, старый, выходишь на улицу? Замерзнешь ведь. Бара **заводитліс** клёнгыны тасьтясон (И. Белых) — Опять начинала греметь тарелками. Сійö нöшта öтчыдысь ставсö **видлаліс** (И. Белых) — Он ещё раз все просмотрел. Демит юр вежöрын **визьнитісны** тайö казьтылан мöвпясыс... (П. Доронин) — В голове Демита пронеслись эти воспоминания. Праздникъяс кежлö Макла сиктö ордйысьны **волывлісны** сё да унджык верст сайысь (Я. Рочев) — К праздникам в село Макла прибывали соревноваться за сто и больше верст.*

Таким образом, наблюдения в выражении действия с помощью глагольных форм на коми языке помогут убедиться учащимся в том, что говорящий подходит к характеристике действия достаточно дифференцированно, учитывая целый комплекс параметров, не соотносимых прямо с конкретными глагольными видовыми формами в русском языке.

Непременным условием изучения на уроках и занятиях элективных курсов видовременных форм глагола является рассмотрение их на текстовом уровне, с точки зрения употребления глагольных форм и соотнесения их в предложениях. В систему работы включаются аналитические упражнения для определения связи выбора форм сказуемых в текстах разных функциональных типов, задания по сопоставлению разных с точки зрения развертывания содержания текстов. Для этого предлагается составить тема-рематические цепочки предложений в текстах и определить способы и средства связи предложений (попутно заметим, что последнее важно, поскольку в изучаемых языках наблюдаются разные закономерности словопорядка в предложениях); пронаблюдать за выбором видовременных форм глаголов-сказуемых, показать связь их использования с функциональным типом текстов. Начинаться эта работа должна на материале прозрачных примеров (1, 2), затем усложняется (3). Вот несколько примеров:

1. Настала ночь. Сова захохотала на чердаке. Жаба выползла из подполья. Девочка с голубыми волосами легла спать в кружев-

ную кровать и долго огорченно всхлипывала, засыпая. Артемон спал у дверей её спальни. В домике часы с маятником пробили полночь (по А. Толстому).

2. На сцене был сад. На маленьких деревьях с золотыми и серебряными листьями пели заводные скворцы величиной с ноготь. На одном дереве висели яблоки не больше гречишного зерна. Под деревьями прохаживались павлины и клевали яблоки. На лужайке прыгали и бодались два козленка (по А. Толстому).

3. Маленький человек в дырявом желтом котелке и с грушевидным малиновым носом, в клетчатых брюках и лакированных ботинках выехал на сцену Варьете на обыкновенном двухколесном велосипеде. Под звуки фокстрота он сделал круг, а затем испустил победный вопль, от чего велосипед поднялся на дыбы. Проехавшись на одном заднем колесе, человек перевернулся вверх ногами, ухитрился на ходу отвинтить переднее колесо и пустить его за кулисы, а затем продолжал путь на одном колесе, вертя педали руками (М. Булгаков).

Синтезирующим упражнением на конструирование и переконструирование предложений, построение связных высказываний предшествуют аналитико-синтетические упражнения, например, на восстановление трансформированных текстов. Предлагаются задания на восстановление текста с использованием нужных форм глаголов и с последующим сопоставлением с авторским вариантом.

Я долго _____ (изучить, изучать) горскую посадку: ничем нельзя так _____ (льстить, польстить) моему самолюбию, как признавая мое искусство в верховой езде на кавказский лад. Я _____ (держать, содержать) четырёх лошадей: одну для себя, трёх для приятелей, чтоб не скучно было одному _____ (таскаться, тащиться) по полям; они _____ (брать, взять) моих лошадей с удовольствием и никогда со мной не _____ (ехать, ездить) вместе (по М. Ю. Лермонтову).

Отдельный аспект программы элективного курса на материале грамматики может быть посвящен сопоставлению использования активных и пассивных конструкций в русском и коми языках, имеющих определенные различия. Исследователи подчеркивают большую распространенность в русской речи пассивных конструкций, безличных и возвратных глаголов, отмечая «идею неконтро-

лируемости чувств» [2, с. 342], неподконтрольность процесса, событий [4, с. 199]. В коми языке подобные конструкции используются, по предварительным наблюдениям, на наш взгляд, значительно реже, чем в русском, и имеют свои особенности, и потому использование данных конструкций представляет также определенную сложность для коми учащихся и могут рассматриваться в элективном курсе.

Безличные глаголы в русском и коми языках выступают как сказуемые в односоставных предложениях: *Знобит.* — *Кынтö. Дышится.* — *Лолавсьö*, однако в коми языке некоторые из них могут выступать в качестве сказуемых и в двусоставных предложениях. Например: *Пемдiс. (Стемнело.)* и *Ывлаыс пемдiс* (букв. *Улица потемнела*). *Смеркается. (Пемдö, рöмдö. Енэжыс рöмдö* — букв. *Небо смеркается.*) *Холодает (Ыркаммö. Войяс ыркаммöны, букв. Ночи холодают).* *Светаёт (Югдö. Енэжыс югдö.* — букв. *Небо светлеет.*) *Моросит (Буситö. Ывлаыс буситö.* — букв. *Улица бусит, моросит.*) Отметим точку зрения З. К. Тарланова, который утверждает, что «на древнейших стадиях мышления и соотносительных с ним языковых состояний не могли существовать конструкции типа *Светаёт*, а могли существовать лишь конструкции типа *Свет светает и под.*» [10, с. 71]. Н. Д. Арутюнова в книге «Язык и мир человека» отмечает в русском языке интенсивный процесс развития в XV—XVII веках безличных предложений о действиях стихийных сил природы, а в XVII веке — их распространение и на произвольные состояния человека [1, с. 802]).

Идея неконтролируемости [2, с. 353] проявляется ещё в большей степени в использовании возвратных глаголов. Это характерно как для глаголов русского языка, так и коми. Е. А. Цыпанов отмечает влияние русского языка в образовании безлично-возвратных форм коми глаголов, обозначающих действие, которое осуществляется «как бы произвольно, имманентно, по причинам внешнего характера, не зависящим от носителя действия, процесс не имеет ни источника, его иницирующего, ни объекта» [13, с. 235]. Подобные глаголы обозначают произвольное внутреннее психологическое состояние. *Хорошо работается (Бура уджавсьö). Не читается (Оз лыддысьы).* *Весело живётся (Бура овсьö). Мне поётся (Меным сьывсьö). Спится (Узьсьö). Не сидится на месте. (Оз пукавьси места вылын). Мне плачется. (Бöрдсьö). Но: Мне хочется смеяться. (Серавсьö). Меным*

повьсõ (*Испытывать боязнь, страх, бояться*). При этом в коми языке имеется и синонимичная конструкция двусоставного предложения, как и в русской речи (*Ме пола. — Я боюсь*).

Для усвоения подобных форм в русском языке могут быть предложены упражнения по речевым ситуациям. Например, задания такого типа: опишите чувства, которые вы испытываете, катаясь на лыжах, занимаясь любимым делом, читая интересную книгу, участвуя в соревнованиях, решая трудную задачу и т. д.

При изучении возвратных глаголов в программу курса целесообразно включить рассмотрение коми глаголов с пассивно-возвратным значением, которые в русском языке не имеют прямых глагольных соответствий, и это значение в выражается синтаксически. Например: *Узьсьõма. — Оказывается, я проспал по какой-то причине. Мунсьõма. — Оказывается, я почему-то ушел. Кежсьõма. — Оказывается, я по какой-то непонятной причине свернул и не заметил этого.*

Определенную сложность для коми учащихся представляют различные конструкции с модальными глаголами. Сопоставим употребление глагола «хотеться» («хочется») в русском языке и выражение его значения средствами коми языка. Т. Б. Радбиль отмечает в русском языке большую частотность употребления в пассивной форме (*Мне хочется*), чем активной конструкции (*Я хочу*), подчеркивая независимость проявления эмоций от человека [9, с. 139]. В коми языке это значение в основном передается активной формой: (*Ме кõсья шор дорас!... — Я хочу у ручья! Ме кõсья сэтчõ, паськыд эрд вылас! — Я хочу туда, на широкую поляну. Ме кõсьи малыштны сылылысь юбкасõ... — Я хотела погладить её юбку... (Н. Куратова), — хотя могут использоваться и безличные конструкции: Меным эз кõсьыссы мунны вõрõ. — Мне не хотелось идти в лес. Меным зэв окота котõртны сэтчõ, юыштны васõ, мыссьыштны. — Мне очень охота побежать туда, попить воды, немного умыться. Меным сэтшõм окота висьтавны ассьым мõвппясõс. — Мне очень хочется сказать о своих мыслях (Н. Куратова).*

В процесс изучения соответствующих конструкций целесообразно включать выполнение функциональных упражнений: например, предложить выразить на коми языке определенные желания (*Хотеться петь, рисовать, плясать, путешествовать, пить,*

радоваться, учиться, спать, есть и др.), отметить использование односоставных безличных и двусоставных предложений; поразмышлять о причинах различий в выражении желаний; найти примеры, в которых желания можно выразить в коми языке одним словом: *Хочется петь (Сывсьё)*; *Хочется плясать (Йёктысьё)*; *Хочется спать (Узьсьё)*. Затем предложить упражнения, предполагающие выражение желаний на русском языке, например: *Зэв око́та уджавны. — Очень хочется работать. Мены́м око́та бура велё́дчыны. — Мне хочется хорошо учиться. Мены́м узьсьё. — Мне спится. Мне хочется спать.*

Упражнения на преобразование активной формы выражения в пассивную и наоборот (когда это возможно) позволяют не только лучше усвоить разные грамматические формы высказываний, но и прийти в результате сопоставления использованных конструкций к выводу, что и в русском, и в коми языках используются как активные, так и пассивные конструкции, но они выражают различные оттенки значений.

Функционирование безличных конструкций целесообразно связать с различными типами речи и жанровыми особенностями художественных произведений, например предложить пронаблюдать использование различных синтаксических структур в ремарках драматических произведений, например в пьесах А. П. Чехова «Вишнёвый сад» и «Три сестры».

Задание. Найдите односоставные предложения, определите их роль в ремарках.

1. *Комната, которая до сих пор называется детской. Одна из дверей ведет в комнату Ани. Рассвет, скоро взойдет солнце. Уже май, цветут вишневые деревья, но в саду холодно, утренник. Окна в комнате закрыты.* 2. *Декорация первого акта. Нет ни занавесей на окнах, ни картин, осталось немного мебели, которая сложена в один угол, точно для продажи. Чувствуется пустота. Около выходной двери и в глубине сцены сложены чемоданы, дорожные узлы и т. п. ... Слышно, как в передней играет еврейский оркестр, тот самый, о котором упоминается во втором акте. Вечер. В зале танцуют grand-rond.* 3. *В доме Прозоровых. Гостиная с колоннами, за которыми виден большой зал. Полдень; на дворе солнечно, весело. В зале накрывают стол для завтрака.* 4. *Комната Ольги и Ирины. Налево и направо постели, за-*

горюженные ширмами. Третий час ночи. За сценой бьют в набат по случаю пожара, начавшегося уже давно. Видно, что в доме еще не ложились спать. 5. Восемь часов вечера. За сценой на улице едва слышно играют на гармонике. Нет огня.

Деятельностный компонент формирования лингвокультурологической компетенции школьников предполагает рассмотрение языковых средств и на функциональной основе (например, способов выражения причинно-следственных, целевых, уступительных и т. д. отношений в русском и коми языках); способов развертывания содержания в текстах разных функциональных типов (с опорой на смысловое, актуальное членение высказываний и изучение особенностей словопорядка в разных языках), что благотворно сказывается на создании собственных высказываний учащихся. Национально-специфическое видение мира, отраженное в языке [9], вопросы отражения в грамматике ментальных черт говорящих на разных языках не находят, к сожалению, рассмотрения на обычных языковых уроках в школе, тем интереснее будет их обсуждение на элективных занятиях.

Таким образом, сопоставительный анализ языковых средств в русском (неродном) и коми (родном) в поликультурных классах по программе элективного курса может стать основой для выполнения учащимися микроисследований и разработки учебно-исследовательских проектов, он позволяет выявить общие черты и различия в представлении картины мира, членении окружающего мира, способствует формированию представлений о концептах лингвистического характера, развитию лингвистического мышления; воспитывает внимательное отношение к изучаемым языкам, способствует открытию новых аспектов в родном и неродном языках.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
3. Грабежова В. М., Каракиева Н. И. и др. Коми кыв. 6—7 классъяслы велӧдчан небӧг. Сыктывкар: Коми небӧг дэдзанин, 2014. 336 с.

4. Зализняк А. А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
5. Левушкина О. Н. Лингвокультурологические характеристики текста в школьном обучении русскому языку: теория и практика: дис. ... докт. пед. наук. М., 2014.
6. Лудыкова В. М. Глагол в предложении коми языка. Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2012. 239 с.
7. Лыткин В. И., Тимушев Д. А. Очерк грамматики коми языка. URL: http://foto11.com/komi/grammar/morphology_verb.php (дата обращения: 10.09.2018).
8. Реестр основных общеобразовательных программ. URL: <http://fgosreestr.ru/> (дата обращения: 10.09.2018).
9. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 328 с.
10. Тарланов З. К. Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1998. № 5. С. 65—75.
11. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от «17» декабря 2010 г. № 1897; Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от «17» мая 2012 г. № 413.
12. Федосов В. А. Лингвокультурология и её изучение // Русский язык за рубежом. 2015. № 4. С. 35—37.
13. Цыпанов Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005. 284 с.
14. Шеболкина Е. П. Категории вида и залога в коми языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1994. 22 с.

References

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 1999, 896 p. (In Russ.).
2. Vezhbickaya A. *Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty* [Semantic universals and basic concepts]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur, 2011, 568 p. (In Russ.).

3. Grabezhova V. M., Karakchieva N. I. i dr. *Komi kyv. 6—7 klass»yasly velödchan nebög* [Komi language. 6—7 forms]. Syktyvkar, Komi nebög dehdzanin, 2014, 336 p. (In komi).

4. Zaliznyak A. A. *Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive* [Russian semantics in a typological perspective]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2013, 640 p. (In Russ.).

5. Levushkina O. N. *Lingvokul'turologicheskie harakteristiki teksta v shkol'nom obuchenii russkomu yazyku: teoriya i praktika. Diss. ... dokt. ped. nauk* [Linguoculturological characteristics of the text in school education in the Russian language: theory and practice. Dr. ped. sci. diss.]. Mosow, 2014. (In Russ.).

6. Ludykova V. M. *Glagol v predlozhenii komi jazyka* [Verb in the Komi language sentence]. Syktyvkar, SGU Publ., 2012, 239 p. (In Russ.).

7. Lytkin V. I., Timushev D. A. *Ocherk grammatiki komi jazyka* [Essay on the grammar of the Komi language] (In Russ.). Available at: http://foto11.com/komi/grammar/morphology_verb.php (accessed 10.09.2018).

8. Reestr osnovnyh obshcheobrazovatel'nyh programm [Register of basic educational programs]. (In Russ.). Available at: <http://fgosreestr.ru/> (accessed 10.09.2018).

9. Radbil' T. B. *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta* [Basics of language mentality studies]. Moscow, Flinta, Nauka, 2010, 328 p. (In Russ.).

10. Tarlanov Z. K. *Russkoe bezlichnoe predlozhenie v kontekste etnicheskogo mirovospriyatiya* [Russian impersonal sentence in the context of the ethnic world-view]. *Nauchnye doklady vysshej shkoly. Filologicheskie nauki — Scientific Reports of Higher Education. Philology*, 1998, no. 5, pp. 65—75. (In Russ.).

11. *Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart osnovnogo obshchego obrazovaniya. Utverzhden prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii ot «17» dekabrya 2010 g. № 1897* (In Russ.) [Federal state educational standard of basic General education. Approved by the Ministry of education and science of the Russian Federation of 17 December 2010 № 1897]. (In Russ.)

12. Fedosov V. A. *Lingvokul'turologiya i eyo izuchenie* [Linguoculturology and its study]. *Russkij yazyk za rubezhom — Russian Language Abroad*, 2015, no. 4, pp. 35—37.

13. Cypanov E. A. *Grammaticheskie kategorii glagola v komi jazyke* [Grammatical categories of the verb in the Komi language]. Syktyvkar, 2005, 284 p. (In Russ.).

14. Shebolkina E. P. *Kategorii vida i zaloga v komi jazyke: avtoref. diss. ... kand. filolog. nauk.* [Categories of aspects and voice the Komi language. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Izhevsk, 1994, 22 p. (In Russ.).

УДК

С. А. Уланова, Ж. В. Шарафуллина, С. Н. Терентьева**Модель «школа — территориальный центр
здоровьесбережения» в условиях Крайнего Севера**

Проблема сохранения здоровья детей и подростков в процессе обучения чрезвычайно остра и продолжает актуализироваться, особенно в районах Крайнего Севера и на приравненных к ним территориях. В целях осуществления эффективной здоровьесберегающей деятельности в Республике Коми была разработана и апробирована на четырех экспериментальных площадках муниципальная комплексная модель «Школа — территориальный центр здоровьесбережения». В течение четырех лет в экспериментальных и контрольных школах осуществлялись исследования по оценке эффективности работы школ в условиях модели. В статье приводятся некоторые результаты проведенных исследований.

Ключевые слова: модель здоровьесбережения, факторы риска, гигиеническая оценка, физиологическая затратность обучения, функциональные нарушения, хроническая заболеваемость, мониторинговые исследования, школьники, педагоги, родители, профилактика.

S. A. Ulanova, Z. V. Sharafullina, S. N. Terentyeva. Model «school — regional center of health care» in the far north

The problem of preserving the health of children and adolescents in the process of learning is extremely acute and continues to be more urgent, especially in the regions of Far North and equivalent areas. In order to implement effective health-caring and preserving activities in the Komi Republic a municipal complex model «School — Regional Centre of health care» was developed and tested in four pilot areas. Within four years, in the experimental and test schools studies to assess the effectiveness of the schools in terms of the model were carried out. The article presents some results of the research.

Keywords: model of health care, risk factors, hygienic assessment, physiological costs of education, functional disorders, chronic disease, monitoring studies, students, teachers, parents, preventive measures.

Актуальность проблемы

Приоритетной средой обитания для детей школьного возраста являются образовательные учреждения. Выраженная причинно-следственная зависимость в системе «здоровье детей — среда образовательного учреждения» приобретает особую актуальность в связи со стойкой тенденцией ухудшения состояния здоровья школьников [2]. Неблагоприятные характеристики состояния здоровья современных школьников, тесная взаимосвязь показателей здоровья с условиями обучения и активные инновации школьного образования диктуют необходимость оптимизации учебного процесса с целью сохранения и укрепления здоровья подрастающего поколения [1, 4].

В условиях Крайнего Севера на формирование здоровья и развитие детей воздействуют неуправляемые климатогеографические и биосоциальные факторы, присущие регионам высоких широт. Эти факторы оказывают негативное действие на детский организм и способствуют развитию патологий, прежде всего со стороны сердечно-сосудистой, дыхательной, эндокринной систем [5, 8].

Большие образовательные нагрузки, стрессогенный характер технологий обучения, сенсорно-обедненная предметная среда, низкий уровень двигательной активности и мотивации детей к обучению — факторы, повышающие физиологическую стоимость обучения.

Накопленный в России опыт здоровьесберегающей работы в образовательных учреждениях не позволяет в полной мере использовать его в условиях Крайнего Севера. Указанное противоречие определяет актуальность проблемы, которая заключается в физиолого-гигиенической оценке и научном обосновании муниципальных моделей здоровьесбережения в школе, позволяющих повысить превентивность здоровьесохраняющего компонента в процессе обучения, адаптировать их к условиям Крайнего Севера и приравненным к ним территориям [9, 3, 5].

Цель исследования: разработать и научно обосновать здоровьесберегающий потенциал комплексной модели «Школа — территориальный центр здоровьесбережения» в условиях Крайнего Севера (далее — Модель).

Задачи исследования:

1. Разработка и апробация комплексной Модели эффективного здоровьесбережения в типовой общеобразовательной школе

«Школа — территориальный центр здоровьесбережения», функционирующей в условиях Крайнего Севера.

2. Определение стратегии и ресурсов муниципальных Моделей деятельности школ в сфере здоровьесбережения в различных районах Крайнего Севера.

3. Гигиеническая оценка здоровьесберегающего потенциала Модели в условиях Крайнего Севера, включая оценку жизнедеятельности учащихся, мотивации детей к учебе, ведению здорового образа жизни, состояния здоровья и функционального состояния организма учащихся.

4. Сравнительный анализ оценки эффективности муниципальных моделей деятельности школ в сфере здоровьесбережения всеми участниками образовательного процесса (обучающимися, педагогами и родителями).

Организация, методы и объем исследования

В основу работы положены материалы исследований в период с 2004 по 2013 гг., выполненных в несколько этапов. Исследования проводились в условиях естественного гигиенического эксперимента в 8 общеобразовательных школах городов Республики Коми (Сыктывкаре, Емве, Усинске). Период практических наблюдений и исследований включал в себя четыре учебных года. Под наблюдением находились учащиеся с 1 по 11 классы, всего 123 классных коллектива. Группу сравнения составили 16 классов из школ, определенных контрольными, а также классы из экспериментальных школ, обследованные в доэкспериментальный период. В контингент контрольных групп были включены учащиеся 1—5, 8, 9 и 11-х классов. Кроме учащихся в исследовании приняли участие их родители и педагоги. Общее количество принимавших участие в эксперименте составило 6217 человек, в том числе 3070 учащихся, 367 педагогов и 2780 родителей.

В выбранных школах использовались стандартные образовательные программы, единый учебный план, квалификационные характеристики педагогов были примерно одинаковы. Условия, в которых обучались дети, были сопоставимы, все классы занимались в первую смену, преимуществ в материально-техническом обеспечении не было ни у одной из школ.

Гигиеническая оценка модели «Школа — территориальный центр здоровьесбережения» осуществлялась с привлечением как комплекса физиолого-гигиенических методов, ряда клинико-статистических методов, так и специально разработанных анкет для родителей, педагогов и учащихся.

Анализ состояния здоровья школьников проводился с использованием данных медицинской документации, в том числе по результатам медицинских осмотров. Медицинские осмотры детей проводились в начале и конце годового этапа наблюдения на начальном этапе и спустя четыре года реализации Модели.

Оценка условий воспитания и обучения в образовательных учреждениях проводилась общепринятыми санитарно-гигиеническими методиками.

В качестве основного показателя функционального состояния организма (ФСО) школьника в процессе занятий был принят показатель умственной работоспособности, интегрирующий такие свойства психики, как восприятие, внимание, память. Корректируная методика — наиболее распространенный, не нарушающий привычного ритма учебного дня, высокоинформативный прием оценки умственной работоспособности учащихся [6, 7]. Корректирующее тестирование проводилось в течение учебного дня, недели и года.

Утомляемость зрительного анализатора оценивалась с использованием методики регистрации критической частоты слияния световых мельканий (КЧСМ).

Реакция сердечно-сосудистой системы детей, позволяющая оценить вегетативное обеспечение их учебной деятельности, оценивалась по результатам регистрации артериального давления (АД) по методу Короткова на втором уроке в начале и конце недели.

С целью получения объективных данных функционирования головного мозга совместно с отделением функциональной диагностики Центральной республиканской больницы осуществлялось исследование сосудистого кровотока методом реоэнцефалографии (РЭГ) в состоянии покоя и с использованием функциональных проб (поворота головы). В качестве регистрирующей аппаратуры был использован четырёхканальный реограф. Показатели РЭГ позволяют оценить только состояние мелких и средних артериальных сосудов и вен, а также отклонения, связанные с нарушением венозного оттока.

Для оценки состояния общих сонных артерий, внутренней сонной артерии, среднемозговой и вертебральных артерий проводилась ультразвуковая диагностика (УЗИ) с помощью аппарата «Акусон-128XP» (США). С целью проверки достоверности различий в показателях между изучаемыми группами детей качественным параметрам были присвоены баллы, для чего была разработана балльная шкала оценки.

Таблица 1

Объем и методы исследований

Методы	Количество исследований
1. Санитарно-гигиенические	
Изучение условий обучения и воспитания в экспериментальных и контрольных школах	
— санитарное обследование — измерение параметров микроклимата (температуры, освещенности) — антропометрические (соответствие размеров школьной мебели ростовым данным учащихся)	123 комплексных обследования по количеству классов 718 замеров
2. Физиолого-гигиенические	
Исследование функционального состояния организма учащихся, оценка работоспособности организма детей, особенностей жизнедеятельности	
— корректурное тестирование умственной работоспособности	8256
— измерение АД	832
— измерение КЧСМ	3400
— анализ пропусков дней по болезни	18168
3. Клинические	
— оценка состояния здоровья учащихся с участием врачей-специалистов	6230
— реоэнцефалографические исследования	367
— ультразвуковые исследования	360
4. Психолого-социально-гигиенические	
Оценка эффективности Модели участниками образовательного процесса (исследование динамики изменений в режимах работы школ, самочувствии учащихся, степени влияния школьной жизни на формирование основ ЗОЖ и др.)	
— исследование суточного бюджета времени учащихся — режима дня — (анкетирование)	1656

Изучение режима дня школьников проводилось с использованием специальной анкеты, позволяющей оценить их суточный бюджет времени.

Для комплексной оценки эффективности работы экспериментальных школ было проведено социологическое исследование, охватившее всех участников образовательного процесса. В группу респондентов вошли не только педагоги, родители учащихся, но и учащиеся экспериментальных школ. Объем исследований представлен в таблице 1.

Статистическая обработка данных проводилась общепринятыми статистическими методами с использованием компьютерных программ Biostat, SPSS. Для установления достоверности сдвигов показателей использовался как метод парных сравнений с определением средней, ошибки средней, (t-тест Стьюдента), так и тест Манна—Уитни для непараметрических данных.

Результаты исследований

Разработанная Модель является комплексной системой управления всеми здоровьесберегающими блоками (модулями) школы с четким алгоритмом действий педагогов и администрации. Модель включает девять компонентов и представляет открытую систему, которая при использовании может быть дополнена.

При разработке и внедрении Модели учитывалось влияние на организацию жизнедеятельности детей и их саногенетические возможности комплекса природно-климатических особенностей территорий высоких широт (табл. 2).

Элементы Модели позволили обеспечить динамическое использование пространственно-предметной среды, вариативность методов и форм обучения, оптимизировать школьное питание и непопулярные у детей уроки физической культуры, обеспечить адекватное психологическое сопровождение, эффективнее формировать положительную мотивацию к учёбе и здоровому образу жизни (рис. 1).

На всех трех ступенях обучения — начальной, средней и старшей — при сравнении экспериментальной и контрольной групп была выявлена похожая динамика показателей ФСО учащихся, различающаяся лишь степенью преимущества экспериментальной группы (рис. 2).

**Специфика Модели с учетом проживания детей в условиях
Крайнего Севера и приравненных территорий**

Воздействующий «северный» фактор	Составляющие Модели
• выраженная сезонная фотопериодичность с явлениями полярных ночей и дней • холодовой фактор • перепады барометрического давления • напряженный ветровой режим и режим высокой влажности • малое содержание кислорода в воздухе • сенсорно обедненная среда	• регулирование времени начала занятий (зимой в 9.00, весной в 8.00, в субботу — в 10.00 и в 11.00) • комплекс мероприятий по повышению двигательной активности (создание среды «вынуждения к движению»): зарядка + физпаузы + игровые перемены + элементы активно-развивающей среды + обязательные прогулки после 3-го урока в начальных классах + уроки физкультуры по специальной схеме + вторая спортивная смена для детей • модульный календарь школьных каникул + альтернативный цикл воспитательных мероприятий, сгруппированных по каникулам + элементы модульной технологии
повышенный риск приобщения детей к курению, алкоголю и психоактивным веществам	программа ранней профилактики асоциального поведения «Школа+»
• авитаминоз, йод и фтор-дефициты, • некачественная вода, • низкий уровень валеологической культуры родителей	• обязательное школьное питание и сезонная витаминизация, • питьевой режим, • программы «Витаминка», «Веселая корова», «Выбираем наше!»
отсутствие спортивных традиций в семьях	третья — спортивная смена для детей и родителей

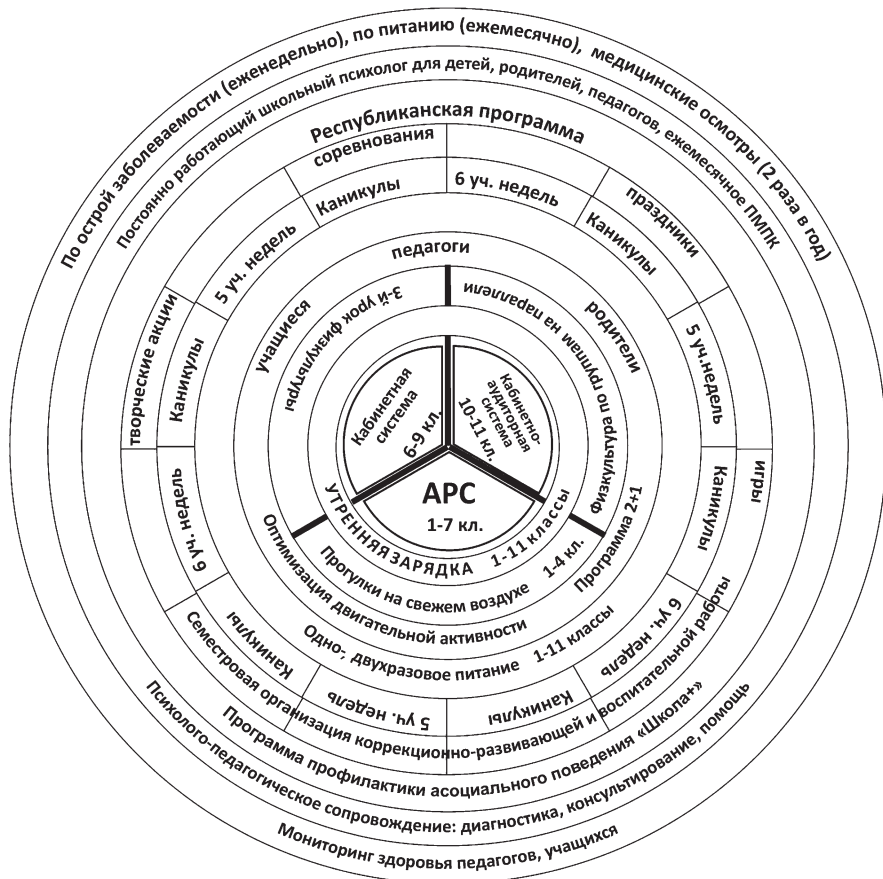

Рис. 1. Схема общей структуры Модели с распределением по классам и участникам

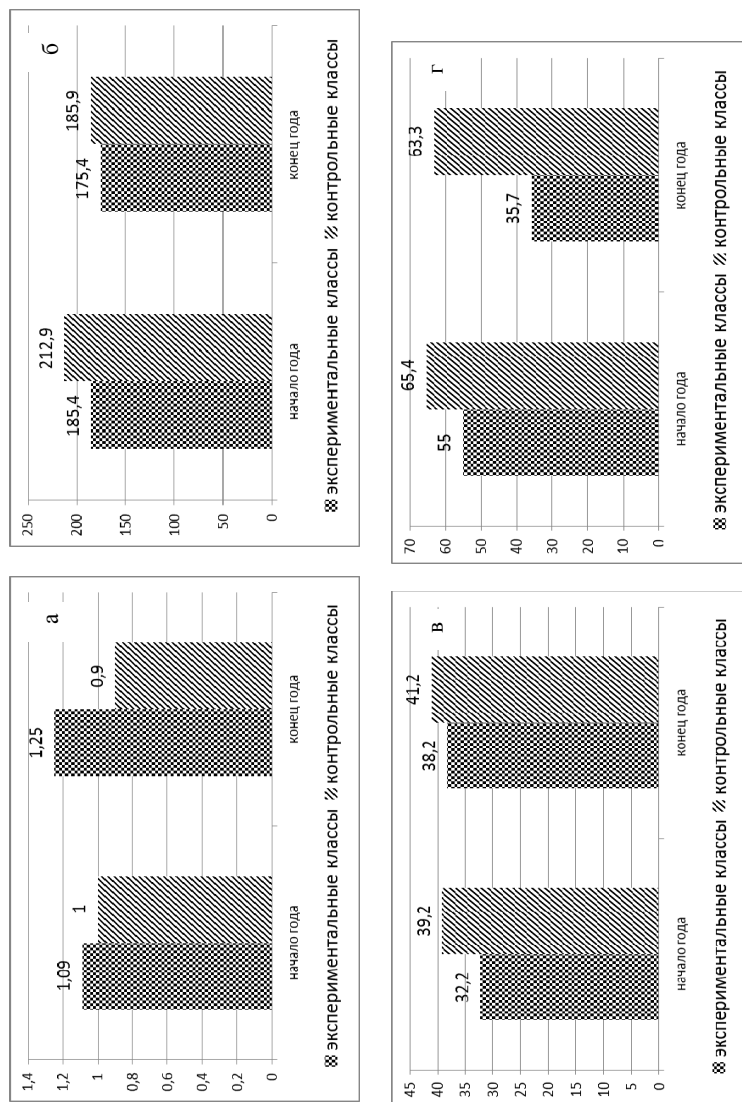

Рис. 2. Характеристика показателей ФСО учащихся начальных классов экспериментальных и контрольных школ в динамике завершающего года эксперимента:

а) интегральный показатель работоспособности, (коэффициент «П»), усл. ед.; б) среднее количество просмотренных знаков; в) частота явного и выраженного утомления, %; г) неблагоприятные сдвиги АД, %

Так, анализ показателей умственной работоспособности учащихся начальных классов экспериментальных школ в годовой динамике по средним данным за неделю выявил повышение уровня работоспособности к концу учебного года. Увеличилась скорость выполнения корректурных тестов с одновременным улучшением качества выполнения работ от $185,4 \pm 2,7$ до $212,5 \pm 2,6$. В контрольных классах скорость выполнения корректурных проб тоже несколько увеличивается, но менее ощутимо, с 175,4 до 185,9, а точность выполнения теста практически не изменилась.

В экспериментальной группе зафиксирована тенденция улучшения качественных показателей умственной работоспособности — заметно увеличилось число отличных и хороших работ, а неудовлетворительных и плохих — уменьшилось, соответственно, увеличился и интегральный показатель работоспособности.

В контроле показатели умственной работоспособности в течение года остались практически без изменений.

Для оценки влияния экспериментальной модели школьного обучения на ФСО учащихся был проведен двухнедельный цикл исследований умственной работоспособности (рис. 3). Усредненные данные показали, что в динамике недели умственная работоспособность учащихся в эксперименте оставалась на достаточно высоком

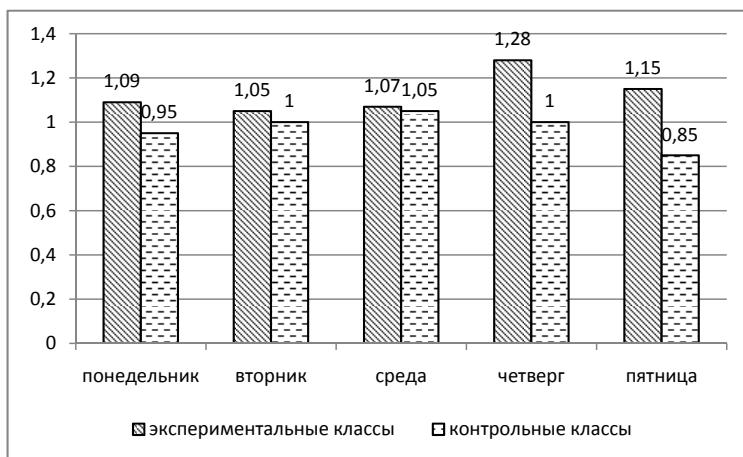

Рис. 3. Характеристика умственной работоспособности учащихся начальных классов в динамике недели (интегральный показатель работоспособности коэффициент «П», усл. ед.)

уровне. Об этом свидетельствуют значения интегрального показателя «П», которые на протяжении всей учебной недели оставались выше порогового уровня. Таким образом, кумуляции утомления у учащихся к концу недели не наблюдалось.

В контрольной группе на протяжении всей недели умственная работоспособность по интегральному показателю была ниже, его значения приближались к пороговому уровню (особенно в начале и конце недели).

Аналогичная недельная динамика работоспособности учащихся была зафиксирована в 5—7 и в 9—11 классах, что в целом соответствует биоритмальной кривой работоспособности. Мы получили подтверждение общей положительной динамики показателей работоспособности учащихся в течение года, что отражает постепенное созревание мозговых структур, обеспечивающих когнитивные процессы. Однако на всех ступенях обучения результаты исследований отражают преимущество в реакциях на образовательную нагрузку у учащихся экспериментальной группы.

Анализ показателей зрительного утомления по методике КЧСМ свидетельствует, что в недельной динамике у учащихся и экспериментальных, и контрольных классов существенных различий не выявлено. Послеурочные данные в течение недели достоверно не различались. Вместе с тем появившаяся после первого урока тенденция к восстановлению зрительной работоспособности в экспериментальных школах сохраняется довольно устойчиво до конца занятий, приобретая более выраженный характер к концу недели.

По средним данным за неделю улучшение показателя КЧСМ после уроков зарегистрировано почти у 30% детей экспериментальной группы и ни у одного ребенка контрольной.

Анализ дневной динамики показателей КЧСМ к концу первого урока в группах сравнения также достоверных различий не выявил, отмечена позитивная тенденция в экспериментальной группе, которая сохраняется в течение дня и достигает достоверных различий после уроков ($t = 2,04$).

Таким образом, зрительно напряженная работа уже на первом уроке истощает резервы работоспособности анализатора, и на последующих уроках зрительный анализатор функционирует в режиме напряжения и истощения. В экспериментальных классах сни-

жение зрительной работоспособности значительно меньше, что свидетельствует об эффективности мероприятий, направленных на снижение утомительного влияния образовательной нагрузки.

Вегетативное обеспечение умственной работоспособности позволяет определить «физиологическую стоимость» учебной деятельности детей (Куинджи Н. Н., 2000; Поленова М. А., 2013). В экспериментальной группе число неблагоприятных реакций артериального давления (АД) в ответ на учебную нагрузку в динамике года снизилось в 1,5 раза — с 55,0 до 35,7 %. Причем эти цифры существенно ниже, чем в контрольной группе, в которой позитивной динамики этого показателя не наблюдалось (65,4 и 63,3 % соответственно).

Частовстречающейся формой отклонения со стороны сердечно-сосудистой системы у учащихся 1—5-х классов является повышенное сосудистое сопротивление в позвоночных и общей сонной артериях, причем у некоторых детей оно квалифицируется как высокое. Изменение режимов двигательной активности ребенка в условиях Севера, резкие суточные колебания атмосферного давления предположительно могут привести к тем или иным изменениям в сосудистой системе. Ультразвуковое исследование (УЗИ) состояния общей сонной, вертебральных и среднемозговой артерий у детей показало, что на этапе завершения эксперимента меньшее количество негативных изменений в состоянии сосудов отмечено у детей экспериментальной группы — 5 против 17 %; большее количество позитивных сдвигов — 57 против 32 %.

К концу эксперимента количество учащихся, не имеющих отклонений в состоянии сосудов, достигает достоверных различий и внутри экспериментальной группы, и при сравнении эксперимента и контроля в пользу эксперимента (в начале эксперимента различия отсутствовали).

С целью получения объективных данных функционирования головного мозга, оценки состояния мелких и средних артериальных сосудов и вен, а также отклонений, связанных с нарушением венозного оттока, было проведено реоэнцефалографическое исследование (РЭГ) сосудистого кровотока.

На начальном этапе количество учащихся без отклонений в состоянии сосудов значимо не различалось (рис. 4). Сравнительный анализ динамики показателей РЭГ у детей контрольной и эксперименталь-

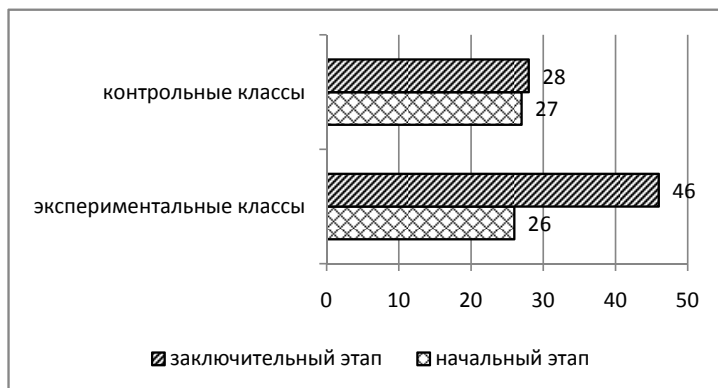

Рис. 4. Соотношение количества детей, не имеющих отклонений в состоянии сосудов головного мозга, в % (по двум РЭГ-обследованиям)

ной групп выявил достоверно большее количество положительных изменений в экспериментальной группе — 49, против 34 % в контроле (рис. 5). По итогам эксперимента таких детей в экспериментальной группе было достоверно больше — 46 и 28 % соответственно.

Такой результат свидетельствует о более благоприятном протекании процессов адаптации и функционального развития у учащихся в экспериментальной группе.

Важным показателем здоровьесберегающего характера обучения являются характеристики жизнедеятельности учащихся.

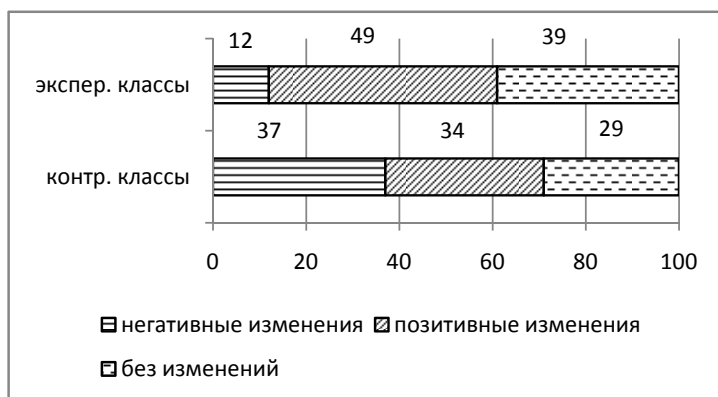

Рис. 5. Динамика изменения показателей РЭГ у детей контрольных и экспериментальных классов по двум обследованиям

Критерии соблюдения гигиенических регламентов ночного сна, времени приготовления уроков, прогулки, двигательного характера досуга учащихся 1—11-х классов дополнены параметром «наличие жалоб на плохое самочувствие».

Полученные результаты показывают, что для современных школьников районов Крайнего Севера характерно сокращение продолжительности ночного сна, времени пребывания на воздухе и снижение двигательной активности. Установлено, что дефицит сна, недостаточный отдых на воздухе характерны и для отдельных учащихся экспериментальных школ. Однако по ряду показателей структура жизнедеятельности учащихся этих школ в сравнении с режимом дня их сверстников из контрольных школ имеет преимущества. В экспериментальной группе также достоверно меньше жалоб на плохое самочувствие во всех классах.

Анализ результатов профилактических медицинских осмотров учащихся начальных классов на этапе завершения эксперимента (рис. 6) позволил установить отсутствие достоверных различий, за исключением отклонений со стороны ОДА, менее выраженных в 4-х классах (в основном нарушения осанки, уплощение стоп, сколиоз и плоскостопие) в экспериментальной группе.

Анализ результатов профилактических осмотров учащихся 5—11-х классов зафиксировал общее ухудшение показателей здо-

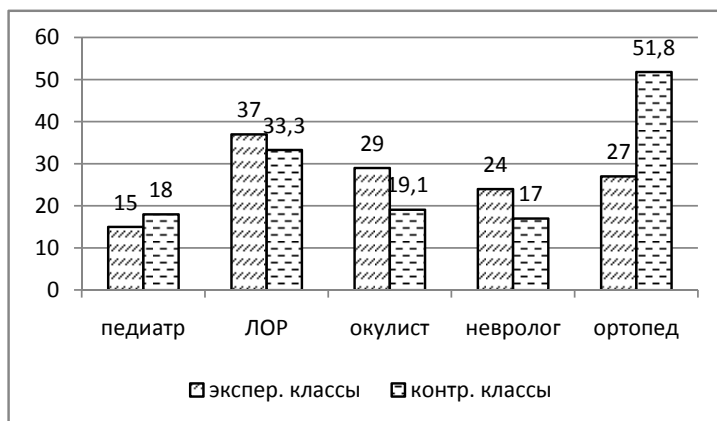

Рис. 6. Количество учащихся 4-х классов с функциональными нарушениями (%), выявленными врачами-специалистами

ровья в средних классах, по сравнению с начальными. Несмотря на отсутствие достоверных улучшений в пользу экспериментальной группы, речь может идти об устойчивой положительной тенденции во всех возрастных группах (рис. 7—9).

Поскольку Модель предполагает участие в здоровьесберегающей работе школы учащихся, педагогов и родителей, для оценки ее эффективности были специально разработаны многоблочные анкеты. Один из блоков анкеты был общим и у родителей, и у детей, и у педа-

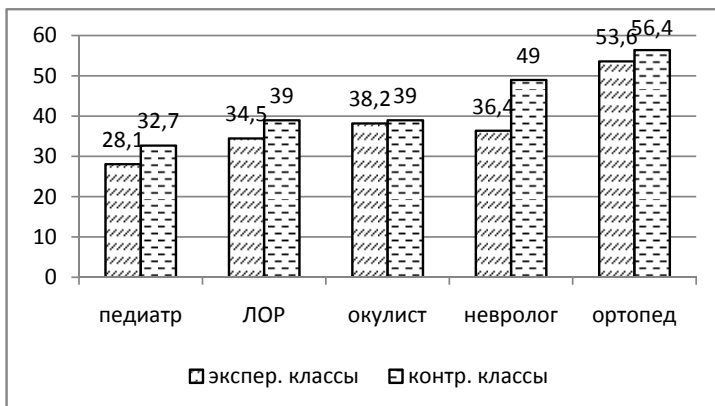

Рис. 7. Количество учащихся 5-х классов с нарушениями здоровья (%), выявленными врачами-специалистами

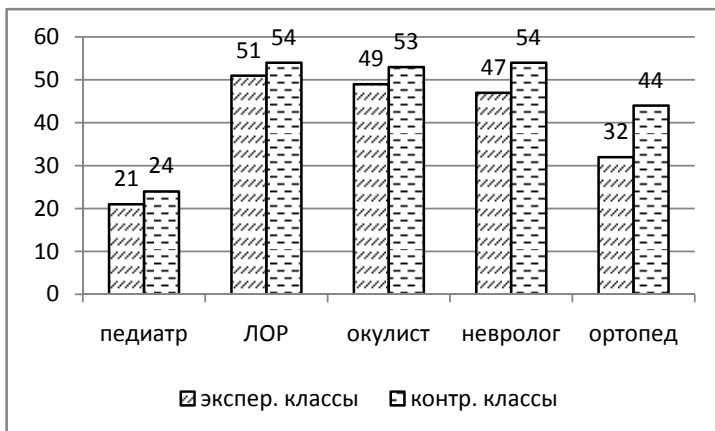

Рис. 8. Количество учащихся 9-х классов с нарушениями здоровья (%), выявленными врачами-специалистами

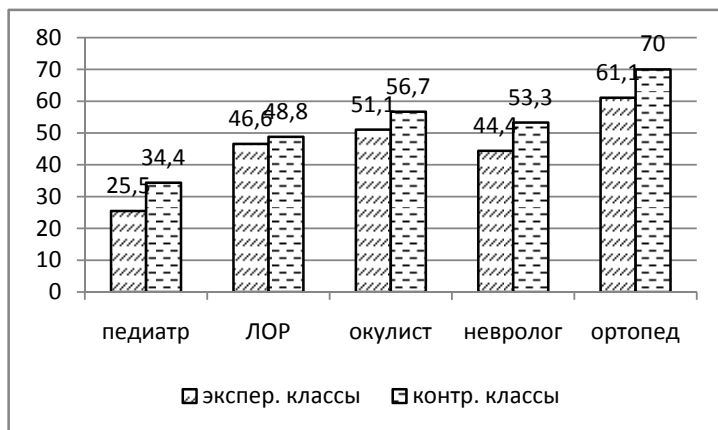

Рис. 9. Количество учащихся 11-х классов с нарушениями здоровья (%), выявленными врачами-специалистами

гогов, он позволил сравнить оценки результатов реализации Модели между группами и внутри каждой группы разных респондентов.

Анкетирование проводилось ежегодно и позволяло оперативно реагировать на замечания и рекомендации детей и родителей, учитывать их в перспективном планировании.

Все респонденты оценили преимущества работы школы в условиях муниципальной модели, увидели положительную динамику в решении вопросов укрепления здоровья детей. Родители и дети поддерживают педагогов в реализации инноваций, готовы оказывать учителям поддержку, придерживаться единой стратегии воспитания позитивного отношения к здоровому образу жизни. Выявлено, что работа в экспериментальном режиме многих педагогов заставила изменить жизненные стереотипы, пересмотреть отношение к сохранению и укреплению своего здоровья, изучить современные здоровьесберегающие технологии, приёмы работы (рис. 10—12). По оси абсцисс на рис. 10—12 расположены основные параметры оценки эффективности экспериментальной работы, приведенные в таблице 3.

Таким образом, в результате проведенных исследований создана и апробирована Модель, учитывающая климато-географические и биосоциальные факторы Крайнего Севера, доказана ее эффективность для сохранения здоровья школьников, разработан алгоритм

Таблица 3

**Основные параметры оценки эффективности
экспериментальной работы**

Параметр	Описание параметра
1	Установка на здоровый образ жизни.
2	Важность и полезность информации по вопросам здоровья.
3	Школа — источник информации о здоровье для участников образовательного процесса.
4	Школа — эмоционально-комфортная среда общения, развития, обучения, познания.
5	Организация питания в школе на достаточно хорошем уровне.
6	Соблюдение распорядка дня — важное условие для сохранения здоровья.
7	Благоприятное влияние школы на сохранение здоровья участников образовательного процесса.
8	Возможность обращения (к директору, завучу, классному руководителю, педагогу-психологу, логопеду, медицинскому работнику школы) по широкому спектру вопросов, связанных со здоровьем.
9	Школа — центр здоровьесберегающего досуга детей.
10	Хороший уровень воспитательной работы по укреплению здоровья всех участников образовательного процесса.

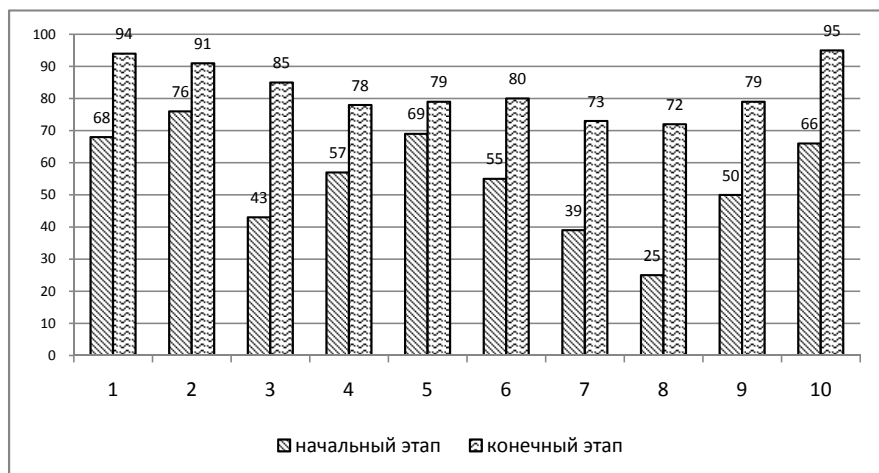

Рис. 10. Результаты исследования мнения учащихся по основным критериям оценки организации здоровьесбережения в школе

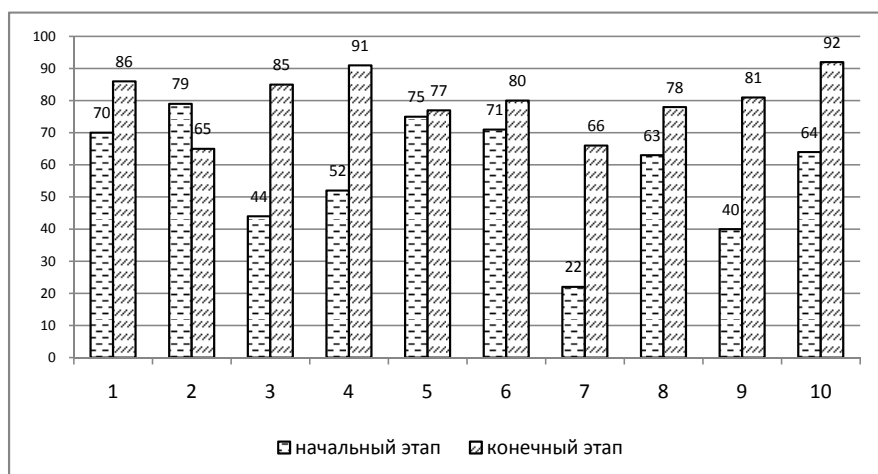

Рис. 11. Результаты исследования мнения педагогов по основным критериям оценки организации здоровьесбережения в школе

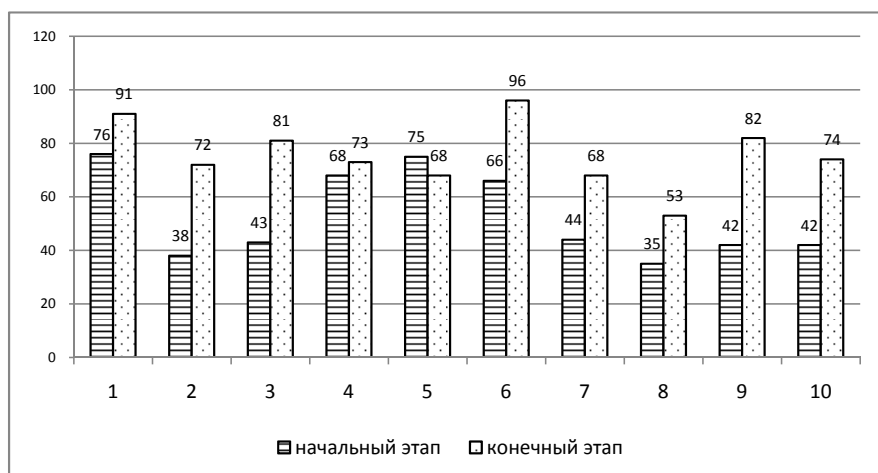

Рис. 12. Результаты исследования мнения родителей по основным критериям оценки организации здоровьесбережения в школе

(практические рекомендации) по ее внедрению в общеобразовательные школы разных муниципальных образований.

Выводы

1. Муниципальные модели деятельности школ в сфере здоровьесбережения обучающихся в условиях Крайнего Севера должны учитывать влияющие на организацию жизнедеятельности детей и их саногенетические возможности природно-геологические особенности территорий высоких широт (температурный, барометрический и ветровой режимы, сезонную фотопериодичность, малое содержание кислорода, геохимические особенности), антропогенное воздействие (промышленные выбросы в атмосферу, загрязнения водоёмов и питьевой воды).

2. Здоровьесберегающий потенциал муниципальной модели «Школа — территориальный центр здоровьесбережения» базируется на оптимизации организационно-средовых условий обучения детей, питания и уроков физической культуры, психологическом сопровождении, взаимодействии с родителями и общественностью, формировании валеологического мышления, социальных установок на сохранение и укрепление здоровья у детей, учителей и родителей, самоконтроле за соблюдением режимов здоровьесбережения в школе, что объективно минимизирует физиологическую стоимость обучения детей в условиях Крайнего Севера.

3. Суточный бюджет времени обучавшихся в условиях реализации Модели свидетельствует о недостаточной продолжительности ночного сна и прогулок на воздухе, о заполнении домашнего досуга просмотром телепередач и занятиями с компьютером. Однако эти нарушения существенно реже встречаются у учащихся школ, реализующих Модель по сравнению с традиционными школами. Для них характерно увеличение двигательной активности, меньшие затраты времени на подготовку домашних заданий, более частые занятия спортом, возможность подготовки к поступлению в вузы и занятиям по интересам во внеурочное время в стенах школы.

4. Обучение в условиях модели «Школа — территориальный центр здоровьесбережения» в сравнении с традиционной формой не приводит к кумуляции утомления в динамике недели и года, не

нарушает нормальный ход психофизиологического развития (снижается частота случаев сильного и выраженного утомления в динамике дня, недели, года, экспериментального периода, зрительного утомления в конце учебных занятий; уменьшается распространенность неблагоприятных сдвигов со стороны сердечно-сосудистой системы, нервно-психического статуса детей).

5. Модель «Школа — территориальный центр здоровьесбережения» характеризуется выраженным здоровьесберегающим потенциалом: у обучающихся ниже распространенность функциональных нарушений, отмечается тенденция к снижению распространенности хронических болезней опорно-двигательного аппарата и ЛОР-болезней, значительно меньше распространены функциональные нарушения и хронические заболевания органов пищеварения и психической сферы, а также функциональные расстройства сердечно-сосудистой системы и эндокринно-обменные нарушения, существенно ниже уровни острой заболеваемости и обострений хронических болезней.

6. Эффективность экспериментальной модели организации здоровьесберегающей деятельности школ подтверждена всеми участниками образовательного процесса. Все респонденты оценили преимущества работы школы в условиях Модели, увидели положительную динамику в решении вопросов укрепления здоровья детей; важность режима дня для учащихся, изменения сроков каникул. Работа в экспериментальном режиме изменила стереотипы, отношение к сохранению и укреплению здоровья, содействовала изучению современных здоровьесберегающих технологий, приёмов работы, отказу от вредных привычек, содействовала увеличению времени занятий спортом участниками образовательного процесса.

7. Муниципальная модель организации деятельности «Школа — территориальный центр здоровьесбережения» способствует оптимизации функционального состояния и улучшению состояния здоровья учащихся, снижению негативного воздействия неблагоприятных климатических условий проживания на Крайнем Севере и может быть использована в других регионах Крайнего Севера и приравненных к нему территориях. Модель деятельности школ как территориальных центров здоровьесбережения максимально применима в сельских и удаленных районах, маленьких городах и деревнях, в которых школа является органичным центром общественной

жизни и может эффективно способствовать сохранению и развитию здоровья, формированию основ здорового образа жизни среди всех участников образовательного процесса.

Библиографический список

1. Александрова И. Э., Степанова М. И., Седова А. С. Регламентация учебной нагрузки как фактор сохранения здоровья школьников // Российский педиатрический журнал. 2009. № 2. С.11—14.
2. Баранов А. А., Кучма В. Р., Сухарева Л. М. Медицинские и социальные аспекты адаптации современных подростков к условиям воспитания, обучения и трудовой деятельности: Руководство для врачей. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007. 352 с.
3. Кучма В. Р., Степанова М. И., Уланова С. А., Поленова М. А. Сохранение здоровья школьников путем оптимизации их обучения // Российский педиатрический журнал. 2011. № 8. С. 42—46.
4. Кучма В. Р., Сухарева Л. М., Степанова М. И. Гигиенические проблемы школьных инноваций. М.: НЦЗД РАМН, 2009. 240 с.
5. Муратова А. П. Особенности формирования здоровья детей, проживающих в условиях Крайнего Севера на территории ненецкого автономного округа: автореф. дис. ...канд. мед наук. Архангельск, 2010. 18 с.
6. Степанова М. И., Сазонюк З. И., Воронова Б. З. и др. Гигиенические требования к организации работы школ полного дня // Гигиена и санитария. 2009. № 2. С.42—52.
7. Степанова М. И., Уланова С. А. Здоровьесберегающие возможности педагогических технологий // Гигиена и санитария. 2012. № 2. С. 52—55.
8. Токарев С. А. Популяционная оценка и пути оптимизации здоровья детей на Крайнем Севере: автореф. дис. ... докт. мед. наук. М., 2008. 42 с.
9. Уланова С. А., Качмарчик Э. В., Кучма В. Р. Особенности организации здоровьесбережения в образовательных учреждениях северных регионов России: гигиенические проблемы и пути их решения: монография. Сыктывкар, 2010. 112 с.

References

1. Aleksandrova I. E., Stepanova M. I., Sedova A. S. *Reglamentaciya uchebnoj nagruzki kak faktor sohraneniya zdorov'ya shkol'nikov* [Regulation of the study load

as a factor in preserving the health of schoolchildren]. *Rossijskij pediatricheskij zhurnal — Russian Pediatric Journal*, 2009, no. 2, pp.11—14. (In Russ.)

2. Baranov A. A., Kuchma V. R., Suhareva L. M. *Medicinskie i social'nye aspekty adaptatsii sovremennyh podrostkov k usloviyam vospitaniya, obucheniya i trudovoj deyatel'nosti: Rukovodstvo dlya vrachej* [Medical and social aspects of the adaptation of modern adolescents to the conditions of education, training and work, a guide for doctors]. Moscow, GEHOTAR-Media, 2007, 352 p. (In Russ.)

3. Kuchma V. R., Stepanova M. I., Ulanova S. A., Polenova M. A. *Sohranenie zdorov'ya shkol'nikov putem optimizatsii ih obucheniya* [Preserving the health of schoolchildren by optimizing their learning]. *Rossijskij pediatricheskij zhurnal — Russian Pediatric Journal*, 2011, no. 8, pp. 42—46. (In Russ.)

4. Kuchma V. R., Suhareva L. M., Stepanova M. I. *Gigienicheskie problemy shkol'nyh innovacij* [Hygienic problems of school innovation]. Moscow, NCZD RAMN, 2009, 240 p. (In Russ.)

5. Muratova A. P. *Osobennosti formirovaniya zdorov'ya detej, prozhiva-yushchih v usloviyah Krajnego Severa na territorii neneckogo avtonomnogo okruga. Avtoref. diss. ... kand. med. nauk.* [Features of the formation of the health of children living in the conditions of the Far North in the territory of the Nenets. Cand. med. sci. diss. abstr.]. Arhangel'sk, 2010, 18 p. (In Russ.)

6. Stepanova M. I., Sazonjuk Z. I., Voronova B. Z. i dr. *Gigienicheskie trebovaniya k organizatsii raboty shkol polnogo dnya* [Gygienic requirements for the organization of the work of schools of full day]. *Gigiena i sanitariya — Hygiene and Sanitation*, 2009, no. 2, pp. 42—52. (In Russ.)

7. Stepanova M. I., Ulanova S. A. *Zdorov'esberegayushchie vozmozhnosti pedagogicheskikh tekhnologij* [Health-saving opportunities of pedagogical technologies]. *Gigiena i sanitariya — Hygiene and Sanitation*, 2012, no. 2, pp.52—55.

8. Tokarev S. A. *Populyacionnaya ocenka i puti optimizatsii zdorov'ya detej na Krajnem Severe. Avtoref. diss. ... dokt. med. nauk* [Population assessment and ways to optimize the health of children in the Far North. Dr. med. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2008, 42 p. (In Russ.)

9. Ulanova S. A., Kachmarchik Eh. V., Kuchma V. R. *Osobennosti organizatsii zdorov'esberezheniya v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah severnyh regionov Rossii: gigienicheskie problemy i puti ih resheniya: monografiya* [Features of the organization of health preservation in educational institutions of the northern regions of Russia: hygienic problems and their solutions: monograph]. Syktyvkar, 2010, 112 p. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ

Н. Ф. Зюзов

Рецензия на монографию: Первоначала как фактор освоения и организации пространства: генезис, число, топология, вероятность, классификация / под ред. Д. В. Денисова. Самара: Изд-во СамГУПС, 2016. 352 с.

Zyuzev N. F. Review on the monograph: The First Principles as Factors of Territory Development and Formation: Genesis, Number, Topology, Probability, Classification. D. V. Denisov, ed. Samara, Samara State University of Communications Ways Publishing House, 2016, 352 p.

Содержание данной книги достаточно необычно, и она может привлечь интерес читателей с прямо противоположными предпочтениями и специализацией. С одной стороны, архитекторы, планировщики и градостроители могут найти в ней много любопытного, так как значительная часть текста посвящена разного рода проблемам и решениям в организации городской территории и квартирной планировки. Математики, заинтересованные в новых прикладных возможностях своей дисциплины, также могут обратить на нее свое внимание. И наконец, философы, занятые такими разными ве-

щами, как логика, современная аналитическая философия и древняя философия числа, также могут захотеть иметь ее в своей библиотеке. Все дело в том, что группа авторов, работавших над текстом, попытались реализовать занятную, если не сказать эксцентрическую, идею по приложению древнеиндийской философии числа к самым разным фактам жизни и культуры в их пространственных проявлениях. Особенно своеобразно все это выглядит при попытке проанализировать под мистическим углом разного рода архитектурные решения в сегодняшнем российском градостроительстве — в основном на примере города Самары.

Выбор древнеиндийского мистического учения как теоретической основы исследования, конечно, озадачивает. Смысл своего подхода авторы видят в том, что в связи с поставленными задачами он позволяет им осуществить перевод: «1) языка мифологических образов на язык терминов; 2) языка символов на язык функций современной науки; 3) языка числовых моделей на язык принципов системной организации» [с. 9]. Ссылаясь на то, что числовые модели могут оперировать самыми разными моделями, включая этические и философские категории, образами планет и муз и даже описывают «алгоритм творения», авторы свидетельствуют о наличии «общих групп и структурно-технических блоков, характеризующихся одинаковым количеством элементов», между категориями математической мистики и реалиями современной жизни [с. 10]. В качестве примеров числовых алгоритмов приводятся как религиозные (9 ангельских чинов и 12 апостолов), так и научные (63 элемента у Менделеева) и производственные (от 14 до 18 микроэлементов деятельности на заводах Форда) сочетания и ритмы. Как производится заявленный авторами перевод с «мифологического» на научный и наоборот, видно, например, из их утверждения, что «макроалгоритмы имеют мистическую, а именно боговдохновенную природу» [с. 12]. При этом поясняется, что здесь имеется в виду очень специфическая форма боговдохновенности, которая проявляется «в рациональном и очень детальном изъяснении общих принципов развития, осуществляемых в рамках взаимосвязанного применения холистического, структурного и системного подходов» [с. 12]. Пример такой рационализации якобы можно найти «в такой реалии современного государственного устройства, как троичное распределение властей, представляю-

щее значительный шаг от религиозной доктрины о Троице к применению в сфере общественных отношений» [с. 12]. А затем делается гипотеза о существовании «некой абсолютной метрики», которая может применяться к самым разнообразным формам знания и жизнедеятельности [с. 13].

Принцип разделения властей, таким образом, восходит к тайне Троицы! Но тогда возникает вопрос о том, к чему восходит принцип разделения власти на две ветви (как дело обстоит в парламентских западноевропейских странах, а также в Канаде, Австралии и т. д.)? Впрочем, если игнорировать сугубо мистическую составляющую, то в целом исходные позиции данного труда возвращают читателя к старинному философскому спору между реалистами и номиналистами, в котором авторский коллектив без колебаний берет сторону реалистов, то есть тех, кто отстаивал реальность существования общих понятий, в данном случае — чисел. В контексте современной философии и современной науки такая позиция является, мягко говоря, маргинальной, но ведь главное всегда — убедительная аргументация и свежие мысли. По-видимому, «свежесть» следует искать в практическом материале исследования — прежде всего в пространственных решениях современных планировщиков и градостроителей. Вот один только пример: Ленинский район Самары является центром административной, деловой и культурной жизни города. И именно такова, считают авторы, «функция третьего начала бытия: античного Логоса и Разума-Будды сѧнкхьи» [с. 228—229]. Далее эта мысль конкретизируется присутствием в этом районе зданий областной администрации, различного рода вузов и НИИ, а также строительством здесь кафедрального собора Христа Спасителя и т. д. В другом месте говорится об общности пространственной и символически-композиционной организации «Троицы» Андрея Рублева и местности Самарская Лука, причем последнюю надлежит рассматривать в качестве «нерукотворного воплощения» великой иконы на «лике Земли» [с. 198]. Эти и подобные им выводы подкрепляются не только древнеиндийскими религиозными текстами и трудами святых отцов, но и именами крупных ученых в разных областях знания. К. Леви-Стросс, В. Пропп, А. Пуанкаре, А. Лосев, Н. Кондратьев, Л. фон Берталанфи и другие выдающиеся мыслители цитируются в изобилии.

К сожалению для творческого коллектива авторов, приходится напомнить, что кроме мистического понимания чисел имеются и другие, куда более авторитетные в научном мире интерпретации — изложенные, например, И. Кантом, Г. Фреге или Б. Расселом. Очевидно, что они были бы сильно озадачены мыслями о «функции первичности» и ее реализации в том событии, когда «в соответствующем секторе площади Славы на расстоянии около 1 км был осенью 2014 года установлен памятник князю Григорию Засекину, основателю крепости Самары» [с. 222]. Наверное, все-таки дело в том, что сам математический аппарат, свойственный человеческому сознанию, способен видеть и перерабатывать в числах практически любую информацию и любые факты, данные нам в ощущениях. А затем с этими числами можно производить дальнейшую работу и находить самые разнообразные совпадения и параллели. Однако при этом не мешает учитывать, что научная состоятельность у числа π одна, а у мысли о том, что 1945 год вовсе не случайно стал годом победы над фашизмом, так как здесь выразилась творческая мощь «45-элементной структурной модели» [с. 164], — совсем другая. При желании числами можно объяснить все — но только наука здесь будет ни при чем. Когда-то все это достаточно просто и ясно объяснил К. Поппер, обозначив демаркационную линию между наукой и мифологией и указав, что если какой-то научный аппарат (в данном случае «абсолютная метрика») объясняет все, то он не объясняет ничего. И в этом смысле возникает вопрос: а Хиросима и Нагасаки — это тоже проявление «творческой» силы «45-элементной структурной модели»? 45-й год все-таки...

Впрочем, если не обращать внимания на неортодоксальный методологический подход, который переводит книгу из разряда строго научных в категорию теологических изысканий (по признаку «удвоения действительности» на эмпирический мир и идеальный мир чисел), то в ней можно найти немало занимательного. Помимо яркой фантазии авторов, умеющих найти параллели между самыми неожиданными объектами и явлениями и проявляющих в этом деле редкую изобретательность, что превращает книгу в своего рода «игру в бисер» (это комплимент), можно отметить также массу любопытной информации исторического, религиозного, философского, архитектурного, математического, географического и т. д. харак-

тера. Книга эта может быть также интересна культурологам и религиоведам, работающим над проблемами старинных эзотерических учений и их современных интерпретаций — для них этот текст может оказаться настоящей находкой: как по увлекательным экскурсам по всякого рода мистическим учениям, так и по самому «научному анализу».

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Андреев Вячеслав Викторович — аспирант Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия)

Анкудинов Александр Антонович — магистрант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Зыкин Алексей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и культуры речи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия)

Зыков Сергей Николаевич — кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры дизайна Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия)

Зюзев Николай Федосеевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто, председатель комитета по образованию общества «LittleRussia» (Канада, Торонто)

Иванищева Ольга Николаевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и массовых коммуникаций Мурманского арктического государственного университета (Мурманск, Россия)

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Клюкина Людмила Александровна — доктор философских наук, доцент, профессор Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)

Козырев Юрий Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и этики Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Королева Татьяна Павловна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Леонов Иван Владимирович — доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург, Россия)

Лапатин Вадим Альбертович — кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского (Россия, Санкт-Петербург)

Морозова Ирина Николаевна — кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства Челябинского государственного института культуры (Челябинск, Россия)

Родионова Дарья Дмитриевна — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия)

Розов Александр Николаевич — доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Сиротина Ирина Львовна — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой дизайна и рекламы Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева (Саранск, Россия)

Судакова Наталия Евгеньевна — кандидат педагогических наук, докторант кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия)

Сырыгин Денис Сергеевич — аспирант Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия)

Терентьева Светлана Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Тульчинский Григорий Львович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия)

Уланова Светлана Андреевна — доктор биологических наук, директор Республиканского центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Образование и здоровье» (Сыктывкар, Россия)

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ (Москва, Россия)

Шарафуллина Жанна Валерьевна — кандидат педагогических наук, руководитель отдела межведомственного взаимодействия по организации практической деятельности с детьми с ОВЗ и семьями, их воспитывающими Республиканского центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Образование и здоровье» (Сыктывкар, Россия)

Шинкаренко Григорий Валерьевич — главный специалист отдела культурной политики и инновационных проектов Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области (Кемерово, Россия)

Периодическое издание

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-образовательный и методический журнал

№ 4(30) 2018

Редактор *Л. В. Гудырева*

Корректор *Р. П. Попова*

Верстка и компьютерный макет *Т. В. Матвеевой*

Тех. редактор *А. А. Ергакова*

Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 10.12.2018. Дата выхода в свет 21.12.2018.

Печать ризографическая. Гарнитура Cambria.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 14,0. Уч.-изд. л. 12,0.

Заказ № 242. Тираж 500 экз.

Адрес типографии:

Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина

167023. Сыктывкар, ул. Морозова, 25